

СТИВЕН КИНГ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ

РИЧАРД БАХМАН

Блейз

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Блейз

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
(Richard Bachman)

BLAZE
MEMORY

Перевод с английского *В. Вебера*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Художник *В. Лебедева*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Блейз : [сборник] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. В. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-105335-2

После смерти знаменитого преступника Джорджа Рэкли его ученик Блейз решает в одиночку осуществить задуманный Рэкли план — похищение ребенка из семьи миллионеров.

Теперь Блейз, держа маленького Джо в заложниках, скрывается в лесах штата Мэн... а полиция все ближе.

И «преступление века» превращается в настоящую гонку со временем.

В сборник также включен рассказ «Память», послуживший основой для романа «Дьюма-Ки».

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-105335-2

© Stephen King, 2007

© Перевод. В. Вебер, 2007

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Ричард Бахман
БЛЕЙЗ

*Томми и Лори Спрюс
И думая о Джеймсе Т. Фаррелле*

Это руины сердца.

Джон Д. Макдональд

РАСКРЫВАЯ ВСЕ КАРТЫ

Это сундучный роман. Понимаете? Я хочу, чтобы вы знали об этом, пока чек еще при вас и вы не капнули на книгу соусом или мороженым, после чего вернуть ее в магазин будет очень сложно, а то и вовсе не получится*. Это исправленное и дополненное издание, но что с того? Автором указан Бахман, потому что «Блейз» — последний из романов 1966–1973 годов, периода наивысшей продуктивности сего господина.

В эти годы я как бы раздваивался. С одной стороны, был Стивен Кингом, который писал (и продавал) рассказы-ужастики для таких малотиражных мужских журналов, как «Кавальер» и «Адам»**, а с другой — Ричардом Бахманом, писавшим романы, которые никто не хотел покупать. «Ярость»***, «Долгая Прогулка», «Дорожные работы» и «Бегущий чело-

* Говоря об этом, я предполагаю, что вам нравится мое творчество и вы редко садитесь за стол, чтобы перекусить или даже плотно поесть, без книги, которую читаете в настоящий момент. — *Здесь и далее в предисловии примеч. автора.*

** За одним исключением: Бахман под псевдонимом Джон Суитен продал единственный детективный рассказ «Пятая четверть».

*** Более не публикуется, и это хорошо.

век»*. В результате все четыре были сразу опубликованы в дешевом карманном формате.

«Блейз» — последний из ранних романов... пятая четверть, если хотите. Или, если настаиваете, еще один из сундучных романов известного писателя. Время написания — конец 1972 и начало 1973 года.

Я думал, что роман отличный, когда работал над ним, и решил, что полный отстой, когда прочитал от начала и до конца. Насколько помню, не показывал его ни одному издателю, даже не посылал в «Даблдей», где у меня к тому времени появился друг, Уильям Дж. Томпсон. Именно Билл позднее открыл Джона Гришэма, именно Билл подписал со мной договор на следующую после «Блейза» книгу, запутанную, но занимательную историю о выпускном вечере в центральной части штата Мэн**.

На несколько лет я забыл о «Блейзе». Потом, когда остальные ранние бахмановские романы появились на прилавках, достал его из дальнего ящика, чтобы просмотреть на предмет публикации. Прочитав первые двадцать страниц, решил, что мое первоначальное мнение правильное, и вернул рукопись туда, откуда взял. Я подумал, что роман написан вполне пристойно, но сюжет вызывает в памяти слова, однажды произнесенные Оскаром Уайльдом. А сказал он, что нельзя читать «Лавку

* За этими последовал роман Бахмана «Худеющий», и не удивительно, что меня вычислили, поскольку фактически написан он был Стивеном Кингом: фотография на заднем клапане суперобложки никого не обманула.

** Полагаю, я единственный писатель в истории англоязычной романистики, чья карьера основана на гигиенических прокладках; эта часть моего литературного наследия неоспорима.

древностей», не проливая от смеха потоки слез*. Так что «Блейз» был благополучно забыт, но не утерян. Его всего лишь засунули в какой-то угол библиотеки Фоглера в Университете Мэна с остальными бумагами и рукописями Стивена Кинга/Ричарда Бахмана.

Вот так «Блейз» пролежал в темноте тридцать лет**. А потом я опубликовал тоненькую книжку в мягкой обложке «Парень из Колорадо» в серии «Крутой детектив». Серию эту придумал очень умный и очень расчетливый парень, Чарльз Ардай. Ему страшно хотелось переиздать старый «нуар» и детективные романы, которые ранее печатались только в карманном формате, и добавить к ним новые. «Парню из Колорадо» крутизны определенно не хватало, но Чарльз все равно решил его опубликовать под одной из знаменитых обложек серии***. Проект оказался успешным... если не считать задержек с выплатой гонорара****.

Годом позже я подумал: может, стоит вновь двинуться по пути крутого детектива, только с более «крутым» произведением. Мои мысли впервые за много лет вернулись к «Блейзу», но следом тащилась

* Примерно так же я реагировал на «Обычного человека» Филиппа Рота, «Джуда Незаметного» Томаса Гарди и «Дочь хранителя тайны» Ким Эдвартс: в какой-то момент чтения начинал смеяться, махать руками и кричать: «Где рак? Где слепота? Ничего этого у нас еще нет!»

** Не в сундуке, конечно, а в картонной коробке.

*** Дама, по глазам которой читается: свяжешься со мной — жди беды. А в трюсиках, понятное дело, можно найти исключительно экстаз.

**** Что тоже напоминает мне не слишком удачные прежние времена книжек в мягкой обложке.

чертова цитата Оскара Уайльда насчет «Лавки древностей». «Блейз», насколько я помнил, был не крутым «нуаром», а плаксой в три ручья. Однако я решил, что неплохо бы на него взглянуть. При условии, что роман удастся отыскать. Я помнил картонную коробку. Я помнил шрифт старой портативной пишущей машинки (неубиваемой «Оливетти») моей жены Табиты, но понятия не имел, что произошло с рукописью, которая лежала в этой картонной коробке. Насколько я знал, она могла даже исчезнуть. Да, детка, исчезнуть*.

Не исчезла. Марша, одна из двух моих бесценных помощниц, нашла ее в библиотеке Фоглера. Не доверила мне оригинал (я... э... теряю вещи), но сделала ксерокопию. Я, должно быть, использовал совершенно выбитую ленту, когда печатал «Блейза», потому что текст был едва виден, а пометки на полях практически выцвели. Однако я сел с рукописью и начал читать, готовый испытать разочарование, какое может вызвать только произведение, написанное тобой же, когда ты был куда моложе и самоувереннее.

Но я подумал, что «Блейз» очень даже хорош, определенно лучше «Дорожных работ», романа, сюжет которого, как я в то время полагал, лежал в основном русле американской беллетристики.

* В моей литературной карьере мне удалось потерять не один, а два достаточно хороших романа, работа над которыми была в самом разгаре. Но если я успел написать лишь пятьдесят страниц романа «Под Куполом», после чего он исчез, то в «Каннибалах» перевалил за двухсотую страницу, когда этот роман канул в небытие. Вторых экземпляров не осталось. Дело было до появления компьютеров, а копиркой для первого варианта я никогда не пользовался... считал, что это нехорошо.

Разумеется, «нуаром» здесь и не пахло. Скорее речь шла о натурализме с преступлением, стиле, который в 1930-х годах практиковали Джеймс М. Кейн и Хорас Маккой*. Я думал, что обращения к прошлому лучше прямого изложения событий. Мне они напоминали трилогию «Молодой Лонигэн» Джеймса Т. Фаррелла и забытый (но отменный) роман «Гэс-Хауз Макджинти». Конечно, местами роман был ВНД**, но не следовало забывать, что писал его молодой человек (мне тогда было двадцать пять), убежденный, что создает очередную НЕТЛЕНКУ.

Я подумал, что «Блейза» можно переписать и опубликовать, не испытывая особого стыда, но он, пожалуй, не укладывался в рамки «крутого» детектива. И вообще в каком-то смысле не был детективным романом. Скорее трагедией человека, лишенного многого из того, что дано другим людям (если при переработке романа уйти от жалости). Вот я и обратился к бесстрастным, сухим интонациям, свойственным лучшим произведениям «нуара», даже использовал шрифт, называемый «American Typewriter», напоминающий о том, что я делаю. Работал быстро, не оглядываясь назад, не заглядывая вперед, пытаюсь также придать роману свойственный тем книгам драйв (я больше ориентировался на Джима Томпсона и Ричарда Старка, чем на Кейна, Маккоя или Фаррелла). Думал, что правку буду вносить в самом конце, карандашом, а не редактировать роман на компьютере, как нынче модно. Если уж книга должна стать неким воз-

* И, очевидно, дань уважения роману «О мышах и людях» — трудно уйти от такого сравнения.

** ВНД — витиеватый, натужный, дерганый.

вращением в прошлое, мне хотелось это как-то обыграть, а не игнорировать. Я также намеревался вычистить из романа всю сентиментальность, хотел, чтобы законченная книга была полностью лишена ее, напоминая пустой дом без единого ковра на полу. Как сказала бы моя мать: «Я бы хотела, чтобы проступило ее чистое лицо». Только читатель сможет вынести вердикт, удалось мне это или нет.

Если вас это волнует (вообще-то не должно: полагаю, вы пришли сюда за хорошей историей, и, надеюсь, вы ее получите), все гонорары и дополнительные доходы, полученные от «Блейза», пойдут в «Хейвен фаундейшн», основанный с тем, чтобы помогать творческим людям, попавшим из-за травмы или болезни в затруднительную ситуацию*.

С другой стороны, раз уж я все равно держу вас за лацкан, скажу, что старался, насколько возможно, избежать в «Блейзе» временной привязки, чтобы не ограничивать действие романа какими-то вехами**. Полностью исключить датировку, конечно же, невозможно, некоторые временные ориентиры важны для сюжета***. Если у вас сложится впечатление, что все происходит «в Америке, не так уж и давно», думаю, это оптимальный вариант.

* Чтобы побольше узнать о «Хейвен фаундейшн» (The Haven foundation), вы можете заглянуть на мой сайт www.stephenking.com.

** Мне не нравилось, что Клай Блейсделл рос в послевоенной (речь о Второй мировой) Америке. Сейчас это совершеннейшая архаика, а вот в 1973 году, когда я печатал этот роман в трейлере, где жил с женой и двумя детьми, не вызывало особых возражений (и, вероятно, правильно).

*** Если бы роман писался сегодня, конечно же, пришлось бы учитывать повсеместное использование мобильных и определителей номера.

Могу я закончить, вернувшись к тому, с чего начал? Это старый роман, но я уверен, что ошибся в первоначальной оценке, посчитав его плохим романом. Вы можете не согласиться... но это не «Девочка со спичками». Как всегда, постоянный читатель, я желаю вам всего наилучшего, благодарю за то, что читаете эту историю, и надеюсь, что она вам понравится. Не стану говорить, мол, надеюсь, что вы всплакнете, но...

Нет. Все-таки скажу. Если ваши глаза и затуманятся, пусть это будут не слезы от смеха*.

*Стивен Кинг (за Ричарда Бахмана)
Сарасота, Флорида
30 января 2007 г.*

* Российский читатель знаком с мастерами американского детектива, да и просто с писателями США гораздо хуже Стивена Кинга, поэтому считаю необходимым дать короткую справку по именам и названиям: Джеймс Т. Фаррелл (1904–1979) кроме вышеупомянутой трилогии написал 17 сборников рассказов; Джеймс М. Кейн (1892–1977) — один из основателей крутого детектива, автор книг «Почтальон всегда звонит дважды» и «Серенада»; Хорас Маккой (1897–1955) — автор романа «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?»; Джим Томпсон (1906–1977) — крепкий детективист-середняк; Ричард Старк — псевдоним нынешнего патриарха детективной прозы Дональда Уэстлейка (1933–2008). Не хотел говорить... но все-таки скажу: «Лавка древностей» — роман Чарлза Диккенса, «Девочка со спичками» — не детектив, а сказка Ганса Христиана Андерсена. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 1

Джордж находился где-то в темноте. Блейз не мог его разглядеть, но голос доносился громко и четко, грубый, чуть хрипловатый. По голосу всегда казалось, что Джордж слегка простужен. Что-то с ним произошло, когда он был ребенком. Джордж никогда не говорил, что именно, но адамово яблоко пересекала полоска шрама.

— Не этот, тупица, у него весь бампер в наклейках. Возьми «шеви» или «форд». Темно-синий или темно-зеленый. Двухлетний. Ни больше ни меньше. Никто их не запоминает. И никаких наклеек.

Блейз миновал маленький автомобильчик с наклейками на бампере, продолжил путь. Даже здесь, в дальнем конце автостоянки у пивной, он слышал музыку. Дело происходило в субботу вечером, так что пивная была забита под завязку. Холодный воздух больно кусался. В город Блейза подвезли, но он провел под открытым небом сорок минут, и уши у него онемели. Шапку он взять забыл. Всегда что-нибудь забывал. Уже начал доставать руки из карманов куртки, чтобы прикрыть уши, но Джордж помешал. Сказал, что уши могут замерзнуть,

а вот руки — нет. Уши не требовались для того, чтобы завести двигатель без ключа зажигания. Температура воздуха была лишь на три градуса выше ноля*.

— Вот он, — сказал Джордж. — Справа от тебя.

Блейз посмотрел и увидел «сааб». С наклейкой на бампере. Вроде бы совсем не тот автомобиль, который следовало угонять.

— Этот слева, — фыркнул Джордж. — А надо *справа*, тупица. По ту руку, которой ты ковыряешь в носу.

— Извини, Джордж.

Да, он опять ступил. В носу мог ковырять обеими руками, но знал, какая рука правая: та, которой писал. Подумал об этой руке и посмотрел в нужную сторону. Увидел темно-зеленый «форд».

Блейз направился к «форду», не подавая виду, что интересуется этим автомобилем. Обернулся. Пивная называлась «Мешок», и собирался там народ из местного колледжа. Название пивной дали глупое, мешком называли то самое, где находятся твои яйца. В пивной (по существу — обычной забегаловке) по пятничным и субботним вечерам играла рок-группа. В зале наверняка было шумно и тепло, множество молоденьких девушек в коротких юбках танцевали, как очумелые. Хорошо бы зайти, оглядеться...

— И чего ты сюда пришел? — спросил Джордж. — Прогуляться, как по Коммонуэлс-авеню**? Ты не сможешь обмануть и мою слепую бабулю. Займись делом, а?

* Три градуса выше ноля по шкале Фаренгейта соответствуют 16 градусам мороза по Цельсию.

** Коммонуэлс-авеню — одна из центральных улиц Бостона.

- Хорошо, я просто...
- Да, я знаю, что ты просто. Не отвлекайся.
- Хорошо.
- Кто ты, Блейз?

Он опустил голову, втянул сопли.

- Я — тупица.

Джордж всегда говорил, что в этом нет ничего постыдного, но это факт, и его нужно признавать. Как бы ты ни старался, за умного тебя никто и никогда не принял бы. Они смотрели на тебя и сразу видели: свет горит, но дома никого. Если ты — тупица, то должен быстренько закончить все дела и тут же смотаться. А уж если тебя поймали, выкладывая все, что знаешь, только не называй парней, которые были с тобой. Потому что в конце концов копы вытащат из тебя все остальное. Джордж говорил, что хуже тупиц никто врать не умеет.

Блейз вытащил руки из карманов, дважды согнул и разогнул пальцы. Костяшки заныли от холодного воздуха.

- Готов, здоровяк? — спросил Джордж.
- Да.
- Тогда я пойду пропущу пивка. А ты займись тачкой.

Блейз почувствовал поднимающуюся панику. Она быстро добралась до горла.

- Эй, нет, я никогда такого не делал. Только наблюдал за тобой.

— Теперь тебе придется пошевеливаться, не только наблюдать.

- Но...

Он замолчал. Продолжать не имело смысла, если только он не собирался кричать. Слышал, как по-

скрипывает утрамбованный снег под ботинками идущего к пивной Джорджа. Но скоро шаги растворились в басовых ритмах.

— Господи, — выдохнул Блейз. — Господи Иисусе.

Пальцы уже начали замерзать. При такой температуре они на что-тогодились минут пять. Может, и меньше. Он подошел к водительской дверце в надежде, что она заперта. Будь дверца заперта, на автомобиль пришлось бы махнуть рукой, потому что «ловкого Джима» у него не было. «Ловкий Джим» остался у Джорджа. Да только водитель «форда» дверцу не запер. Блейз распахнул ее, наклонился, потянул на себя рычаг открывания капота. Потом обошел автомобиль спереди, нащупал защелку, нажал, поднял капот.

В кармане лежал маленький фонарик. Блейз достал его, включил, направил луч на двигатель.

Найди провод зажигания.

Но сколько же тут всего. Кабели, идущие к аккумулятору, шланги, провода к свечам, бензопровод...

Он стоял, а капельки пота катились и замерзали на щеках. Толку от этого быть не могло. Никакого толку. И тут его осенило. Идея, возможно, пришла в голову не самая лучшая, но и такое случалось нечасто, а если уж она возникала, не оставалось ничего другого, кроме как ее реализовывать. Он вернулся к водительской дверце, вновь открыл. В салоне зажегся свет, но с этим он ничего не мог поделать. Впрочем, если бы кто увидел его, то подумал бы, что у него проблемы с двигателем. Конечно, при такой температуре никто не стал бы

этому удивляться, верно? Даже Джордж не отругал бы его за зажегшуюся лампочку. Сильно бы, во всяком случае, не отругал.

Он опустил солнцезащитный козырек над рулевым колесом, надеясь, хотя и не веря, что оттуда выпадет запасной ключ. Иногда люди держат его там — но обнаружился только старый скребок. Упал на пол. Блейз открыл бардачок. Набит бумагами. Он начал вытаскивать их, переправляя на пол. Для этого ему пришлось встать коленями на водительское сиденье. Из рта валили клубы пара. Только бумаги и коробочка мятных пастилок, никаких ключей.

Ну что, тупица ты чертов, услышал он голос Джорджа, теперь доволен? Теперь готов завести двигатель без ключа зажигания?

Блейз полагал, что да. Полагал, что готов по крайней мере вырвать несколько проводов, соединить их, как соединял Джордж, и посмотреть, что из этого выйдет. Он захлопнул дверцу и, опустив голову, уже двинулся к поднятому капоту «форда». Остановился, потому что в голове сверкнула новая идея. Вернулся, открыл дверцу, наклонился, поднял коврик — и там он лежал. На ключе Блейз не увидел слова «ФОРД», на нем не было вообще никаких слов — дубликат, что с него взять, — но квадратная головка и конфигурация бородки говорили о том, что именно этот ключ ему и нужен.

Блейз поднял его. Поцеловал холодный металл.

«Незапертая дверца, — подумал он. Потом: — Незапертая дверца и запасной ключ зажигания под ковриком. — И наконец: — Похоже, сегодня я не самый тупой, Джордж. Есть и потупее».

Он сел за руль, захлопнул дверцу, вставил ключ в замок зажигания (вошел как по маслу), потом понял, что не видит автостоянку из-за поднятого капота. Огляделся, посмотрел сначала направо, потом — налево, чтобы убедиться, что Джордж решил не выходить из пивной и помогать ему. Джордж задал бы ему перца, если б увидел, что он сидит за рулем, а капот по-прежнему открыт. Но Джорджа поблизости не было. Никого не было. Автостоянка напоминала тундру, уставленную машинами.

Блейз вылез из кабины, закрыл капот. Снова сел за руль, протянул руку, чтобы захлопнуть дверцу, замер, не дотянувшись до ручки. А как же Джордж? Пойти в пивную и позвать его? Блейз сидел, нахмурившись, с опущенной головой. Лампочка под крышей заливала желтым светом его большие руки.

«Знаете что? — подумал Блейз, поднимая голову. — Да пошел он».

— Пошел ты на хрен, Джордж, — озвучил он свою мысль. Джордж заставил его добираться сюда на попутке, встретил только здесь, потом ушел. Ушел, и ему пришлось самому делать всю грязную работу. Да, Блейз нашел ключ, но лишь благодаря слепой удаче, которая иногда улыбается даже самым тупым. Так что пошел ты, Джордж. Испытай на себе, каково это — ловить попутку, когда на улице такой собачий холод.

Блейз захлопнул дверцу, завел двигатель, перевел ручку переключения автоматической коробки передач в положение «Drive», выехал со стоянки. Уже на шоссе резко надавил на педаль газа, «форд» рванулся вперед, задние колеса занесло на утрамбован-

ном снегу. Блейз тут же нажал на педаль тормоза, паника парализовала его. О чем он думал? Уехать без Джорджа? Да его остановят, прежде чем он проедет пять миль. Возможно, остановят на первом же светофоре. Он не мог уехать без Джорджа.

«Но Джордж мертв».

Чушь собачья. Джордж только что был здесь. Пошел выпить пива.

«Он мертв».

— Ох, Джордж, — простонал Блейз. Склонился над рулем. — Ох, Джордж, не будь мертвым.

Посидел какое-то время. Двигатель «форда» работал отлично. В нем ничего не постукивало, не гремело, несмотря на холод. Датчик топлива показывал, что бак заполнен на три четверти. В зеркале заднего обзора виднелся поднимающийся белый дымок выхлопа.

Джордж не вышел из пивной. Не мог выйти, потому что не входил. Джордж мертв. Уже три месяца, как мертв. Блейза начало трясти.

Через какое-то время он взял себя в руки. Поехал дальше. Никто не остановил его ни на первом светофоре, ни на втором. Никто не остановил его, когда он выезжал из города. Административную границу Алекса он пересек на скорости пятьдесят миль в час. Иногда автомобиль скользил на корочках льда, но Блейза это не тревожило. Еще подростком он гонял по обледенелому асфальту.

За городом он разогнался до шестидесяти миль. Лучи фар ошупывали дорогу яркими пальцами и отражались от сугробов с обеих сторон шоссе. Да, у одного студента наверняка отвиснет челюсть, когда он подведет студентку к тому месту на автосто-

янке, где оставил свой «форд». А она посмотрит на него и скажет: «Ты — тупица. Никогда больше не буду тусоваться с тобой, ни здесь, ни где-то еще».

— Не тусоваться, — поправил себя Блейз. — Если она из колледжа, то скажет «встречаться».

Блейз улыбнулся. Улыбка преобразила его лицо. Он включил приемник. Зазвучал рок. Блейз крутил ручку настройки, пока не нашел кантри. Когда подъезжал к своей лачуге, пел во весь голос вместе с радио и начисто забыл о Джордже.

Глава 2

Но вспомнил на следующее утро.

Это проклятие — быть тупицей. Горе всегда изумляет тебя, потому что ты вечно забываешь о важном. В памяти остается только что-то глупое. Вроде стихотворения, которое миссис Зелиг заставила их выучить в пятом классе: «Под раскидистым каштаном кузня сельская стоит»*. Какой от этого толк? Какой от этого толк, когда ты ловишь себя на том, что чистишь картошку на двоих, и вдруг до тебя доходит: не нужно чистить картошку на двоих, потому что другой парень больше никогда есть не будет?

Что ж, может, это не горе. Может, горе — совсем и неправильное слово. Неправильное, если горевать — плакать и биться головой о стену. Ты этого не делаешь, когда уходят такие, как Джордж. Но

* Из стихотворения «Деревенский кузнец» знаменитого американского поэта Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882).

с его уходом появляется одиночество. И появляется страх.

Джордж сказал бы: «Господи, ты когда-нибудь сменишь свои гребаные трусы? Эти уже стоят сами по себе. Они отвратительные».

Джордж сказал бы: «Ты завязал только один шнурок, дубина стоеросовая».

Джордж сказал бы: «Ох, твою мать, повернись, я заправлю тебе рубашку. Вожусь с тобой, как с ребенком».

Когда он проснулся утром, после кражи «форда», Джордж сидел в соседней комнате. Блейз не видел его, но знал, что тот сидит в сломанном мягком кресле, как обычно, опустив голову так, что подбородок чуть ли не упирается в грудь.

— Ты опять напортачил, Конг, — услышал он, едва открыл глаза. — Поздрав-твою-мать-ляю.

Блейз аж зашипел, когда ноги коснулись холодного пола. Потом надел ботинки. Голый, если не считать обуви, подскочил к окну. Автомобиля нет. Он облегченно выдохнул. У рта образовалось облачко пара.

— Нет, не напортачил. Поставил его в сарай, как ты мне и говорил.

— Ты не замел гребаные следы, понимаешь? Почему ты не поставил рядом щит-указатель, Блейз? «ЗДЕСЬ СТОИТ УГНАННЫЙ АВТОМОБИЛЬ». Можешь даже брать плату за вход. Почему бы тебе этого не сделать?

— Ох, Джордж...

— «Ох, Джордж, ох, Джордж!» Пойди и замети их.

— Хорошо. — Он направился к двери.

— Блейз?

— Что?

— Надень сперва портки, вот что.

Блейз почувствовал, как краснеет.

— Как ребенок. — В голосе Джорджа слышалось смирение. — Который бреется.

Джордж знал, как поддеть побольнее, это точно. Только в результате он поддел не того парня, и слишком больно. Такое зачастую приводит к смерти, а потом уже не скажешь ничего умного. И теперь Джордж мертв, а Блейз заставляет его говорить у себя в голове, да еще отдает ему лучшие фразы. Джордж мертв с той самой игры в крэпс* на складе.

«Я просто чокнутый, раз уж пытаюсь проверить все сам, — подумал Блейз. — Такая дубина, как я».

Но он надел трусы (сначала тщательно осмотрел их на предмет пятен), потом теплое белье, фланелевую рубашку и брюки из вельвета. Рабочие ботинки из «Сирса» стояли под кроватью. Армейская куртка с капюшоном висела на ручке двери. Он поискал рукавицы и нашел их на полке над древней дровяной плитой, которая стояла в комнате, служившей и кухней, и гостиной. Взял клетчатую кепку с наушниками, надел на голову, чуть сдвинув козырек влево — на удачу. Потом вышел из дома, подхватив щетку, приставленную к двери.

Утро выдалось ясное и холодное. Влага под носом мгновенно затрещала, превратившись в лед. Порыв ветра тут же бросил ему в лицо снежную пыль, заставив поморщиться. Джорджу просто от-

* Крэпс — разновидность игры в кости.

давать приказы. Джордж сидит в доме у плиты, пьет кофе. Как в прошлую ночь, когда ушел выпить пива, оставив Блейза разбираться с автомобилем. И он бы до сих пор разбирался, если бы слепая удача не повернулась к нему лицом и он не нашел бы запасной ключ то ли под ковриком на полу, то ли в бардачке, Блейз уже забыл где. Иногда он сильно сомневался в том, что Джордж — очень хороший друг.

Он замел следы щеткой, но поначалу постоял несколько минут, любуясь ими — столбиками снега, который вминался во впадины протектора, тенями, которые отбрасывали эти столбики. Такие маленькие, такие совершенные, и никто никогда не обращал на них внимания. Он разглядывал их, пока не надоело смотреть (Джорджа-то, который предложил бы ему поторопиться, нет). А потом прошелся по всей короткой подъездной дорожке до самого шоссе, считая следы, оставленные колесами «Форда». Ночью по шоссе проехал снегоочиститель, выталкивая на обочины снежные дюны, которые ветер наметал на этих дорогах, проложенных среди открытых полей, что по одну, что по другую сторону, так что других следов не осталось.

Блейз вернулся к лачуге. Вошел. Теперь внутри было значительно теплее. Когда он вылезал из кровати, ему показалось, что в доме собачий холод, а теперь вдруг стало тепло. Занятно, правда, как могли меняться ощущения человека в одних и тех же условиях. Он снял армейскую куртку, башмаки, фланелевую рубашку, сел за стол в нижней рубашке и вельветовых брюках. Включил радио и удивился: настроено не на рок, который всегда слушал

Джордж, а на милое сердцу кантри. Лоретта Линн* пела, что твоя хорошая девушка может стать очень даже плохой. Джордж рассмеялся бы и сказал что-то вроде: «Это точно, милашка, можешь стать плохой и сесть мне на лицо». И Блейз рассмеялся бы вместе с ним, но, если по-честному, песня эта всегда навевала на него грусть.

Когда кофе сварился, он вскочил и налил две чашки. В одну добавил сливок и завопил:

— Джордж? Вот твой кофе, дружище! Не дай ему остыть!

Нет ответа.

Он посмотрел на кофе со сливками. Сам он не пил кофе с чем бы то ни было, и что с ним теперь делать? Что с ним теперь делать? Что-то поднялось к горлу, и он чуть не швырнул гребаный кофе со сливками через комнату, но сдержался. Вместо этого отнес к раковине и вылил. Это называлось держать себя в руках. Когда ты здоровяк, нужно уметь держать себя в руках, а не то нарвешься на неприятности.

Блейз оставался в лачуге, пока не прошло время ленча. Потом выкатил украденный автомобиль из сарая, остановил у кухонных ступенек для того, чтобы забросать снежками номерные знаки. Умно! Теперь снег не позволял их разглядеть.

— И что, скажи на милость, ты делаешь? — спросил Джордж из сарая.

— Не важно, — ответил Блейз, — все равно ты только у меня в голове, — сел в «форд» и выехал на шоссе.

* Лоретта Линн (р. 1932) — одна из наиболее знаменитых и титулованных исполнительниц песен в стиле кантри.

— Не очень-то здоровое решение. — Джордж уже расположился на заднем сиденье. — Разъезжать по городу в украденном автомобиле. Не перекрасив его, не поменяв номерные знаки. И куда ты направляешься?

Блейз не ответил.

— Ты же не едешь в Окома-Хайтс, а?

Блейз не ответил.

— Ох, твою мать, похоже, едешь. Будь я проклят! Так уж тебе обязательно довести до конца это дельце?

Блейз не ответил. Словно в рот воды набрал.

— Послушай меня, Блейз. Поверни назад. Тебя арестуют, это же ясно. Ничего у тебя не получится. Будь уверен.

Блейз знал, что Джордж прав, но поворачивать не стал. Почему Джордж всегда командует им? Даже мертвый не может перестать отдавать приказы. Конечно, план придумал Джордж, план этого большого дела, повернуть которое мечтает каждый мелкий жулик. «Только у нас действительно все получится», — говорил он, но обычно в сильном подпитии, и по голосу не чувствовалось, что он в это верил.

Большую часть времени они прокручивали несложные аферы, требовавшие участия двух человек, и Джорджа, похоже, это вполне устраивало, что бы он ни говорил, когда напивался или выкуривал «косяк». Может, эта идея с Окома-Хайтс была для Джорджа всего лишь игрой или тем самым, что он называл мысленной мастурбацией, когда видел мужчин в костюмах, рассуждающих в телевизоре о политике. Блейз знал, что Джордж умен. Если в чем и сомневался, так только в его силе духа.

Но теперь, когда Джордж мертв, какой у него выбор? Сам по себе Блейз ни на что не годился. После смерти Джорджа однажды попытался срубить легких денег, так ему пришлось бежать со всех ног, чтобы не загреметь за решетку. Фамилию женщины он взял на странице некрологов, точно так же, как это делал Джордж, и начал говорить то же, что говорил Джордж. Показал копию кредитного чека (их в лачуге стоял целый пакет, из лучших магазинов). Сказал, что очень сожалеет, поскольку пришел в столь тяжелое время, но бизнес есть бизнес, и она, конечно, понимает. Она ответила, что понимает. Пригласила в прихожую, попросила подождать, пока сходит за кошельком. Он и представить себе не мог, что она вызовет полицию. Если б она не вернулась и не наставила на него револьвер, он бы так и стоял, пока не приехали бы копы и не забрали его. Чувство времени не подсказало бы, что пора сматываться.

Но она вернулась с нацеленным на него револьвером. Это был серебристый женский револьвер с какими-то завитушками по бокам и перламутровой рукояткой.

— Полиция уже выехала, — сказала она, — но прежде чем они появятся здесь, я хочу, чтобы ты мне кое-что объяснил. Я хочу, чтобы ты сказал мне, каким же нужно быть подонком, чтобы пытаться обмануть женщину, которая только что похоронила мужа?

Блейза не волновало, что она хотела от него услышать. Он повернулся и выскочил за дверь, скатился с крыльца, помчался прочь от дома. Бегал он очень даже быстро, стоило ему сдвинуться с места,

вот только сдвинуться для него было не просто, а в тот день паника еще сильнее затормозила его. Если бы женщина нажала на спусковой крючок, то могла бы попасть ему в спину или в большую голову, или отстрелить ухо, или промазать. Поскольку револьвер был с укороченным стволом, куда попала бы пуля, не скажешь. Но женщина не выстрелила.

В лачугу он вернулся с завязанным в узлы желудком, едва сдерживая стоны страха. Он не боялся тюрьмы или любого другого исправительного учреждения, не боялся даже полиции (хотя и знал, что они запутают его своими вопросами, всегда запутывали). Испугался он другого — легкости, с которой она раскусила его. Словно для нее это было раз плюнуть. Вот Джорджа они раскусывали крайне редко, а когда раскусывали, он сразу понимал, что происходит, и вовремя ретировался.

А теперь это. Блейз знал, что не сумеет все вернуть, но не отступался. Может, хотел обратно в тюрьму. Может, это не самый худший вариант, теперь, когда Джорджа нет. Пусть кто-то еще думает за него и приносит еду.

Может, хотел, чтобы его арестовали прямо сейчас, когда он ехал на украденном автомобиле по Окома-Хайтс. Аккурат мимо дома Джерардов.

Зима в Новой Англии очень холодная, и дом выглядел, будто замороженный дворец. Окома-Хайтс, как говаривал Джордж, для богатеньких, так что дома больше напоминали особняки. Летом они высились посреди просторных лужаек, но теперь лужайки превратились в сверкающие под солнцем снежные поля. Благо в эту зиму снега выпало много.

И дом Джерардов был одним из лучших. «Колониальные понты», так Джордж называл его, но Блейз думал, что дом прекрасен. Джордж рассказывал, что начальный капитал Джерарды сделали на морских перевозках. Первая мировая война обогатила их, Вторая — сделала богами. Снег и солнце холодным огнем отражались от множества окон. Джордж говорил, что в доме более тридцати комнат. Он провел разведку, выдав себя за сотрудника компании «Сентрал вэлли пауэр», снимающего показания электросчетчиков. Было это в сентябре. Блейз сидел за рулем грузовичка, который они скорее позаимствовали на время, чем украли, хотя он предполагал, что полиция, если б они попались, обвинила бы их в краже. Какие-то девушки играли в крикет на боковой лужайке. То ли ученицы средней школы, то ли студентки колледжа, симпатичные. Блейз смотрел на них и уже начал возбуждаться. Когда Джордж вернулся и велел заводить двигатель и сматываться, Блейз рассказал ему о симпатичных девушках, которые к тому времени ушли за дом.

— Я их видел, — ответил Джордж. — Думают, что они лучше всех. Думают, что их говно не воняет.

— Миленькие, однако.

— Да кого это волнует? — мрачно ответил Джордж, скрестив руки на груди.

— У тебя на них когда-нибудь вставало, Джордж?

— На таких крошек? Ты с ума сошел. Заткнись и веди машину.

Теперь, вспоминая тот разговор, Блейз улыбался. Джордж напоминал лису, которая не могла дотянуться до винограда, вот и говорила всем, что

ягоды кислые. Мисс Джолисон читала им эту басню во втором классе.

По словам Джорджа, семья была большая. Старые мистер и миссис Джерард, причем он в свои восемьдесят мог за день высосать пинту «Джека». Средние мистер и миссис Джерард. И еще младшие мистер и миссис Джерард. Младший мистер Джерард звался Джозефом Джерардом-третьим и действительно был молод — двадцать пять лет. Его жена была нармянкой*, то есть, как считал Джордж, из спиков**. Раньше Блейз думал, что спиками называют только итальянцев.

Дальше по улице он развернулся и проехал мимо дома еще раз, гадая, каково это, жениться в двадцать два года. Сразу направился домой. Следовало и честь знать.

У средних Джерардов были и другие дети, помимо Джозефа Джерарда-третьего, но они значения не имели. Кто имел значение, так это младенец. Джозеф Джерард-четвертый. Большое имя для такой крошки. В сентябре, когда Блейз и Джордж снимали показания электросчетчика, младенцу было только два месяца. То есть теперь... один, два, три, четыре месяца между сентябрем и январем... стало шесть. Он был единственным правнуком первого Джо, основателя династии.

— Если ты задумал кого-то похитить, то похищать нужно младенца, — говорил Джордж. — Младенец тебя не опознает, следовательно, ты можешь

* В оригинале: «His wife was a Narmenian». Скорее всего полуграмотный Блейз отрывает «п» от неопределенного артикля «ап» и добавляет к «Агmenian».

** Спик — пренебрежительное прозвище латиноамериканцев.

вернуть его живым. И он не будет портить тебе жизнь, пытаясь убежать, или выбросить в окно записку, или что-то еще. Будет только лежать, и ничего больше. Даже не узнает, что его похитили.

Они сидели в лачуге перед телевизором, пили пиво.

— И сколько, ты думаешь, с них можно получить? — спросил Блейз.

— Достаточно для того, чтобы больше не проводить ни одного зимнего дня с замерзшей жопой, продавая фальшивые подписки на журналы или собирая пожертвования для Красного Креста, — ответил Джордж. — Как тебе это нравится?

— Но сколько бы ты попросил?

— Два миллиона, — ответил Джордж. — Один для тебя и один для меня. Чего жадничать?

— Жадность губит, — ввернул Блейз.

— Жадность губит, — согласился Джордж. — Именно этому я тебя и учил. Но сколько стоит рабочий, Блейз-э-рино? Что я тебе говорил по этому поводу?

— Своей зарплаты.

— Совершенно верно. — Джордж глотнул пива. — Рабочий стоит своей гребаной зарплаты.

И теперь он ехал к своему жалкому домишке, где они с Джорджем жили с того момента, как перебрались к северу от Бостона, действительно собираясь похитить младенца. Он понимал, что его могут схватить... но два миллиона долларов! Он смог бы куда-нибудь уехать и больше никогда не мерзнуть. А если его арестуют? Самое худшее, что они могли с ним сделать, так это дать пожизненный срок.

Если б такое произошло, он опять-таки никогда бы больше не мерз.

Поставив угнанный «форд» в сарай, он вспомнил о том, что нужно замести следы. Вот бы Джордж поразовался.

Дома он поджарил пару гамбургеров.

— Ты действительно собираешься это проверить? — спросил Джордж из другой комнаты.

— Ты прилег, Джордж?

— Нет, стою на голове и гоняю шкурку. Я задал тебе вопрос.

— Попытаюсь. Ты мне поможешь?

Джордж вздохнул.

— Полагаю, придется. Теперь я от тебя никуда. Но... Блейз?

— Что, Джордж?

— Проси только один миллион. Жадность губит.

— Хорошо, только миллион. Хочешь гамбургер?

Нет ответа. Джордж опять умер.

Глава 3

Он готовился похитить младенца в тот же вечер, чем раньше, тем лучше, но Джордж ему не позволил.

— И что ты собрался делать, тупая башка?

Блейз уже собрался идти в сарай, чтобы вставить ключ в замок зажигания «форда».

— Готовлюсь к тому, чтобы это сделать, Джордж.

— Сделать что?

— Похитить младенца.

Джордж рассмеялся.

— Чего ты смеешься, Джордж? — спросил он, подумав при этом: «Как будто я сам не знаю!»

— Над тобой.

— Почему?

— И как ты собираешься его похитить? Расскажи мне.

Блейз нахмурился. Его лицо, и без того уродливое, превратилось в морду тролля.

— Как мы и планировали. Из его комнаты.

— Какой комнаты?

— Ну...

— Как ты собираешься туда попасть?

Это он помнил.

— Через одно из окон второго этажа. Там простые задвижки. Ты это видел, Джордж. Когда мы приезжали от той электрической компании. Помнишь?

— Лестница есть?

— Ну...

— Когда младенец будет у тебя, куда ты его положишь?

— В автомобиль, Джордж.

— Ох, слов нет — одни буквы. — Такое Джордж говорил, лишь когда доходил до точки и не мог найти другого выражения.

— Джордж...

— Я знаю, что ты положишь его в гребаный автомобиль, я бы и не подумал, что ты собираешься нести его домой на спине. А что ты собираешься делать потом? Куда ты положишь его потом?

Блейз подумал о лачуге. Огляделся.

— Ну...

— Как насчет пеленок? Ползунков? Бутылочек? Детской еды? Или ты собираешься давать ему на гребаный обед гамбургер и бутылку пива?

— Ну...

— Заткнись! Заговоришь еще раз, и меня вырвет!

Блейз плюхнулся на кухонный стул, опустив голову. Его лицо горело от стыда.

— И выключи эту дерьмовую музыку! Эта тетка так надрывается, словно собирается залезть к себе под юбку!

— Хорошо, Джордж.

Блейз выключил радио. Телевизор, японское старье, купленное Джорджем на распродаже, уже сломался.

— Джордж?

Нет ответа.

— Джордж, пожалуйста, не уходи. Извини меня. — Блейз слышал страх в собственном голосе. Чуть ли не плакал.

— Ладно, — раздался голос Джорджа, когда Блейз уже подумал, что тот ушел навсегда. — Вот что ты должен сделать. Ограбь маленький магазин. Не большой. Маленький. Тот семейный магазинчик на шоссе номер 1, где мы покупали разную мелочевку, вполне подойдет.

— Хорошо.

— «Кольт» все еще у тебя?

— Под кроватью, в коробке из-под обуви.

— Возьми его. И натяни чулок на лицо. Иначе парень, который работает в ночную смену, узнает тебя.

— Хорошо.

— Пойдешь туда в субботу вечером, перед самым закрытием. Скажем, без десяти час. Они не берут чеки, поэтому ты сможешь забрать две-три сотни баксов.

— Конечно! Это здорово!

— Блейз, и вот что еще.

— Что, Джордж?

— Вытащи патроны, понял?

— Конечно, Джордж. Я это знаю, так мы всегда и делаем.

— Так мы всегда и делаем, точно. *Вот такой у нас расклад.* Ударь этого парня, если придется, но сделай все, чтобы этот случай попал максимум на третью страницу местной газеты. Никаких первых полос.

— Хорошо.

— Ты — ослиная жопа, Блейз. Ты это знаешь, так? Тебе этого никогда не проверить. Может, будет лучше, если ты попадешься на мелочевке.

— Я не попадусь, Джордж.

Нет ответа.

— Джордж?

Нет ответа. Блейз сдался и включил радио. К ужину он все забыл и накрыл стол на двоих.

Глава 4

Клайтон Блейсделл-младший родился во Фрипорте, штат Мэн. Через три года его мать сшиб грузовик, когда она переходила Мэйн-стрит с паке-

том продуктов. Она погибла мгновенно. Шофер был пьян и управлял автомобилем без водительского удостоверения. На суде сказал, что очень сожалеет. Плакал. Обещал вновь вернуться к «Анонимным алкоголикам». Судья назначил ему штраф и приговорил к шестидесяти дням. У маленького Клая началась Жизнь с Отцом, который многое знал о выпивке, но ничего — об АА. Клайтон-старший работал подборщиком и сортировщиком на «Супериэр миллс» в Топшэме. Другие рабочие говорили, что иногда даже видели его трезвым.

Клай уже читал, когда пошел в первый класс, и без проблем мог прибавить к двум яблокам три, получив правильный результат. Даже тогда он был крупным для своего возраста мальчиком, и хотя во Фрипорте многие вопросы решались кулаками, у него не возникало проблем на игровой площадке, пусть он обычно являлся туда с книгой, зажатой в левой руке или под мышкой. Но его отец был куда крупнее, поэтому других детей интересовало, с каким синяком или повязкой Клай Блейсделл придет в школу в следующий понедельник.

— Будет чудом, если он вырастет без тяжелого увечья или отец его не убьет, — как-то раз сказала в учительской Сара Джолисон.

Чуда не произошло. Одним субботним похмельным утром Клайтон-старший, пошатываясь, вышел из спальни квартиры на втором этаже, которую они занимали с сыном. Клай в это время сидел на полу гостиной, смотрел мультфильмы и ел «Эппл Джекс»*.

* «Эппл Джекс» — сухой завтрак компании «Келлогг», миниатюрные колечки, изготовленные из муки, сушеных яблок и корицы.

— Сколько раз я говорил тебе, не ешь здесь это дерьмо? — осведомился Старший у Младшего, потом поднял сына и сбросил с лестницы. Клай приземлился на голову.

Отец спустился вниз, поднял его, отнес наверх, бросил снова. После первого падения Клай остался в сознании. После второго отключился. Отец опять спустился вниз, поднял сына, принес наверх, оглядел. Пробурчал: «Гребаный сукин сын», — снова бросил вниз.

— Вот, — сказал он лежащему у подножия лестницы Клаю, более всего напоминающему тряпичную куклу. — Может, теперь ты подумаешь дважды, прежде чем снова принесешь в гостиную это гребаное дерьмо.

К сожалению, с тех пор Клай уже не мог хоть о чем-то подумать дважды. Три недели он пролежал в коме в Портлендской центральной больнице. Лечащий врач полагал, что мальчик останется в таком состоянии до самой смерти, превратившись в овощ. Но Клай очнулся. К сожалению, слабоумным. Времена, когда он не расставался с книжкой, канули в Лету.

Власти не поверили отцу Клая, когда тот заявил, что мальчик получил все эти травмы, случайно свалившись с лестницы. Не поверили они и его утверждению, что четыре сигаретных ожога на груди ребенка — результат какой-то кожной болезни.

Клай больше не увидел той квартиры на втором этаже. Опеку над ним взял штат, и из больницы он отправился в приют, где его сиротская жизнь началась с того, что на игровой площадке двое мальчишек выбили из-под него костыли и убежали, смеясь,

как тролли. Клай подобрал костыли и поднялся. Не заплакал.

Его отец протестовал против решения органов опеки как в полиции, так и, куда более активно, в нескольких барах. Грозил обратиться в суд, чтобы вернуть сына, но так и не обратился. Заявлял, что любит Клая, и, возможно, действительно любил, да только любовь эта оборачивалась синяками и ожогами. Так что в приюте мальчику было лучше.

Но не намного лучше. Приют Хеттон-Хауз в южном Фрипорте особых удобств не предоставлял, и детство у Клая было жутким, пусть ситуация несколько выправилась после того, как зажило его тело. Тогда по крайней мере он смог ясно дать понять самым отъявленным задирам, что на игровой площадке им лучше обходить стороной и его, и тех детей помладше, которые обращались к нему за защитой. Задиры называли его Болваном, Троллем, Конгом, но он ничего не имел против этих прозвищ и оставлял задир в покое, если они не трогали его. Они и не трогали, после того, как он наkostenял тем, кто пытался тронуть. Злым Клай не был, но, если его провоцировали, становился опасным.

Дети, которые не боялись Клая, называли его Блейзом, и со временем он так свыкся с этим прозвищем, что оно заменило ему имя.

Однажды он получил письмо от отца. «Дорогой сын, — говорилось в письме, — как ты поживаешь? У меня все отлично. Работаю в эти дни в Линкольне, катаю бревна. Все было бы хорошо, если бы эти б***и платили за сверхурочные. ХА! Я собираюсь купить небольшой домик и пошлю за тобой, как

только это сделаю. Что ж, напиши мне короткое письмо и расскажи своему старому папе, как у тебя дела. Можешь прислать фотографию». Завершала письмо подпись: «С любовью, Клайтон Блейсделл».

У Блейза не было фотографии, чтобы отослать отцу, но он мог бы ему написать (учительница музыки, которая приходила по вторникам, помогла бы, в этом он не сомневался), да только на грязном измятом конверте не было обратного адреса. Лишь адрес получателя: «Клайтону Блейсделлу-младшему «Серотский приют» во ФРИТАУНЕ, МЭН».

Никаких других весточек Блейз от отца не получал.

За время пребывания в Хеттон-Хаузе его отправляли в несколько семей, всякий раз осенью. Новые «родители» держали Блейза достаточно долго, он помогал им собирать урожай и сметать снег с крыш и дорожек. Но, едва приходила весна, они решали, что он им не подходит, и отсылали обратно в приют. Иногда в новой семье было совсем и неплохо. Но иногда (как у Боуи с их жуткой собачьей фермой) — действительно ужасно.

После расставания с Хеттон-Хаузом Блейзу пришлось самостоятельно искать себе хлеб и кров в Новой Англии. Иногда он был счастлив, пусть и не хотел такого счастья, да и было это не то счастье, какое он видел у других людей. Наконец он осел в Бостоне (более или менее, корней не пускал нигде), потому что в сельской местности чувствовал себя очень уж одиноким. Там ему случалось ночевать в сарае, просыпаться глубокой ночью, выходить под открытое небо и смотреть на звезды. Их было так много, и он знал, что они были до него и будут по-

сле. Мысли эти вызывали у него и ужас, и восторг. Иногда, если он ловил попутку, и происходило это в ноябре, ветер обдувал его, трепал штанины, а он грустил о чем-то утерянном, вроде того письма, что пришло без обратного адреса. Иногда по весне он смотрел в небо и видел птицу. Бывало, этого хватало для счастья, но чаще он замечал, как что-то внутри его становится маленьким и может вот-вот разбиться.

«Нехорошие это ощущения, — думал он, — и раз уж они возникают, не следует мне смотреть на птиц». Но иной раз все равно поднимал взгляд к небу.

Бостон пришелся ему по душе, но временами Блейз испытывал страх. В городе жили множество людей, миллион, может, больше, и никому не было никакого дела до Клая Блейсделла. Если они и обращали на него внимание, то лишь из-за внушительных габаритов да вмятины во лбу. Иногда он находил какое-то развлечение, иногда пугался. Он как раз пытался немного поразвлечься в Бостоне, когда встретил Джорджа Рэкли. А после того, как он встретил Джорджа, жизнь стала лучше.

Глава 5

Маленький семейный магазин назывался «Тим-и-Джанетс куик-пик». Дальние от входа полки были забиты бутылками вина и шестибаночными упаковками пива. Огромный холодильный шкаф тянулся вдоль задней стены. На стеллажах двух из четырех проходов лежали расфасованные продукты.

За кассовым аппаратом стояла бутылка размером с маленького ребенка, наполненная маринованными яйцами. В «Тим-и-Джанетс» продавали и предметы первой необходимости: сигареты, гигиенические прокладки, хот-доги, сборники кроссвордов.

Вечерами в магазине работал прыщавый парень, который днем учился в Портлендском отделении Университета Мэна. Звали его Гарри Нейсон, и он писал диплом по скотоводству. Когда без десяти час в магазин вошел здоровенный мужчина с вмятиной на лбу, Нейсон читал книгу, которую взял с полки, заставленной женскими романами. Называлась книга «Большой и крепкий». Вечерний наплыв покупателей сошел на нет. Нейсон решил, что как только здоровяк купит бутылку вина или упаковку пива, он закроет магазин и пойдет домой. Может, возьмет с собой книгу и подрочит. Он как раз думал о том, что эпизод со странствующим проповедником и двумя похотливыми вдовами вполне для этого подойдет, когда здоровяк сунул ему под нос ствол и сказал:

— Вываливай все, что в кассовом аппарате.

Книга выпала у Нейсона из рук. Мысли о прочке разом вылетели из головы. Он вытаращился на ствол. Открыл рот, чтобы сказать что-то умное. Какую-нибудь фразу из тех, что человек, на которого наставили пистолет, говорит в телевизионном сериале, если человек этот — главный герой. Но с губ сорвалось лишь: «А-а-а-а».

— Вываливай все, что в кассовом аппарате, — повторил здоровяк. Вмятина во лбу пугала. Достаточно глубокая, чтобы в ней разместился пруд с лягушками.

Тут Гарри Нейсон вспомнил (хотя голова работала плохо) полученные от босса инструкции на случай ограбления: не спорить с грабителем, сразу отдать все, что он требует. Магазин полностью застрахован. Нейсон вдруг осознал, что тело его очень нежное и уязвимое, в нем полным-полно всяких полостей и жидкостей. Мочевой пузырь расслабился. И тут же нестерпимо захотелось срать.

— Ты меня слышал?

— А-а-а-а, — подтвердил Нельсон и нажал на клавишу «NO SALE» на кассовом аппарате.

— Положи деньги в пакет.

— Хорошо. Да. Конечно. — Он сунул руку на полку под кассовым аппаратом, где лежали пакеты, свалил большую часть на пол. Наконец ухватился за один, раскрыл, начал скидывать туда купюры из отделений денежного ящика, который выдвинулся из кассового аппарата.

Дверь открылась, вошли молодой человек и девушка, скорее всего студенты. Увидели ствол и остановились.

— Это что? — спросил молодой человек. Он курил сигариллу, а его пальто украшал круглый значок с надписью «POT ROCKS»*.

— Ограбление, — ответил Нейсон. — Пожалуйста, не злите этого господина.

— Ну и ну. — Лицо парня со значком начало расплываться в улыбке. Он нацелил на Нейсона палец. С грязью под ногтем. — Так этот хрен тебя грабит?

Мужчина с пистолетом повернулся к Значку.

* Pot Rocks — «травка» рулит (англ.).

— Бумажник, — потребовал он.

— Слушай, — Значок все улыбался, — я на твоей стороне. Цены в этом магазине... и все знают, что Тим и Джанет Куарлес — первые реакционеры после Гитлера...

— Дай мне бумажник, а не то я вышибу твои мозги.

Значок внезапно осознал, что он может нарваться на серьезные неприятности, и это точно не кино. Он перестал улыбаться и разглагольствовать. Несколько красных пятен проступило на резко побледневшем лице. Он вытащил черный «Лорд Бакстон»* из кармана джинсов.

— Когда нужен коп, егоечно нет, — холодно отметила девушка. В длинном коричневом пальто и черных кожаных сапогах. Волосы цветом соответствовали сапогам. Во всяком случае, на этой неделе.

— Брось бумажник в пакет, — потребовал здоровяк с револьвером. Потом Гарри Нейсон не раздумал, что в тот момент мог стать героем, если бы оглоушил грабителя гигантской бутылью с маринованными яйцами. Только, судя по внешнему виду, у грабителя была крепкая голова. Очень крепкая.

Бумажник исчез в пакете.

Грабитель обошел студентов по широкой дуге, направляясь к двери. Для своих габаритов двигался он проворно.

— Свинья, — бросила девушка.

* «Лорд Бакстон» — компания по производству изделий из кожи.

Грабитель остановился как вкопанный. На мгновение девушка подумала (так она потом рассказывала полиции), что сейчас он развернется, начнет стрелять и положит их всех. Позднее, в полиции, в своих показаниях они разошлись в цвете волос (каштановые, русые, светлые), цвете лица (белокожее, румяное, бледное), одежде (куртка с капюшоном, ветровка, шерстяная рубашка), но все, как один, отметили внушительные габариты грабителя и запомнили его последние слова. Адресовались они ничем не примечательной темной двери и прозвучали почти как стон: «Господи, Джордж, я забыл про чулок!»

А потом он ушел. На мгновение они увидели его, бегущего мимо витрины в холодном белом свете неоновой рекламы «Шлиц», что горела над входом в магазин, потом на другой стороне улицы взревел двигатель, и здоровяк укатил в ночь. На седане. Больше они ничего определить не смогли, ни компанию-изготовителя, ни модель автомобиля. Как раз повалил снег.

— Слишком много за пиво, — заметил Значок.

— Пойди к холодильному шкафу и возьми бутылку, — предложил Гарри Нейсон. — За счет заведения.

— Да? Ты уверен?

— Конечно, уверен. И ты тоже. — Он посмотрел на девушку. — Почему нет, мы застрахованы. — И он захохотал.

Когда полиция допрашивала его, он сказал, что никогда не видел этого грабителя. И только позже у него возникли сомнения. Вроде бы он видел его

прошлой осенью, в компании тощего недомерка с крысиным лицом, который покупал вино и ругался.

Глава 6

Когда Блейз проснулся следующим утром, снега навалило чуть ли не до свесов крыши лачуги, а огонь погас. Мочевой пузырь Блейза сжался, едва его ноги коснулись ледяного пола. На пятках он поспешил в ванную, морщась, при каждом выдохе изо рта вырывалось облако белого пара. Моча секунд тридцать вытекала под давлением по крутой дуге, и лишь потом ее напор спал. Блейз удовлетворенно вздохнул, стряхнул последние капли, подпортил воздух.

За стенами дома ревел и буйствовал ветер. Сосны перед окном кухни гнулись и раскачивались. Блейзу они напоминали худых женщин на похоронах.

Он оделся, открыл дверь черного хода, добрался до поленницы под южным свесом. Подъездную дорожку полностью замело. Видимость составляла пять футов, может, и меньше. Его это радовало. Ветер метнул пригоршню жесткого крупяного снега ему в лицо. Его это радовало.

Отапливали лачугу тяжелыми дубовыми поленьями. Блейз набрал огромную охапку, остановился в дверях только для того, чтобы стряхнуть снег с ног. Разжег плиту, не снимая куртки. Потом

налил воды в кофейник. Поставил на стол две чашки.

Постоял, хмурясь. Что-то он забыл.

Деньги! Он забыл пересчитать деньги.

Двинулся в другую комнату. Голос Джорджа остановил его. Джордж был в ванной.

— Ослиная жопа.

— Джордж, я...

— «Джордж, я — ослиная жопа». Можешь ты это сказать?

— Я...

— Нет, скажи: «Джордж, я — ослиная жопа, которая забыла натянуть на лицо чулок».

— Я добыл д...

— Скажи это.

— Джордж, я — ослиная жопа. Я забыл.

— Забыл что?

— Забыл натянуть на лицо чулок.

— А теперь скажи все вместе.

— Джордж, я — ослиная жопа, которая забыла натянуть на лицо чулок.

— А теперь вот что скажи. Скажи: «Джордж, я ослиная жопа, которая хочет, чтобы ее поймали».

— Нет! Это неправда! Это ложь, Джордж!

— Это как раз правда. Ты хочешь попасться, отправиться в Шоушенк и работать в прачечной. Это правда, только правда и ничего, кроме правды. Это правда на палочке. Ты — тупая животное. *Вот* правда!

— Нет, Джордж. Это неправда. Даю слово.

— Я ухожу.

— Нет! — От паники перехватило дыхание. Она не давала дышать, как рукав старой фланелевой

рубашки, который отец однажды засунул ему в рот, чтобы оборвать его крики. — Нет, я забыл, я — ту-пица, без тебя я никогда не вспомню, что нужно купить...

— Желаю тебе хорошо провести время, Блейзер. — Голос Джорджа по-прежнему доносился из ванной, но стал заметно тише. — Ты его отлично проведешь, когда тебя поймают, отправят за решетку и дадут гладить эти гребаные простыни.

— Я буду делать все, что ты говоришь. Я больше не напортачу.

Потянулась долгая пауза. Блейз уже решил, что Джордж ушел.

— Может, я еще вернусь. Но не думаю.

— Джордж! Джордж!

Кофе закипел. Блейз налил одну чашку и прошел в спальню. Пакет из коричневой бумаги с деньгами лежал под матрасом со стороны Джорджа. Он вытряс деньги на простыню, которую постоянно забывал менять. Она застилала кровать уже три месяца, с того дня, как умер Джордж.

Навар с семейного магазина составил двести шестьдесят долларов. Еще восемьдесят оказалось в бумажнике студента. Более чем достаточно, чтобы купить...

Что? Что следовало покупать?

Подгузники. Понятное дело. Если хочешь похитить младенца, нужно запастись подгузниками. И многим другим. Но он не мог вспомнить, чем именно.

— Что нужно, кроме подгузников, Джордж? — спросил он с нарочитой небрежностью, надеясь застать Джорджа врасплох, чтобы тот от неожидан-

ности заговорил. Но Джордж на приманку не клюнул.

Может, я еще вернусь. Но не думаю.

Он убрал деньги в пакет из коричневой бумаги, заменил бумажником студента собственный, изношенный, поцарапанный, весь в трещинах. В его бумажнике лежали две засаленные долларовые купюры, выцветшая кодаковская фотография его обнимающихся отца и матери и фотография, сделанная в фотобудке — самого Блейза и его единственного друга из Хеттон-Хауза, Джона Челцмана. А также счастливые полдоллара с изображением Кеннеди, старый счет за глушитель (из тех времен, когда они с Джорджем ездили на большом, вечно ломающемся «понтиак-бонневилле») и сложенный «полароид».

Джордж смотрел с «полароида» и улыбался. Чуть шурился, потому что солнце било в глаза. В джинсах и рабочих ботинках. В шляпе набекрень, сдвинутой влево, как и всегда. Джордж говорил, что сдвиг влево приносит удачу.

У них было много разных трюков, и большинство из них (самые лучшие) не требовали особых усилий. В некоторых расчет строился на обмане, в других — на жадности, в третьих — на страхе. Джордж называл их мелким надувательством. А те трюки, что основывались на страхе, — страшилками.

— Я люблю это простенькое дерьмо, — говорил Джордж. — Почему я люблю это простенькое дерьмо?

— Мало движущихся частей, — отвечал Блейз.

— Именно! Мало движущихся частей.

В лучшей из страшилок Джордж одевался, как он сам говорил, «слишком уж ярко», а потом отправлялся в некоторые известные ему бары. Они не были барами для геев или барами для мужчин с нормальной сексуальной ориентацией. Джордж называл их «серыми барами». И жертва всегда находила Джорджа. Сам Джордж никогда не проявлял инициативы. Блейз раз или два задумывался над этим (насколько мог задумываться), но так и не смог прийти к какому-то выводу.

У Джорджа был нюх на скрытых гомосексуалистов и бисексуалов, которые раз или два в месяц отправлялись на поиски приключений, спрятав обручальное кольцо в бумажник. Оптовые торговцы, страховщики, школьные администраторы, молодые, умные банковские чиновники. Джордж говорил, что от них шел характерный запах. И Джордж очаровывал их. Помогал им преодолеть застенчивость, находил нужные слова. А потом упоминал, что остановился в хорошем отеле. Не в известном отеле, а в хорошем. И безопасном.

Речь шла об «Империале», расположенном неподалеку от Чайнатауна. У Джорджа и Блейза были все необходимые договоренности с портье второй смены и бригадиром коридорных. Номер мог меняться, но всегда находился в конце коридора, а примыкающие к нему номера пустовали.

Блейз сидел в вестибюле отеля с трех до одиннадцати. В такой одежде на улицу он бы никогда не вышел. Волосы блестели от масла. В ожидании Джорджа пролистывал комиксы. Уходящего времени не замечал.

Гениальность Джорджа состояла в том, что лох, которого он приводил с собой, никогда не нервничал. Ему не терпелось остаться наедине с Джорджем, но никакой нервозности он не проявлял. Блейз давал им пятнадцать минут, потом поднимался в номер.

— Никогда не думай о том, что тыходишь в номер, — инструктировал его Джордж. — Представляй себе, что ты выходишь на сцену. И лох — единственный, кто не знает, что это представление.

Блейз открывал дверь своим ключом и являлся на сцену со словами: «Хэнк, дорогой, я так рад, что вернулся, — а потом приходил в ярость и изображал ее очень неплохо, хотя, возможно, и не дотягивал до голливудских стандартов: — Господи, нет! Я его убью! Я его убью!»

И тут же трехсотфунтовое тело нависало над кроватью, на которой трясся от страха лох, к тому времени обычно остающийся в одних носках. Джордж в последний момент успевал броситься между лохом и своим «разъяренным» бойфрендом. «Хоть какой, но барьер», — думал лох. Если еще мог думать. И тут же начиналась мыльная опера.

ДЖОРДЖ. Дана, послушай меня... все совсем не так, как кажется.

БЛЕЙЗ. Я его убью! Прочь с дороги, дай мне его убить! Я выброшу его в окно!

(Вскрики ужаса лоха — восемь, а то и десять.)

ДЖОРДЖ. Пожалуйста, дай сказать.

БЛЕЙЗ. Я оторву ему яйца!

(Лох начинает просить сохранить ему жизнь и половые органы, не обязательно в такой последовательности.)

ДЖОРДЖ. Нет, не оторвешь. Сейчас ты спустишься в вестибюль и там дождешься меня.

После этих слов Блейз предпринимал еще одну попытку добраться до лоха. Джорджу удавалось его удержать — из последних сил. Тогда Блейз вытаскивал бумажник из брюк лоха.

БЛЕЙЗ. Теперь у меня твое имя и адрес, сука! И я позвоню твоей жене!

Вот тут большинство лохов забывали про угрозу и жизни, и гениталиям. Теперь их интересовали исключительно собственная честь и мнение соседей. Блейз находил такую смену приоритетов странной, но именно так происходило в реальной жизни. Бумажник, кстати, позволял вывести лоха на чистую воду. Лох говорил Джорджу, что зовут его Билл Смит и живет он в Нью-Рошелле, а на самом деле оказывался Доном Донахью из Бруклина.

Представление тем временем продолжалось, как и положено любому шоу.

ДЖОРДЖ. Иди вниз, Дана. Очень тебя прошу, иди вниз.

БЛЕЙЗ. Нет!

ДЖОРДЖ. Иди вниз, а не то я больше никогда не заговорю с тобой. Меня тошнит от твоих истерик и собственнических замашек.

Вот тут Блейз уходил, прижимая бумажник к груди, бормоча угрозы, бросая злобные взгляды на лоха.

Как только дверь закрывалась, лох разве что не целовал Джорджу ноги. Он должен заполучить бумажник. Он готов на все, лишь бы бумажник вернулся к нему. Деньги значения не имеют, но документы... Если Салли узнает... и Мелкий! Ох, Господи, если Мелкому станет известно...

Джордж успокаивал лоха. С этой частью представления он справлялся прекрасно. Говорил, что с Даной, возможно, удастся найти общий язык. Чего там, с Даной наверняка удастся найти общий язык. Ему требовалось несколько минут, чтобы успокоиться, а потом Джордж поговорит с ним наедине. Объяснит что к чему. И немного приголубит этого здоровенного болвана.

Блейз, разумеется, ждал Джорджа не в вестибюле, а в номере на втором этаже. Когда Джордж спустился, они подсчитывали добычу. Наихудшим результатом стали сорок три доллара. Наилучшим — пятьсот пятьдесят. Именно столько денег оказалось в бумажнике крупного менеджера продуктовой компании.

Они давали лоху достаточно времени, чтобы попотеть и сделать себе строгое внушение. Джордж давал лоху достаточно времени. Джордж точно знал необходимый временной интервал. Это было удивительно. Словно в голове у него работали часы с будильником, настроенным на каждого лоха. Наконец он возвращался в первый номер с бумажником, говорил, что Дана внял голосу разума, но деньги вернуть отказался. Все, что смог сделать Джордж, так это убедить его не брать кредитные карточки. Извини.

Лоха деньги нисколько не волнуют. Он уже лихорадочно копается в бумажнике, чтобы убедиться, что водительское удостоверение, карточка «Голубого креста»*, карточка социального страхования и фотографии по-прежнему при нем. Все на месте. Сла-

* «Голубой крест» — бесприбыльный страховой полис. Покрывает часть расходов, связанных с пребыванием в больнице.

ва Богу, все на месте. Став беднее, но мудрее, он одевается и, крадучись, выскальзывает из номера, возможно, всей душой сожалея о том, что родился с яйцами.

За четыре года, предшествовавших второму аресту Блейза, эту аферу они прокручивали чаще всего, и она никогда их не подводила. Не возникало у них проблем и с полицией. Блейз пусть и не блистал умом, но оказался хорошим актером. Джордж стал его вторым настоящим другом, и требовалось лишь представить себе, что лох убеждает Джорджа, будто Блейз — полная никчемность. И Джордж только попусту тратит на него время и талант. Что Блейз не только тупица, но еще и убийца, и хренов наркоман. Едва перед мысленным взором Блейза возникала такая картина, в нем поднималась волна праведной ярости. И отойди Джордж в сторону, Блейз переломал бы лоху руки. Может, убил бы его.

Теперь, вертя в руках полароидный снимок Джорджа, Блейз ощущал внутреннюю пустоту. Как в те моменты, когда смотрел в небо и видел или звезды, или птицу на телефонном проводе, или трубу, из которой поднимался дымок. Джордж ушел, а он по-прежнему глуп. Попал в переплет, а выхода нет.

Но, может, он сумеет доказать Джорджу, что ему хватит ума провернуть это дельце. Может, сумеет доказать, что нет у него намерения попасться. И что это означает?

Это означает подгузники. Подгузники и что еще? Господи, что еще?

Он глубоко задумался. И думал все утро, которое тянулось под падающий снег.

Глава 7

В магазине «Все для младенцев» «Гигантского универмага Хагера» он казался таким же инородным телом, как булыжник — в гостиной. На нем были джинсы, рабочие ботинки с кожаными шнурками, фланелевая рубашка и черный кожаный ремень с пряжкой, сдвинутой влево, на удачу. На этот раз он вспомнил про кепку, ту самую, с наушниками, и теперь держал ее в руке. Стоял он посреди преимущественно розовой комнаты, залитой ярким светом. Посмотрел налево — и увидел столики для пеленания. Посмотрел направо — коляски. У него создалось полное ощущение, что он приземлился на Планете Младенцев.

Вокруг ходили женщины. Одни с большими животами, другие — с маленькими детьми. Большинство детей плакало, и все женщины настороженно поглядывали на Блейза, будто тот мог в любой момент озвереть и начать крушить Планету Младенцев, разбрасывая разорванные одеяла и плюшевых медвежат со вспоротыми животами. Подошла продавщица, чему Блейз очень обрадовался. Он не решался к кому-либо обратиться. Знал, когда люди боятся, и понимал, что здесь ему не место. Он, конечно, был туп, но не настолько.

Продавщица спросила, не требуется ли ему помощь. Блейз ответил, что требуется. Он не мог подумать обо всем, что хотел купить, как ни старался, вот и решил воспользоваться тем единственным средством, которое было в его распоряжении: обмануть.

— Я уезжал из штата. — Он обнажил зубы в улыбке, которая испугала бы и кугуара, но продавщица храбро улыбнулась в ответ. Ее макушка едва доставала до середины его грудной клетки. — И только что узнал, что жена брата... родила... пока я отсутствовал, видите ли, вот я и хочу купить мальчику... младенцу все необходимое. Что ему нужно.

Продавщица просияла.

— Понимаю. Какой вы щедрый. Какой заботливый. А что конкретно вы хотите купить?

— Я не знаю. Я ничего не знаю о... о младенцах.

— Сколько вашему племяннику?

— Кому?

— Сыну жены вашего брата.

— А! Понял! Шесть месяцев.

— Это хорошо. — Ее глаза сверкнули. — Как его зовут?

На мгновение вопрос поставил Блейза в тупик. Потом он пробормотал:

— Джордж.

— Прекрасное имя. Греческое. Означает «работающий на земле».

— Да? Ну, до этого еще далеко.

Продавщица продолжала улыбаться.

— Конечно. Ладно, а что у нее уже есть?

К этому вопросу Блейз подготовился.

— То, что есть, хорошим не назовешь. С деньгами у них туго.

— Понимаю. То есть вы хотите... начать с самого начала.

— Да. Вы все правильно поняли.

— Как вы щедры! Что ж, начинать надо с дальнего конца авеню Пуха, с Кроватной опушки. У нас есть отличные деревянные кровати...

Блейза потрясло, как много всего необходимо одному крохотному человеческому существу. Он-то полагал, что взял хорошие деньги в семейном магазине, но Планету Младенцев покинул с практически пустым бумажником.

Он купил кроватку «Страна грез», люльку, высокий стульчик «Счастливый Гиппо», складной столик для пеленания, пластмассовую ванночку, восемь ночных рубашек, восемь резиновых трусов, восемь нижних рубашек с застежками, принцип действия которых никак не мог понять, три простыни, больше похожие на столовые салфетки, три одеяла, валики для кровати, чтобы младенец, начав крутиться, не ударился головой о прутья решетки, свитер, шапочку, сапожки, красные туфельки с колокольчиками на язычках, двое штанишек в тон рубашкам, четыре пары носков, которые не налезали на его палец, набор бутылочек, сосок, клеенок (пластиковые подкладки выглядели точь-в-точь как мешочки, в которых Джордж покупал «травку»), ящик какой-то смеси, которая называлась «Симилак», ящик баночек с фруктовым пюре «Джуниор фрутс», ящик баночек «Джуниор диннер», ящик баночек «Джуниор десерт» и один набор посуды с синим гномиком Смurfом и другими героями этого мультсериала.

Вкус у младенческой еды был отвратительный. Он попробовал ее по приезде домой.

По мере того как свертки с покупками громоздились все выше в углу магазина, взгляды застен-

чивых молодых мамаш становились дольше и раздумчивее. Происходящее стало событием, отложившимся в памяти: здоровенный мужчина в одежде дровосека ходит за миниатюрной продавщицей от одного прилавка к другому, внимательно слушает, потом покупает все то, что она предлагает ему купить. Продавщицу звали Нэнси Молдау. Она получала процент от проданных товаров, и с каждой новой покупкой Блейза в ее глазах прибавлялось блеска. Наконец она пробила общую сумму и, когда Блейз отсчитывал деньги, Нэнси Молдау выдала ему четыре упаковки памперсов.

— Вы закрыли мне день, — сказала она. — Более того, вы сделали мне карьеру в торговле товарами для младенцев.

— Благодарю вас, мэм. — Блейз очень обрадовался памперсам. Про подгузники он напрочь забыл.

Когда он загружал две тележки покупками (на одну грузчик положил упакованные в картон высокий стульчик и детскую кроватку), Нэнси Молдау крикнула:

— Обязательно привезите этого молодого человека, чтобы мы его сфотографировали!

— Да, мэм, — пробормотал Блейз. Почему-то ему вспомнилось, как его в первый раз фотографировали в полиции и коп говорил: «А теперь повернись боком и снова согни колени, воришка. Господи, да кто вырастил тебя таким большим?»

— Фотография будет подарком от «Хагера».

— Да, мэм.

— Много покупок, — отметил грузчик, парень лет двадцати, у которого только-только начали проходить юношеские угри, и с маленьким крас-

ным галстуком-бабочкой. — Где стоит ваш автомобиль?

— В конце стоянки, — ответил Блейз.

И последовал за грузчиком, который вызвался довести одну из тележек, а потом пожаловался, как трудно ее катить по утрамбованному снегу.

— Здесь солью снег не посыпают, поэтому он забивает колеса. А потом эти чертовы тележки начинают скользить. И могут крепко вдарить по лодыжке, если ты вдруг отвлекся. Очень крепко. Я не жалею, но...

Тогда что ты делаешь, приятель? — Блейз буквально услышал вопрос Джорджа. *Жрешь кошачью еду из собачьей миски?*

— Вот он, — указал Блейз. — Мой.

— Да, понятно. Что вы хотите положить в багажник? Стульчик, кровать или и то и другое?

Блейз внезапно вспомнил, что у него нет ключа от багажника.

— Давай положим все на заднее сиденье.

У грузчика широко раскрылись глаза.

— Я не думаю, что уместится. Более того, я уверен, что...

— Мы можем использовать и переднее. Поставим картонную коробку с кроватью на пол перед ним. Сиденье я отодвину как можно дальше.

— Почему не в багажник? Так же будет проще.

У Блейза возникла мысль сослаться на то, что багажник уже забит другими вещами, но врать не хотелось: одна ложь неминуемо вела к другой, и скоро ты словно путешествовал по незнакомым дорогам, где так легко заплутать. «Я всегда держусь прав-

ды, если есть такая возможность, — любил говорить Джордж. — Все ближе к дому».

Вот и Блейз решил соврать по минимуму.

— Я потерял ключи от автомобиля. И пока не найду их, у меня есть только этот.

— Ага. — Грузчик посмотрел на Блейза как на тупицу, но тот не смутился: так на него смотрели и раньше. — Облом.

В итоге они уместили в кабину все. Конечно, им пришлось проявить смекалку и свободного места осталось немного, но они справились. Когда Блейз, сев за руль, посмотрел в зеркало заднего обзора, он даже увидел часть мира за окном. Остальное отсекала картонная коробка с высоким стульчиком.

— Хороший автомобиль, — заметил грузчик. — Старый, но хороший.

— Точно, — кивнул Блейз и добавил фразу, которую иногда произносил Джордж: — Ушел из чартов, но не из наших сердец, — после чего задался вопросом: может, грузчик чего-то ждет? Вроде бы ждал.

— Какая у него коробка передач, триста вторая?

— Триста сорок вторая, — автоматически ответил Блейз.

Грузчик кивнул, продолжая стоять.

С заднего сиденья «форда» Джордж (места для него там не было, но как-то ему удалось разместиться) подал голос: «Если ты не хочешь, чтобы он простоял здесь до скончания веков, дай ему на чай и избавься от него».

Чаевые. Да. Конечно.

Блейз вытащил бумажник, посмотрел на оставшиеся купюры, с неохотой достал пятерку. Дал ее грузчику. Пятерка мгновенно исчезла.

— Счастливого пути, счастье твори и добро приноси!

— Само собой, — ответил Блейз. Сел в «форд», завел двигатель. Грузчик покатил тележки к магазину. На полпути остановился, посмотрел на Блейза. Блейзу этот взгляд не понравился. *Запоминающий* взгляд.

— Мне следовало побыстрее дать ему чаевые. Так, Джордж?

Джордж не ответил.

Дома он загнал «форд» в сарай и перенес все покупки в дом. Собрал детскую кроватку в спальне, рядом поставил столик для пеленания. Читать инструкции необходимости не было: он только смотрел на картинки на коробках, а руки делали остальное. Люлька отправилась на кухню, поближе к дровяной плите... но не очень близко. Остальное он сложил в стенной шкаф в спальне, чтобы не лежало на виду.

Когда он с этим покончил, в спальне что-то изменилось, и речь шла не о вновь появившейся мебели. Добавилось что-то еще. Изменилась атмосфера. Будто освободили призрака, позволили свободно здесь разгуливать. Причем не призрака человека, который когда-то покинул эту комнату, умер и ушел навсегда. Нет, призрака того, кому еще только предстояло сюда прийти.

Вот Блейзу и стало как-то не по себе.

Глава 8

Следующим вечером Блейз решил, что ему нужны новые номерные знаки для угнанного «форда», и он снял их с «фольксвагена» на автомобильной стоянке у магазина «Джимс джайнт grosерис» в Портленде. А взамен поставил фордовские номера. Могли пройти недели, а то и месяцы, прежде чем владелец «фольксвагена» понял бы, что ездит с чужими номерными знаками, потому что на наклейке была отпечатана цифра «7», означающая, что перерегистрацию этому парню предстояло пройти в июле. Всегда проверяй регистрационную наклейку. Так учил его Джордж.

Он поехал к магазину, где товары продавались со скидкой, чувствуя себя в безопасности с новыми номерными знаками, но зная, что ощущение безопасности усилилось бы, будь «форд» другого цвета. Он купил четыре банки автомобильной краски «Небесная синева» и распылитель. Вернулся домой практически без денег, но счастливый.

Поужинал рядом с плитой, выбивая ногами ритм по вытертому линолеуму под песню Мерла Хаггарда «Оки с Маскоги». Старина Мерл действительно знал, как всыпать этим гребаным хиппи.

Помыв посуду, затянул в сарай обмотанный изолентой удлинитель, повесил лампочку на потолочную балку. Красить Блейз обожал. «Небесная синева» была его любимым цветом. И название такое красивое. Синее, как небо. Небо, в котором звенит жаворонок.

Он вернулся в дом и принес пачку старых газет. Джордж читал газеты каждый день, и не только ве-

сельские истории. Иногда он даже зачитывал передовицы Блейзу и на чем свет стоит ругал этих деревенщин-республиканцев. Говорил, что республиканцы ненавидят бедняков. Президента называл исключительно «этот чертов хрен в Белом доме». Два года назад прилепил наклейки с призывом голосовать за кандидата от Демократической партии к бамперам трех украденных автомобилей.

Все газеты были старые, и обычно это обстоятельство навевало на Блейза грусть, но в этот вечер он предвкушал предстоящую покраску автомобиля. Закрыв газетами стекла и колеса. Заклеил скотчем хромированные детали корпуса.

К девяти вечера легкий банановый запах краски наполнил сарай, к одиннадцати Блейз работу закончил. Убрал газеты, коснулся нескольких мест, покрытых свежей эмалью, восхищаясь результатом своих трудов. По его мнению, все получилось как нельзя лучше.

Он улегся в кровать, слегка заторчав от паров краски, и наутро проснулся с головной болью.

— Джордж? — с надеждой спросил он.

Нет ответа.

— У меня нет ни цента, Джордж. В бумажнике пустота.

Нет ответа.

Блейз весь день прослонялся по дому, гадая, что же делать.

Продавец вечерней смены читал увлекательнейший роман «Мясистые балерины», когда ему под нос сунули «кольт». Тот самый «кольт». И тот самый голос мрачно предложил:

— Вываливай все из кассового аппарата.

— Ох, нет, — вырвалось у Нейсона. — Господи, нет.

Он поднял голову. Увидел перед собой жуткую образину в женском нейлоновом чулке, который свешивался на спину, как коса.

— Только не ты. Только не снова.

— Вываливай все из кассового аппарата. Положи в пакет.

На этот раз никто в магазин не вошел, а выручка, поскольку день был будний, оказалась меньше.

Грабитель на пути к двери остановился, обернулся.

«Сейчас меня застрелят», — подумал Нейсон. Но вместо того, чтобы выстрелить, грабитель сказал:

— На этот раз я вспомнил про чулок.

И вроде бы улыбнулся под нейлоном.

А потом ушел.

Глава 9

Когда Клайтон Блейсделл-младший попал в Хеттон-Хауз, его возглавляла директриса. Он не помнил ее имени, только седые волосы и большие серые глаза за очками. Помнил, что она читала им Библию, а утренний сбор всегда заканчивала словами: «Будьте хорошими детьми, и вас ждет процветание». Однажды она не появилась на работе, потому что у нее случился удар. Поначалу Блейз подумал, что люди говорят, будто у нее случился угар, но потом все

понял: удар. Такая головная боль, которая не проходит. Директрису сменил Мартин Кослоу. Блейз никогда не забывал этой фамилии, и не только потому, что дети прозвали нового директора Закон*. Блейз не забывал этой фамилии, потому что Закон преподавал арифметику.

Уроки арифметики проходили в кабинете номер 7 с желтым деревянным полом на третьем этаже, где зимой стоял такой холод, что яйца отмерзли бы и у бронзовой мартышки. На стенах висели портреты Джорджа Вашингтона, Авраама Линкольна и сестры Мэри Хеттон. Сестра отличалась бледностью лица, а черные волосы, забранные назад, на затылке образовывали пучок, похожий на дверную ручку. Иногда после отбоя Блейз видел перед собой темные глаза сестры, и они всегда его в чем-нибудь обвиняли. По большей части в тупости. В том, что он слишком туп для школы, как и говорил Закон.

В кабинете номер 7 всегда пахло мастикой для пола, а запах этот вгонял Блейза в сон, даже если он входил в комнату бодрым и отдохнувшим. Под потолком висели девять ламп в обсиженных мухами матовых шарах, которые в дождливые дни заливали комнату тусклым, печальным светом. Переднюю стену занимала черная грифельная доска, над которой закрепили зеленые учебные плакаты с округлыми, по методу Палмера**, буквами алфавита, прописными и строчными. После алфавита шли цифры,

* Три последние буквы фамилии Coslaw переводятся на русский как «закон».

** Гарольд Палмер (1877–1950) — английский педагог и методист, автор многочисленных работ по теории и практике обучения.

от 0 до 9, такие красивые, что от одного их вида ты чувствовал себя еще большим тупицей и неумехой. Парты были изрезаны накладывающимися друг на друга слоганами и инициалами. Большая их часть практически стерлась (столешницы периодически ошкуривали и красили вновь), но полностью уничтожить следы творчества учеников не удавалось. Все парты крепились к полу через железные диски. На каждой располагалась чернильница, наполненная чернилами, изготовленными компанией «Картерс инк». Того, кто проливал чернила, пороли ремнем в туалете. Пороли и за черные следы от каблучков на желтом полу, и за баловство на уроке. Последнее называлось Плохим поведением. Пороли и за многое другое: Мартин Кослоу верил в эффективность ремня и Палки. Палки Закона в Хеттон-Хаузе боялись больше всего, даже больше чудовищ, которые прятались под кроватями маленьких детей. Палка являла собой березовую лопатку, очень тонкую. Чтобы уменьшить сопротивление воздуха, Закон просверлил в ней четыре дырки. Он играл в боулинг за команду «Фалмутские рокеры», и по пятницам иногда приходил в школу в рубашке для боулинга. Темно-синей, с его именем, вышитым золотыми буквами над нагрудным карманом. Для Блейза буквы эти выглядели почти (но не совсем) как на палмеровских плакатах. Закон говорил, что в боулинге, как и в жизни, если человек упорно к чему-то стремится, страйки придут сами собой. Правой руке после всех этих упорных тренировок и точных бросков силы хватало, и если он сек кого-то Палкой, боль была жуткая. Все знали, что он прикусывал язык, когда наказывал мальчика Палкой

за особо Плохое поведение. Иногда прикусывал так сильно, что язык начинал кровоточить, и какое-то время в Хеттон-Хаузе был мальчик, который называл его не только «Закон», но и «Дракула». А потом мальчик исчез, и больше они его не видели. «Вырвался» — так они говорили про тех, кого взяли в семью и оставили, может, даже усыновили.

Мартина Кослоу боялись и ненавидели все воспитанники Хеттон-Хауза, но больше всех боялся и ненавидел его Блейз. С арифметикой у Блейза очень, очень не ладилось. Он еще мог прибавить два яблока к трем, но с большим трудом, а сложение четвертинки яблока с половинкой уже находилось за пределами его понимания. Насколько он знал, яблоко делилось лишь на куски, которые влезали в рот.

Именно на арифметике Блейз впервые смошенничал — с помощью своего друга Джона Челлмана, тощего, уродливого, нервного, переполненного ненавистью мальчишки. Ненависть эта редко давала о себе знать. По большей части она удачно скрывалась за толстыми линзами перевязанных лейкопластырем очков и частым визгливо-идиотским смехом. Джон был естественной жертвой для более старших, сильных парней. И били его регулярно. Мазали лицо грязью (весной и осенью) и умывали снегом (зимой). Рубашки ему часто рвали. И он постоянно появлялся из душевой с задом, отхлестанным мокрыми полотенцами. Но всегда вытирал снег или грязь, заправлял подол разорванной рубашки и продолжал визгливо смеяться, потирая покрасневшиеся ягодицы, и ненависть не проявляла себя. Как и его ум. Учился он хорошо (очень хорошо, ничего не мог с собой поделаться), но в Хет-

тон-Хаузе отметки выше «В» ученики получали редко. Не приветствовались такие отметки. Отметка «А» говорила о том, что ты считаешь себя умником, а умников ждала трепка.

Блейз тогда начал прибавлять и в росте, и в ширине плеч. В одиннадцать-двенадцать лет он ничем не выделялся среди остальных, а тут начал расти. Стал таким же большим, как и многие из ребят постарше. Но он никого не обижал на игровой площадке и не хлестал полотенцем в душевой. Как-то раз Джон Челцман подошел к нему, когда Блейз стоял у забора в дальнем конце игровой площадки, ничего не делая, лишь наблюдая, как вороны садятся на ветки деревьев и взлетают с них. Он предложил Блейзу сделку.

— В этом полугодии Закон опять будет учить тебя математике, — напомнил он. — Дробь продолжаются.

— Я ненавижу дроби, — ответил Блейз.

— Я буду делать за тебя домашнюю работу, если ты больше не подпустишь ко мне этих гадов. Конечно, буду делать ее так, чтобы он ничего не заподозрил, ни на чем тебя не поймал, но достаточно хорошо, чтобы ты получил проходной балл. Чтобы потом тебе не пришлось отстаивать.

Джон говорил еще об одном наказании, не таком плохом, как порка, но тоже малоприятном. Наказанного ставили в угол кабинета номер 7 лицом к стене. И он не мог взглянуть на часы.

Блейз обдумал предложение Челцмана, покачал головой.

— Он узнает. Меня вызовут на уроке, и он узнает.

— Ты будешь оглядывать комнату, словно думаешь, — ответил Джон. — А я о тебе позабочусь.

И Джон позаботился. Он решал все домашние задания, а Блейз переносил решения в свою тетрадь, пытаясь копировать те самые цифры на плакатах метода Палмера, которые висели над классной доской. Иногда Закон поднимал его с места и задавал вопрос, и тогда Блейз вставал и оглядывался, смотрел куда угодно, только не на Мартина Кослоу, и это удивления не вызывало: так поступали практически все, кого вызывал Закон. Оглядываясь, он смотрел в том числе и на Джона Челцмана, который сидел рядом со шкафом, где хранились книги, положив руки на парту. Если число, которое хотел услышать Закон, не превышало десяти, количество вытянутых пальцев давало ответ. Если это была дробь, поначалу руки Челцмана сжимались в кулаки. Потом они разжимались. Левая рука давала числитель. Правая — знаменатель. Если знаменатель превышал пять, пальцы Джона вновь сжимались, а потом показывали нужное число уже на обеих руках. Блейз без труда ориентировался во всех этих сигналах, многие из которых сложностью превосходили сами дроби.

— Ну что, Клайтон? — спрашивал Закон. — Мы ждем.

— Одна шестая, — отвечал Блейз.

И он не всегда давал правильный ответ. Когда рассказал об этом Джорджу, тот одобрительно кивнул.

— Прекрасно организованная афера. Когда она лопнула?

Лопнула она через три с половиной недели, и Блейз, когда подумал об этом (думать он мог, просто на это требовалось время и много-много усилий), осознал, что Закон, возможно, с самого начала с подозрением воспринял его неожиданно проклянувшиеся математические таланты. Просто не подал виду. Травил веревку, которая требовалась Блейзу, чтобы повеситься.

А потом Закон неожиданно устроил контрольную. И Блейз получил ноль. Потому что все примеры были на дроби. Контрольная проводилась с одной-единственной целью: поймать Клайтона Блейсделла-младшего. Под нолем Закон сделал запись ярко-красными буквами. Блейз не смог разобрать написанного и обратился к Джону.

Джон запись прочитал. Помолчал. Потом посмотрел на Блейза.

— Здесь написано: «Джона Челцмана снова начнут бить».

— Что? Как?

— Тут сказано: «Явиться в мой кабинет к четырем часам».

— Почему?

— Потому что мы забыли про контрольные, — ответил Джон. И тут же добавил: — Нет, ты не забывал. Я забыл. Потому что думал только об одном: что эти гады перестали меня бить. Теперь ты меня побьешь, Закон выпорет, а уж потом за меня возьмутся все эти гады. Господи Иисусе, как же я хочу умереть! — И казалось, он действительно этого желал.

— Я не собираюсь тебя бить.

— Нет? — По взгляду чувствовалось, что Джону хочется в это поверить, но он не может себя заставить.

— Ты же не мог решить за меня контрольную, правда?

На двери кабинета Мартина Кослоу, комнаты довольно приличных размеров, висела табличка «ДИРЕКТОР». Внутри, чуть в стороне от окна, стояла небольшая доска, припудренная мелом и испи-санная примерами на дробь (причиной прокола Блейза). Окно выходило на жалкий приютский двор. Когда Блейз вошел, Кослоу сидел за столом и хмурился не пойми на что. С приходом Блейза появилась возможность хмуриться на что-то конкретное.

— Постучись, — бросил директор.

— Что?

— Выйди за дверь и постучись, — приказал Закон.

— Ой. — Блейз развернулся, вышел, постучал, вошел.

— Спасибо тебе.

— Не за что.

Теперь Кослоу хмурился, глядя на Блейза. Взял карандаш. Принялся постукивать по столу. Красный карандаш для проверки контрольных и выставления отметок.

— Клайтон Блейсделл-младший. — Закон выдержал паузу. — Такое длинное имя для столь короткого ума.

— Другие парни называют меня...

— Мне без разницы, как называют тебя другие, меня не интересует ни твое прозвище, ни те идиоты,

которые его используют. Я — учитель арифметики, моя задача — подготовить таких подростков, как ты, к средней школе (если такое возможно), а также научить их понимать, что такое хорошо и что такое плохо. Если бы моя ответственность ограничивалась только арифметикой (и иногда мне хочется, чтобы так оно и было, мне часто этого хочется) — тогда другое дело, но я ведь еще и директор, то есть обязан доносить до учеников разницу между хорошим и плохим, *quod erat demonstrandum*. Вам известно, что означает *quod erat demonstrandum*, мистер Блейсделл?

— Нет, — ответил Блейз. Сердце у него провалилось в пятки, и он чувствовал, как влага подступает к глазам. Для своего возраста он был парнем крупным, но сейчас ощущал себя таким маленьким. Маленьким и продолжающим уменьшаться. И пусть он знал, что именно этого и добивался Закон, ощущения его не менялись.

— Нет, и никогда не будет известно. потому что, даже если ты пойдешь во второй класс средней школы, в чем я очень сомневаюсь, шансов усвоить геометрию у тебя не больше, чем у фонтанчика с водой в конце коридора. — Закон сцепил пальцы в замок и откинулся на спинку стула, который качнулся назад. Вместе со стулом качнулась и висевшая на спинке рубашка для боулинга. — Это означает «что и требовалось доказать», мистер Блейсделл, вот я и доказал с помощью этой маленькой контрольной, что ты — обманщик. Обманщик — это человек, который не знает разницы между хорошим и плохим. QED, *quod erat demonstrandum*. Отсюда и наказание.

Блейз смотрел в пол. Услышал, как выдвинулся ящик стола. Что-то из него достали, ящик задвинулся. Блейзу не требовалось поднимать взгляд, чтобы понять, что именно держит в правой руке Закон.

— Я терпеть не могу обманщиков, но признаю твои умственные недостатки, а потому понимаю, что в этой истории замешан кто-то второй, еще хуже тебя. Именно он подкинул эту идею в твою тупую голову, а потому убедил тебя сойти с пути истинного. Ты следуешь за моей мыслью?

— Нет.

Язык Кослоу высунулся вперед, и зубы сомкнулись на его кончике. Палку он держал все так же крепко или даже сжал чуть сильнее.

— Кто решал тебе примеры?

Блейз молчал. Выдавать Джона он не собирался. Все комиксы, все телепередачи, все фильмы говорили одно и то же: «Выдавать нельзя». Особенно твоего единственного друга. И было что-то еще. Что-то, требующее озвучивания.

— Вы не должны меня пороть, — наконец сформулировал он.

— Да? — На лице Кослоу отразилось изумление. — Вы так говорите? Это почему же, мистер Блейсделл? Пролейте свет. Я заинтригован.

Блейз, может, и не понимал тех умных слов, что слетали с губ Закона, но взгляд этот знал очень хорошо. Сталкивался с такими взглядами всю жизнь.

— Вас совершенно не интересует, сможете вы научить меня чему-то или нет. Вы просто хотите, чтобы я чувствовал себя униженным, и вы готовы

уничтожить любого, кто хоть немного пытается этому помешать. Это плохо. И вы не должны меня пороть, потому что вы сами поступаете плохо.

Измумление исчезло с лица Закона. Теперь его сменила безумная злоба. Он разозлился до такой степени, что на лбу запульсировала жилка.

— Кто решал тебе примеры?

Блейз молчал.

— Как ты мог правильно отвечать на уроках? Как тебе это удавалось?

Блейз молчал.

— Это был Челцман? Я думаю, тебе помогал Челцман.

Блейз молчал. Стоял, сжав кулаки, дрожа. Слезы текли из глаз, но теперь он не думал, что это слезы жалости к себе.

Кослоу размахнулся палкой и ударил Блейза по руке, повыше локтя. Звук от удара напоминал выстрел из пистолета или револьвера малого калибра. Впервые учитель ударил Блейза не по задку, хотя, когда он был поменьше, ему выкручивали ухо (а раз или два — нос).

— *Отвечай мне, безмозглый лось!*

— Пошел на хрен! — выкрикнул Блейз; то, что рвалось наружу, наконец-то обрело свободу. — Пошел на хрен! Пошел на хрен!

— Подойди сюда. — Глаза Закона, вылезшие из орбит, стали огромными. Рука, державшая Палку, побелела. — Подойди сюда, ты, мешок Божьего говна!

И Блейз подошел — потому что переполнявшая его ярость уже вырвалась наружу и потому что был еще ребенком.

* * *

Двадцать минут спустя, выйдя из кабинета Закона с прерывистым дыханием, которое со свистом вырывалось из горла, и кровоточащим носом (но с сухими глазами и не разомкнув рта), Блейз стал легендой Хеттон-Хауза.

С арифметикой он покончил. Весь октябрь и большую часть ноября вместо кабинета номер 7 он приходил в кабинет номер 19. Блейза это вполне устраивало. Спать на спине он смог только через две недели, но и тут возражений у него не было.

В конце ноября Блейза вновь вызвали в кабинет директора. Перед доской сидели мужчина и женщина средних лет. Блейзу они показались высохшими. Напомнили листья, которые поздней осенью сдувает с деревьев ветер.

Закон занимал привычное место за столом. Рубашка для боулинга нигде не просматривалась. В комнате царил холод, в распахнутое окно вливался яркий, пусть и бледноватый свет ноябрьского солнца. Закон обожал свежий воздух. Прибывшая парочка на холод, похоже, не жаловалась. Сухой мужчина был в сером костюме с подложенными плечами и в узком галстуке. Сухая женщина — в жакете из шотландки и белой блузке. По натруженным кистям (у него — мозолистым, у нее — красным, с потрескавшейся кожей) у обоих змеились вены.

— Мистер и миссис Боуи, вот мальчик, о котором я говорил. Сними шапку, юный Блейсделл.

Блейз снял бейсболку «Ред сокс».

Мистер Боуи оценивающе оглядел его.

— Большой парень. Вы говорите, ему только одиннадцать?

— В следующем месяце исполнится двенадцать. Он будет вам отличным помощником.

— У него ничего такого нет, правда? — спросила миссис Боуи высоким и пронзительным голосом. Казалось странным, что такой голос вырывается из необъятной груди, которая вздымалась под жакетом. — Ни туберкулеза, ни чего-то еще?

— Он проходил диспансеризацию, — ответил Кослоу. — Все наши мальчики регулярно ее проходят. Это требование штата.

— Может ли он колоть дрова, вот все, что меня интересует. — Лицо у мистера Боуи было худым и изможденным, как у неудачливого телепроповедника.

— Я уверен, что сможет, — ответил Кослоу. — Я уверен, что тяжелая работа — это для него. Я говорю про тяжелую *физическую* работу. А вот арифметика — не по его части.

Миссис Боуи улыбнулась. Одними губами.

— Числами занимаюсь я. — Она повернулась к мужу. — Губерт?

Боуи задумался, потом кивнул.

— Да.

— Пожалуйста, выйди из кабинета, юный Блейсделл, — предложил Закон. — Я поговорю с тобой позже.

Вот так, не дав вымолвить ни слова, Блейза отправили на попечение семьи Боуи.

— Я не хочу, чтобы ты уходил. — Джон сидел на койке рядом с Блейзом, наблюдая, как тот укла-

дывает в сумку на молнии свои скромные пожитки. Большую их часть, в том числе и сумку, он получил от Хеттон-Хауза.

— Я сожалею. — Но Блейз не сожалел, точнее, по большому счету сожалел не об этом: ему лишь хотелось, чтобы Джонни мог поехать с ним.

— Они начнут бить меня, едва ты уедешь. Все. — Его взгляд бегал взад-вперед, и он ковырял свежий прыщ на носу.

— Нет, не начнут.

— Начнут, и ты это знаешь.

Блейз знал. Он также знал, что с этим ничего не поделаешь.

— Я должен ехать. Я — несовершеннолетний. — Он улыбнулся Джону. — Несовершеннолетний, сорокадевятилетний, чертовски сожалею, Клементина*.

Блейз определенно пытался пошутить, но Джон даже не улыбнулся. Наклонился к Блейзу, крепко сжал его руку, словно хотел навсегда запомнить, какая она на ощупь.

— Ты никогда не вернешься.

Но Блейз вернулся.

Боуи приехали за ним на старом «форде»-пикапе, который несколькими годами раньше непонятно зачем выкрасили в маркий белый цвет. В кабине хватало места на троих, но Блейза отправили в кузов. Он не возражал. С нарастающей радостью наблюдал,

* Блейз импровизирует на тему популярной песни о бывшем старателе, который добывал золото в Калифорнии в 1849 году, и его дочери Клементине, утонувшей по неосторожности.

как Хеттон-Хауз сначала уменьшался в размерах, а потом и вовсе исчез.

Они жили в огромном ветхом фермерском доме в Камберленде, граничащем с одной стороны с Фалмутом, а с другой — с Ярмутом. К дому вела проселочная дорога, так что стены покрывали тысячи слоев дорожной пыли. Дом не красили с незапамятных времен, а перед ним стоял щит-указатель с надписью «КОЛЛИ БОУИ». Слева от дома находился огромный вольтер, в котором постоянно бегали, лаяли и скулили двадцать восемь колли. Некоторые линяли. Шерсть падала с них огромными клоками, обнажая нежную розовую кожу, в которую так и норовили впиться выжившие зимой блохи. Справа от дома тянулся заросший сорняками луг. За домом высился огромный старый амбар, в котором Боуи держали коров. Площадь участка, принадлежащего Боуи, составляла сорок акров. На большей части росла трава, которую косили на сено, семь акров занимал лес.

Когда они прибыли, Блейз выпрыгнул из кузова с сумкой в руке. Боуи взял ее.

— Я отнесу это в дом. А ты хочешь поколоть дрова.

Блейз в недоумении уставился на него.

Боуи указал на амбар. Несколько сараев, построенных зигзагом, соединяли его с домом. Груда чурбанов, ждущих, когда их расколют, лежала у стены одного из сараев. Некоторые напилили из клена, другие из сосны, так что на коре кое-где виднелись потеки застывшей смолы. Перед грудой стояла старая колода с воткнутым в нее топором.

— Ты хочешь поколоть дрова, — повторил Губерт Боуи.

— Ох, — вырвалось у Блейза первое слово, которое он произнес в их присутствии.

Боуи наблюдали, как он подошел к колоде, вытащил из нее топор. Осмотрел его. Потом положил в пыль. Собаки прыгали и лаяли. Маленькие колли верещали пронзительнее всех остальных.

— Ну? — спросил Боуи.

— Сэр, я никогда не колол дрова.

Боуи бросил сумку на молнии в пыль. Подошел, поставил на колоду кленовый чурбан. Плюнул на ладонь, потер руки, взял топор. Блейз пристально следил за каждым его движением. Боуи вскинул топор над головой, потом руки пошли вниз. От удара чурбан разлетелся на две половинки.

— Вот. Их можно класть в печь. — Он протянул топор Блейзу. — Теперь ты.

Блейз поставил топор между ног, плюнул на ладонь, потер руки. Вскинул топор над головой, вспомнил, что не поставил на колоду чурбан. Поставил, вновь вскинул топор, ударил. Чурбан развалился на две половинки, почти такие же ровные, как у Боуи. Блейз порадовался своему успеху. А в следующее мгновение уже лежал в пыли, в правом ухе звенело от крепкого удара сухой, сильной руки Боуи.

— За что? — спросил Блейз, глядя на Боуи снизу вверх.

— Не знаешь, значит, как колоть дрова, — хмыкнул Боуи. — И прежде чем ты скажешь, что твоей вины тут нет... парень, моей тоже нет. А теперь ты хочешь поколоть дрова.

* * *

Его поселили в крохотной каморке на третьем этаже ветхого дома. Места хватало только для кровати и комода. Стекла в единственном окне покрывал такой слой пыли, что за ними все искажалось. Ночью в комнате было холодно, по утрам — еще холоднее. Холод у Блейза недовольства не вызывал, не то что чета Боуи. Они как раз вызывали все большее недовольство, которое переросло в антипатию, а потом и вовсе в ненависть. Накапливалась она медленно. У Блейза по-другому и не бывало. Росла сама по себе, а когда выросла, пышно распустилась красными цветами. Это была та ненависть, которую человеку интеллигентному знать не дано. Чистая ненависть, не замутненная рефлексией.

В те осень и зиму он переколот много дров. Боуи пытался научить его доить коров, но у Блейза не получалось. Как говорил Боуи, у Блейза были грубые руки. Коровы нервничали, как бы нежно он ни пытался брать за соски. Их нервозность приводила к тому, что перекрывались молочные протоки. Поток превращался в ручеек, а потом полностью иссякал. За это Боуи никогда не надирал ему уши и не бил по затылку. Он не желал приобретать доильные агрегаты, не верил в доильные агрегаты, говорил, что они годятся только для коров в расцвете сил, но признавал, что ручная дойка — это талант. А потому нельзя наказывать человека за то, что таланта этого у него нет. Не будешь же наказывать того, кто не умеет писать, как он говорил, стихи.

— Зато ты умеешь колоть дрова, — добавлял он без тени улыбки. — К этому у тебя большие способности.

Блейз колол чурбаны и носил поленья, заполняя дровяной ящик на кухне четыре, а то и пять раз в день. Дом можно было обогревать и печным топливом, но Губерт Боуи пользовался им только в феврале. Потому что стоило оно дорого. Блейз также расчищал подъездную дорожку длиной в девяносто футов после каждого снегопада, скидывал с сеновала сено, чистил коровник и мыл полы в доме.

По будням он вставал в пять утра, чтобы покормить коров (в четыре, если шел снег) и позавтракать до того, как подъедет желтый автобус, который отвозил его в школу. Боуи, если б могли, конечно же, не отпускали бы его учиться, но такой возможности у них не было.

В Хетгон-Хаузе Блейз слышал разные истории о школах — как хорошие, так и плохие. Большинство плохих рассказывали ребята постарше, которые ходили в среднюю школу Фрипорта. Блейз был еще слишком юн для этой школы. Живя у Боуи, он ходил в школу Первого района Камберленда, и ему там нравилось. Нравилась учительница. Нравилось заучивать стихотворения, вставать во время урока и декламировать: «Аркой выгнулся мост...»* Он декламировал эти стихотворения, стоя в красно-черной клетчатой куртке (он ее не снимал после того, как однажды где-то оставил, когда они отрабатывали эвакуацию из школы в случае пожара), зеленых фланелевых штанах и зеленых резиновых сапогах, вытянувшись во все свои пять футов и одиннадцать дюймов (рядом с ним другие шестиклассники каза-

* Первая строка «Конкордского гимна» классика американской поэзии Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882).

лись карликами), с сияющим лицом и вмятиной во лбу. Никто не смеялся над Блейзом, когда он читал выученные наизусть стихи.

У него появилось много друзей — хотя все знали, что он из сиротского приюта, — потому что он ни над кем не издевался, никого не задира. И никогда не дулся. На игровой площадке Блейз был всеобщим любимцем. Иной раз таскал на своих плечах сразу троих первоклассников. Он никогда не пользовался преимуществом в росте и силе. Случалось, в игре его пытались повалить одновременно пять, шесть, семь игроков, он качался из стороны в сторону, обычно улыбаясь, поднимая к небу изувеченное лицо, и в конце концов падал, как дом, под радостные крики остальных. Миссис Васлевски, католичка, однажды во время своего дежурства на игровой площадке увидела, как он таскает на себе первоклассников, и начала называть его святым Франциском малышом.

Миссис Чини поощряла его интерес к чтению, письму, истории. Она сразу поняла, что для Блейза математика (он называл ее арифметикой) — темный лес. Однажды попыталась учить его, но он сразу побледнел и, как ей показалось, чуть не грохнулся в обморок.

Он соображал медленно, но не был умственно отсталым. К декабрю продвинулся от приключений Дика и Джейн, которые читали первоклашки, к «Дорогам ко всему», историй для третьего класса. Она дала ему классические комиксы, которые держала в картонных папках, и разрешила взять их домой, указав в записке, что чтение этих комиксов — его

домашнее задание. Любимым стал, конечно же, «Оливер Твист», которого Блейз перечитывал снова и снова, пока не заучил наизусть.

Эта новая жизнь плавно перетекла в январь и могла продолжиться до весны, если бы не помешали два события. Блейз убил собаку и влюбился.

Он ненавидел колли, но ему вменялось в обязанность кормить собак. Они были чистопородными, но плохая еда и постоянное пребывание в вольере приводили к тому, что они становились уродливыми и нервными. Большинство отличалось трусостью, и при попытке погладить их они отпрыгивали в сторону. Они могли бросаться на тебя, лаять и скалить зубы только для того, чтобы тут же отскочить и попытаться зайти с другой стороны. Иногда они нападали сзади. Могли легонько прихватить за икру или ягодицу, прежде чем отпрыгнуть. А во время кормежки поднимали жуткий гвалт. Губерт Боуи собак не касался. Ими занималась исключительно миссис Боуи. Носилась с ними, как курица с яйцом. Всегда надевала красную куртку, когда приходила к собакам, и в некоторых местах куртка эта стала желтовато-коричневой от налипшей на нее шерсти.

Боуи редко продавали взрослых животных, но по весне щенки легко уходили по двести долларов. Миссис Боуи объяснила Блейзу важность хорошей кормежки собак, приготовления, как она говорила, «хорошей смеси». Однако сама она собак никогда не кормила, а их кормушки Блейз заполнял смесью, которая покупалась на распродажах в Фалмуте, в магазине, торгующем кормами для животных. Смесью эта называлась «Собачья радость». Губерт Боуи на-

зывал ее «Дешевая жратва» или «Собачий пердеж», но только не в присутствии жены.

Собаки знали, что Блейз их не любит, боится их, и с каждым днем становились все более агрессивными. К тому времени, когда действительно похолодало, иной раз они и спереди подходили достаточно близко, чтобы куснуть его. Ночью он нередко просыпался от кошмарного сна, в котором собаки разом набрасывались на него, валили на землю и начинали жрать живьем. Проснувшись от такого сна, лежал в кровати, выдыхая белый пар в темный воздух и ощупывая себя, чтобы убедиться, что он цел и невредим. Он знал, что все на месте, знал разницу между сном и реальностью, но в темноте разница эта заметно уменьшалась.

Несколько раз злобный лай и попытки укусить приводили к тому, что он рассыпал еду. И ему приходилось собирать ее с утрамбованного снега, а собаки рычали и бесновались вокруг.

Со временем один пес стал лидером в их необъявленной войне с Блейзом. Одиннадцатилетний кобель. Звали его Рэнди. Один его глаз был затянут бельмом. Блейз боялся пса до ужаса. Зубы Рэнди казались ему огромными желтыми бивнями. По центру головы тянулась белая полоска. Рэнди всегда атаковал Блейза в лоб, с приближением наращивая скорость. Здоровый глаз сверкал, а второй оставался безразличным ко всему, мертвым. Лапы поднимали фонтанчики желто-белого снега. Кобель разгонялся так, что, казалось, ему достаточно как следует оттолкнуться, чтобы взлететь, держа курс на шею Блейза. А уж потом на него набросились бы другие собаки, распаленные этой атакой. Но в по-

следний момент когти Рэнди вгрызались в снег, забрасывая ошметками зеленые штаны Блейза, пес убежал по широкой дуге, но лишь для того, чтобы вернуться и повторить свой маневр. С каждым днем он тормозил все ближе и ближе, так что Блейз ощущал идущий от собаки жар и даже дыхание.

И однажды, в конце января, Блейз вдруг осознал, что на этот раз Рэнди не остановится. Он не знал, чем эта атака отличалась от любой другой, но она отличалась. На этот раз Рэнди не собирался ничего имитировать. На этот раз он твердо решил прыгнуть и вцепиться Блейзу в горло. А в следующую секунду на него набросились бы все остальные собаки. Как уже случилось во сне.

Пес приближался, молча набирая скорость. На этот раз он не собирался зарываться когтями в снег. Не собирался тормозить и убегать. Задние лапы напрыглись, Рэнди оттолкнулся, взлетел в воздух.

Блейз нес два стальных ведра, наполненных «Собачьей радостью». Когда он увидел, что Рэнди настроен серьезно, страх как рукой сняло. Блейз бросил ведра в тот самый момент, когда Рэнди прыгнул. На нем были толстые кожаные рукавицы. Он встретил летящего пса правым кулаком, ударил под длинную морду. Удар болью отозвался в плече. Рука мгновенно и полностью онемела. Что-то коротко и резко хрустнуло. Рэнди перевернулся в холодном воздухе на сто восемьдесят градусов и с глухим стуком приземлился на спину.

Блейз осознал, что другие собаки замолчали, лишь когда они залаяли вновь. Он поднял ведра, направился к кормушке, вывалил в них смесь. Раньше собаки всегда набрасывались на еду, сражаясь

за лучшие места, прежде чем он успевал добавить в смесь воды. Сейчас же, когда один молодой колли, вывалив язык из пасти, попытался пристроиться к кормушке, Блейз замахнулся на него, и колли метнулся в сторону с такой прытью, что земля ушла у него из-под лап, и он повалился на бок. Другие собаки тут же попятились.

Блейз добавил в кормушку два ведра воды.

— Вот. Смесь намокла. Идите и ешьте.

И направился к Рэнди, тогда как собаки принялись за еду.

Блохи уже покидали остывающее тело Рэнди, чтобы умереть на заляпанном мочой снегу. Здоровый глаз стал таким же тусклым, как и слепой. Блейз опечалился, в нем заговорила жалость. Может, пес всего лишь играл. Просто пытался напугать его.

И, ничего не скажешь, преуспел в этом. За то, что произошло, Блейза могла ждать изрядная трепка.

Опустив голову, он зашагал к дому с пустыми ведрами. Миссис Боуи была на кухне. Она поставила в раковину ребристую доску, стирала на ней занавески и пела псалом своим пронзительным голосом.

— Эй, не оставляй следов на моем полу! — крикнула она, увидев Блейза. Пол был ее, но мыл-то его он. На коленях. В груди проснулась тоска.

— Рэнди мертв. Он прыгнул на меня. Я его ударил. Убил.

Ее руки вынырнули из мыльной воды, она заголосила:

— Рэнди? Рэнди! Рэнди!

Заметалась по кухне, схватила свитер с крючка у дровяной плиты, побежала к двери.

— Губерт! — крикнула миссис Боуи. — Губерт, ох, Губерт! Такой плохой мальчик! — А потом завела: — О-о-о-о-о-О-О-О-О-О... — как будто продолжая петь псалом.

Затем оттолкнула Блейза и выбежала из дома. Мистер Боуи появился из одной из многочисленных дверей сараев, вошел на кухню, на его тощем лице отражалось изумление. Шагнул к Блейзу, схватил за плечо, развернул к себе:

— Что случилось?

— Рэнди мертв, — ровным голосом ответил Блейз. — Он прыгнул на меня, и я его уложил.

— Подожди. — И Губерт Боуи побежал вслед за женой.

Блейз снял красно-черную куртку, сел на табуретку в углу. Снег на сапогах таял, образуя лужицу. Его это не волновало. Жар от дровяной плиты опалил лицо. Дрова колот он. Его это не волновало.

Боуи пришлось вести жену, потому что она прижимала фартук к лицу. И громко рыдала. Высокий пронзительный голос напоминал стрекотание швейной машинки.

— Иди в сарай, — велел ему Боуи.

Блейз открыл дверь. Боуи пинком помог ему миновать порог. Блейз упал с двух ступенек, которые вели во двор, поднялся, пошел к сараю. Там хранился инструмент: топоры, молотки, серп, рубанки, наждачный круг, токарный станок и многие другие, названия которых он не знал. Автомобильные детали, коробки со старыми журналами. Лопата для уборки снега с широким алюминиевым совком. Его лопата. Блейз посмотрел на нее, и почему-то от одного ее вида его ненависть к Боуи достигла пика.

Они получали сто шестьдесят долларов в месяц за то, что держали его в своем доме, и он выполнял за них всю тяжелую и грязную работу. Кормили его плохо. В Хеттон-Хаузе он ел куда лучше. Это было несправедливо.

Губерт Боуи открыл дверь сарая, вошел.

— Сейчас я тебя выпорю.

— Этот пес прыгнул на меня. Хотел вцепиться мне в горло.

— Больше ничего не говори. Тебе будет только хуже.

Каждую весну Боуи спаривал одну из своих коров с быком Франклина Марстеллара, Фредди. На стене сарая висел повод, который назывался «поводом любви», и кнут. Боуи снял кнут, крепко сжал ручку. Кожаные концы свешивались вниз.

— Наклонись над верстаком.

— Рэнди хотел вцепиться мне в горло. Говорю вам, или он, или я.

— Наклонись над верстаком.

Блейз замаялся, но не потому, что задумался. Думал он слишком медленно. Вместо этого сверялся с интуицией.

Время еще не пришло.

Он наклонился над верстаком. Боуи порол его долго, бил со всей силы, но Блейз не заплакал. Следом он дал волю позже, в своей комнате.

Девочка, в которую он влюбился, училась в седьмом классе школы Первого района Камберленда, и звали ее Марджори Турлау. Блондинка с голубыми глазами и плоской грудью. Когда она улыбалась, уголки ее глаз поднимались вверх. На игровой пло-

щадке Блейз всегда следил за ней взглядом. Когда он видел ее, у него в животе словно образовывалась пустота, но это было приятное чувство. Он представлял себе, как носит ее учебники и защищает от бандитов. От таких мыслей кровь всегда бросалась ему в лицо.

Вскоре после инцидента с Рэнди и поркой в школу приехала медсестра, чтобы сделать прививки. Неделей раньше все школьники получили разрешительные бланки. От родителей требовалось расписаться на них, если они хотели, чтобы детям сделали прививки. И теперь дети, родители которых дали добро, выстроились в очередь у двери раздевалки. Среди них был и Блейз. Боуи позвонил Джорджу Гендерсону, члену попечительского совета школы, и спросил, платные ли прививки. Выяснил, что бесплатные, и подписал бланк.

Марджи Турлау тоже стояла в очереди. Очень бледная. Блейз ее жалел. Ему хотелось встать рядом и держать за руку. От этой мысли его лицо стало пунцовым. Он наклонил голову, переминаясь с ноги на ногу.

Блейз стоял первым. Когда медсестра пригласила его в раздевалку, он снял красно-черную клетчатую куртку и расстегнул пуговицу на одном рукаве. Медсестра достала шприц из какого-то аппарата, напоминающего печь; заглянула в медицинскую карту.

— Лучше расстегни и второй рукав, большой мальчик. Тебе нужно сделать обе прививки.

— Будет больно? — спросил Блейз, расстегивая пуговицу второго рукава.

— Только секунду.

— Хорошо, — кивнул Блейз и позволил ей вогнуть иглу из печи в левую руку.

— Ну, вот. Давай вторую руку, и можешь идти.

Блейз повернулся к медсестре вторым боком. Уже другой иглой она что-то ввела ему в правую руку. Он вышел из раздевалки, вернулся за свою парту и начал разбираться с рассказом в учебнике.

Когда из раздевалки появилась Марджи, глаза ее блестели от слез, еще больше их было на щеках, но она не рыдала. Блейз ею гордился. Когда она проходила мимо его парты, направляясь к двери (семиклассники занимались в другой комнате), он ей улыбнулся. А она — ему. Блейз сложил эту улыбку, спрятал и хранил много лет.

Во время дневного перерыва, когда Блейз выходил из двери на игровую площадку, мимо, рыдая, пробежала Марджи. Он повернулся, чтобы посмотреть ей вслед, потом медленным шагом двинулся на площадку, сдвинув брови, с печалью на лице. Подошел к Питеру Лавои, который с бейсбольной перчаткой на руке бросал и ловил привязанный к стойке мяч, и спросил, не знает ли Питер, что случилось с Марджи.

— Глен ударил ее в прививку, — ответил Питер Лавои и наглядно показал на проходящем мальчике, что произошло, сжав пальцы в кулак и трижды ударив того в руку: бух-бух-бух. Блейз, хмурясь, наблюдал за этим действием. Медсестра солгала. После прививок у него сильно болели обе руки. Казалось, мышцы в синяках да еще сведены судорогой. Даже сгибая руки, он морщился от боли. А Марджи была девочкой. Он огляделся в поисках Глена.

Глен Харди, здоровенный парень, учился в восьмом классе. Такие сначала играют в футбол, а потом становятся толстяками. Рыжие волосы он зачесывал назад, и они волнами уходили ото лба. Жил он на ферме у западной административной границы Камберленда, и его руки бугрились мышцами.

Кто-то бросил Блейзу мяч. Он выронил его и двинулся к Глену Харди.

— О! — воскликнул Питер. — Блейз хочет разобратся с Гленом!

Эта новость распространилась быстро. Мальчишки, группами и поодиночке, начали смещаться в ту часть площадки, где Глен и еще несколько парней постарше играли в некое подобие кикбола*. Глен подавал. Бросал мяч резко и сильно, с отскоком от промерзшей земли.

Миссис Фостер, которая в этот день дежурила на игровой площадке, находилась с другой стороны здания. Следила за малышами на качелях. То есть не могла вмешаться в происходящее — во всяком случае, на начальном этапе.

Глен поднял голову и увидел приближающегося Блейза. Отбросил мяч, упер руки в бока. Обе команды выстроились полукругом у него за спиной. Все семи- и восьмиклассники. Ни один не мог габаритами сравниться с Блейзом. Только Глен был больше.

Ученики четвертых, пятых и шестых классов группировались за спиной Блейза. Мельтешили, поправляли ремни, натягивали рукавицы, что-то

* Кикбол — вариант бейсбола, при котором разрешены удары ногами по мячу.

шептали друг другу. С обеих сторон мальчишки усиленно делали вид, что ничего особенного не происходит. И действительно, вызова на драку еще не было.

— Чего тебе нужно, тупоголовый? — спросил Глен Харди. Его голос звучал бесстрастно. Голос молодого бога с легкой простудой.

— Зачем ты ударил Марджи Турлау в прививку? — спросил Блейз.

— Захотелось.

— Хорошо. — И Блейз двинулся на него.

Глен дважды ударил его в лицо (*ван, ван*), прежде чем Блейз успел сблизиться с ним, и из носа Блейза потекла кровь. Глен отступил, стремясь сохранить дистанцию. Школьники подняли крик.

Глен ухмылялся.

— Приютский ублюдок, — поцедил он. — Безмозглый приютский ублюдок. — Он ударил Блейза в продавленный вмятиной лоб, и улыбка тут же сменилась гримасой боли. Лоб у Блейза, несмотря на вмятину, был очень твердым.

На мгновение он забыл отступить на шаг, и Блейз нанес ответный удар. Не пошел вперед всем телом, двинул только руку, как поршень. Костяшки пальцев вошли в контакт со ртом. Глен вскрикнул, его собственные зубы порвали внутреннюю сторону губ, потекла кровь. Крики школьников усилились.

Глен почувствовал вкус собственной крови и забыл о том, что нужно держать дистанцию. Забыл о желании высмеять этого уродливого парня с вмятиной во лбу. Просто попер на него, нанося удары обеими руками.

Блейз встретил его, не сдвинувшись с места. Он слышал доносящиеся откуда-то издалека крики и восклицания других школьников. Они напоминали ему лай колли в вольере в тот день, когда он понял, что Рэнди собирается идти до конца.

Глен как минимум трижды хорошо приложился к голове Блейза. У того перехватило дыхание, воздух он вдохнул с кровью. В ушах зазвенело. Вновь ударил сам и почувствовал, как боль пронзила руку до самого плеча. И сразу же кровь из рта Глена выплеснулась на щеки и подбородок. Глен выплюнул выбитый зуб. Блейз ударил снова, в то же место. Глен завопил. Как маленький ребенок, которому дверью защемило пальцы. Перестал махать руками. Его рот являл собой горестное зрелище. К ним уже бежала миссис Фостер. Юбка развевалась, она спешила как могла и дула в маленький серебряный свисток.

Правая рука Блейза очень сильно болела там, куда сестра сделала прививку, и кулак болел, и голова, но он ударил опять, со всей силы, онемевшей, потерявшей всякую чувствительность рукой. Той самой рукой, что остановила Рэнди, и бил он так же крепко, как и в тот день в вольере. Удар пришелся Глену точно в подбородок. Послышался отчетливый хруст, заставивший всех школьников смолкнуть. Глен покачнулся, глаза его закатились. Потом подогнулись колени, он рухнул на снег и застыл.

«Я его убил, — подумал Блейз. — Боже, я его убил, как Рэнди».

Но Глен зашевелился и начал бормотать что-то невнятное, как бормочут люди во сне. И миссис

Фостер уже кричала на Блейза, требуя, чтобы тот ушел в школу. Уходя, он слышал, как она просит Питера Лавои сбегать в учительскую и принести аптечку.

Его отправили домой. Временно отстранили от занятий в школе. Носовое кровотечение остановили пузырем со льдом. Кровоточащее ухо заклеили пластырем и отправили домой на своих двоих: собачью ферму отделяли от школы четыре мили. Он уже двинулся в путь, когда вспомнил про пакет с ленчем. Миссис Боуи каждый день давала ему два ломтя хлеба с арахисовым маслом и яблоко. Не так чтобы много, но прогулка предстояла долгая, и, как говаривал Джон Челцман, что-то лучше чем ничего в любой день недели.

Его не пустили в школу, когда он вернулся, но Марджи Турлау принесла ему пакет с ленчем. Ее глаза покраснели от слез. По выражению ее лица чувствовалось: она хочет что-то сказать, но не знает как. Блейз очень хорошо знал, что это за состояние, и улыбнулся. Показывая, что все в порядке. Она улыбнулась в ответ. Один его глаз совершенно заплыл, поэтому он смотрел на нее другим.

Пройдя школьный двор, обернулся, чтобы увидеть ее вновь, но она уже ушла.

— Иди в сарай, — велел Боуи.

— Нет.

Глаза Боуи округлились. Он чуть тряхнул головой, словно прочищал мозги.

— Что ты сказал?

— Вам больше не захочется меня пороть.

— Об этом судить мне. Иди в сарай.

— Нет.

Боуи двинулся на него. Блейз отступил на два шага, потом поднял распухший кулак. Застыл в ожидании. Боуи осановился. Он видел Рэнди. Шея Рэнди переломилась, как ветка кедра на сильном ветру.

— Иди в свою комнату, бестолковый сукин сын.

Блейз пошел. Сел на край кровати. Услышал, как Боуи кричит в телефонную трубку. Решил, что знает, кто сейчас слушает крики Боуи.

Его это не волновало. Было до лампочки. Что волновало, так это мысли о Марджи Турлау. Когда он думал о Марджи, ему хотелось плакать, как иногда хотелось плакать при виде птицы, одиноко сидящей на телефонном проводе. Он не заплакал. Вместо этого почитал «Оливера Твиста». Текст он уже выучил наизусть. Запомнил даже слова, значений которых не понимал. В вольере лаяли собаки. Голодные. Пришло время кормежки, но никто не позвал его, чтобы он их покормил, хотя он бы покормил, если б его позвали.

Он читал «Оливера Твиста», пока не приехал универсал из Хеттон-Хауза. За рулем сидел Закон. От ярости его глаза налились кровью. Рот превратился в узкую полоску между подбородком и носом. Боуи бок о бок стояли в длинных тенях январских сумерек и наблюдали за отъездом директора и воспитанника сиротского приюта.

Когда они прибыли в Хеттон-Хауз, на Блейза накатило ужасное ощущение, что здесь ему знакомо все, до последней мелочи. Ощущение это облепило

его, как мокрая рубашка. Ему пришлось прикусить язык, чтобы не заплакать. Прошло три месяца, и ничего не изменилось. Хеттон-Хауз оставался громадой красного и, похоже, вечного кирпича. Те же окна освещали землю тем же желтым светом, только теперь ее покрывал снег. Весной снегу предстояло сойти, а свет остался бы тем же.

В кабинете Закон достал Палку. Блейз мог отнять ее у него, но он устал бороться. И уже догадывался, что всегда может появиться кто-то более сильный, с более крепкой палкой.

После того как Закон закончил тренировать руку, Блейза отправили в общую спальню в Фуллер-Холл. Джон Челцман стоял у двери. Один его глаз превратился в щелочку в лиловом синяке.

— Привет, Блейз, — поздоровался он.

— Привет, Джонни. Где твои очки?

— Их нет, — ответил он. И тут же закричал: — Блейз, они разбили мои очки! Теперь я не могу читать!

Блейз подумал об этом. Грустно, конечно, возвращаться сюда, но так приятно знать, что Джонни его ждал.

— Мы их починим. — И тут же в голове сверкнула идея: — Или мы поработаем в городе лопатами после очередного снегопада и на полученные деньги купим тебе новые.

— Ты думаешь, мы сможем это сделать?

— Будь уверен. Ты ведь должен видеть, чтобы помогать мне с домашними заданиями, верно?

— Конечно, Блейз, конечно.

В Фуллер-Холл они вошли вместе.

Глава 10

«Апекс-центр», занимавший немалый участок у самого шоссе, мог похвастаться парикмахерской, административным зданием Организации ветеранов американских зарубежных войн, Апексской Пятидесятнической церковью Святого Духа, хозяйственным магазином, пивной и мигающей желтой стрелкой-указателем. Располагался он неподалеку от лачуги, и наутро после второго ограбления «Тим-и-Джанетс куик-пик» Блейз отправился туда. Посетил «Апексский хозяйственный магазин», где приобрел раздвижную алюминиевую лестницу, которая обошлась ему в тридцать долларов плюс налог. К лестнице крепилась красная бирка с надписью: «УЦЕНЕНА».

С лестницей на спине он зашагал обратно по расчищенной от снега обочине. Не смотрел ни вправо, ни влево. Ему и в голову не пришло, что на его покупку могли обратить внимание. Джордж бы об этом подумал, но Джордж по-прежнему пребывал в отлучке.

Лестница оказалась слишком длинной, что для багажника, что для заднего сиденья украденного «форда», но ее удалось расположить поперек салона, одним концом за водительским сиденьем, другим — на переднем пассажирском. Покончив с этим, Блейз ушел в дом, включил радиоприемник и слушал музыку, пока не зашло солнце.

— Джордж?

Нет ответа. Он сварил кофе, выпил чашку, лег. Уснул под включенное радио, играла группа «Фан-

том 409». Проснулся уже в темноте, из радиоприемника доносился гул статических помех. Часы показывали четверть восьмого.

Блейз встал, приготовил себе некое подобие обеда: сэндвич с копченой колбасой и банка кусочков ананаса в сладком сиропе компании «Доул». Ему нравились кусочки ананаса в сладком сиропе компании «Доул». Он мог есть их три раза в день, а потом жалеть, что не осталось на четвертый. Сироп выпил в три больших глотка, огляделся.

— Джордж?

Нет ответа.

Он кружил по комнате, не находя себе места. Ему не доставало телевизора. Радио по вечерам компанию не составляло. Будь здесь Джордж, они поиграли бы в криббидж. Джордж всегда выигрывал, потому что Блейз забывал про некоторые слачи, и со счетом у него было совсем плохо (арифметика, понятное дело), но ему нравился сам процесс игры. Все равно что присутствовать на скачках. А если Джордж не хотел играть в криббидж, они всегда могли перемешать четыре колоды и играть в «Войну». Джордж мог играть в «Войну» полночи, пить пиво и говорить о республиканцах и о том, как они измываются над бедняками. («Почему? Я тебе скажу почему. По той самой причине, по какой пес лижет свои яйца: потому что может».) Но теперь делать было совершенно нечего. Джордж показывал, как надо раскладывать пасьянс, но Блейз, конечно, ничего не запомнил. Для похищения время еще не пришло. Он не подумал о том, чтобы украсть из магазина комиксы и пару-тройку порножурналов.

Наконец уселся со старым изданием «Людей Икс». Джордж называл «Людей Икс» толпой содомитов, словно они что-то мыли содой, но почему, Блейз не знал.

Без четверти восемь он задремал вновь. Проснулся в одиннадцать, голову заполнял туман, Блейз не сразу понял, где находится. Теперь он мог ехать, если хотел (до Окома-Хайтс добрался бы только после полуночи), но в этот момент не мог сказать, хочет ли он. Все вдруг стало очень пугающим. Очень сложным. Об этом следовало хорошенько подумать. Составить план. Может, он сумел бы сначала найти способ самому проникнуть в дом. Прикинуться водопроводчиком. Или сотрудником лектрической компании. Нарисовать схему расположения комнат.

Пустая люлька у плиты дразнила его.

Он опять заснул и увидел тревожный сон. Он преследовал кого-то по пустынным улицам, выходящим к океану, а стаи чаек кружили над пирсами и складами и кричали. Он не знал, кого преследует, Джорджа или Джона Челцмана. А когда начал сокращать расстояние, человек, которого он преследовал, оглянулся, чтобы насмешливо улыбнуться, и он увидел, что ошибся в своих предположениях. Потому что убегала от него Марджи Турлау.

Проснулся он на стуле, полностью одетый, но ночь закончилась. Радио вновь работало. Хенсон Карджилл пел «Прыгай через скакалку».

Он мог пойти на дело в следующую ночь, но не пошел. Днем вышел из дома и лопатой начал прокладывать длинную и никому не нужную тропу

к лесу. Работал, пока не выдохся. Во рту даже появился привкус крови.

«Я пойду этой ночью», — подумал он, но пошел только в местный пивной магазин, чтобы посмотреть, не поступили ли новые комиксы. Они поступили, и Блейз купил три. Заснул над первым после ужина, проснулся в полночь. Уже поднимался, чтобы пойти в ванную и отлить, когда Джордж заговорил.

— Джордж?

— Ты струсил, Блейз?

— Нет! Я не...

— Ты болтаешься в этом доме, как пес, яйца которому защемило дверью в курятник.

— Нет! Не болтаюсь! Я столько сделал! Купил хорошую лестницу...

— Да, и комиксы. Ты неплохо проводил время, сидя здесь, слушая эту дерьмовую музыку и читая об этих суперменах-гомиках, Блейзер?

Блейз что-то пробормотал.

— Что ты сказал?

— Ничего.

— Наверное, так и есть, раз тебе не хватает духа произнести это вслух.

— Хорошо... я сказал, что никто не просил тебя возвращаться.

— Почему ты такой неблагодарный жалкий сукин сын?

— Послушай, Джордж...

— Я заботился о тебе, Блейз. Признаю, не занимался благотворительностью, ты можешь прино-

ситель пользу, если тебя направлять должным образом, но именно я знал, как это делается. Или ты забыл? Мы редко могли поесть три раза в день, но уж один-то ели всегда. Я следил за тем, чтобы ты менял одежду и ходил в чистом. И кто говорил тебе, что нужно чистить твои гребаные зубы?

— Ты, Джордж.

— А теперь ты, между прочим, забываешь их чистить, и рот у тебя снова как удохлой мыши.

Блейз улыбнулся. Ничего не мог с собой поделаться. Никто не умел находить такие слова, как Джордж.

— Когда тебе требовалась проститутка, их приводил к тебе я.

— Да, и от одной я подхватил триппер — и шесть недель мучился всякий раз, когда справлял малую нужду.

— Но ведь я и отвел тебя к врачу, так?

— Да, — признал Блейз.

— Ты у меня в долгу и должен повернуть это дельце.

— Но ты же не хотел, чтобы я его проворачивал.

— Да, но теперь передумал. Это мой план, а за тобой должок.

Блейз задумался над словами Джорджа. Как обычно, времени на раздумья ушло много. Потом он выпалил:

— Как можно быть в долгу у мертвеца? Если бы люди проходили мимо, то слышали б, как я разговариваю сам с собой, задаю вопросы и отвечаю на них, и решили бы, что я — чокнутый! Возможно, я действительно чокнутый! — В голову пришла новая

идея. — Ты ничего не сможешь сделать со своей долей! Ты мертв!

— А ты жив? Сидишь, слушаешь по радио все эти тупые ковбойские песни. Читаешь комиксы и гоняешь шкурку.

Блейз покраснел, уставился в пол.

— Хочешь забывать и грабить один и тот же магазин каждые три или четыре недели, пока они не организуют там засаду и не схватят тебя за жопу? А в промежутках будешь сидеть и смотреть на эту паршивую кровать и долбаную люльку?

— Люльку я порублю на дрова.

— Посмотри на себя. — В голосе Джорджа слышалось что-то помимо грусти. Вроде бы тоска-печаль. — Одни и те же штаны две недели. Пятна мочи на трусах. Тебе нужно побриться и давно пора подстричься... а ты сидишь в этой лачуге посреди гребаного леса. Мы жили совсем не так. Или ты этого не видишь?

— Ты ушел, — указал Блейз.

— Потому что ты вел себя глупо. Но все это еще глупее. Ты должен использовать свой шанс, а не то пропадешь. Ты проживешь тут пять лет, может, шесть, но потом они выведут тебя из игры, и ты загремишь в Шенк на всю оставшуюся жизнь. Жалкий тупица, который не помнит, что нужно чистить зубы и менять носки. Еще одна козявка на полу.

— Тогда говори мне, что нужно делать, Джордж.

— Следовать плану, вот что ты должен делать.

— Но если меня поймают, я получу большой срок. Пожизненный. — И это обстоятельство тревожило его сильнее, чем он хотел бы признать.

— Тебе этого не избежать, учитывая, как обстоят у тебя дела... или ты меня не слушал? И еще, ты же окажешь ему услугу. Пусть он не будет этого помнить (а он не будет), но ты дашь ему шанс до конца жизни рассказывать эту историю своим друзьям в загородном клубе. Да и люди, с которых ты хочешь взять выкуп, они сами украли эти деньги, только, как говорил Вуди Гатри*, с помощью перьевой ручки, а не пистолета.

— А если меня поймают?

— Не поймают. Если у тебя возникнет проблема с деньгами, скажем, они будут мечеными, поедешь в Бостон и найдешь Билли О'Ши. Но главное — ты должен проснуться.

— Что мне делать, Джордж? Когда?

— Когда ты проснешься. Когда проснешься. Просыпайся. *Просытайся!*

Блейз проснулся. Он сидел на стуле. Все комиксы лежали на полу. Ботинки он так и не снял. *Ох, Джордж!*

Он поднялся, посмотрел на дешевые часы, которые стояли на холодильнике. Четверть второго. На одной стене висело заляпанное мылом зеркало, и Блейз наклонился к нему. На него глянуло изможденное лицо.

Он надел куртку, кепку, рукавицы, прошел в сарай. Лестница по-прежнему лежала в салоне, но автомобиль простоял три дня на морозе, так что двигатель изрядно покапризничал, прежде чем завелся.

* Вуди Гатри (1912–1967) — известный американский певец-исполнитель в стиле фолк.

Блейз сел за руль.

— Вот и я, Джордж. Готов тронуться в путь.

Ответа не последовало. Блейз повернул козырек кепки в счастливую сторону и выкатился из сарая. Развернулся и выехал на шоссе. Взял курс на Окома-Хайтс.

Глава 11

С парковкой в Окома-Хайтс проблем не возникло, хоть этот район постоянно патрулировался копами. Эту часть Джордж проработал за несколько месяцев до смерти. Она служила фундаментом всего плана.

По другую сторону шоссе, в четверти мили от поместья Джерардов, возвышалась башня кондоминиума. В квартирах, расположенных на девяти этажах «Дубового леса», жили состоятельные, даже очень состоятельные люди, которые вели дела в Портленде, Портсмуте и Бостоне. С одной стороны здания находилась охраняемая автостоянка для гостей. Когда Блейз подъехал к воротам, из маленькой сторожки вышел мужчина, на ходу застегивая молнию куртки с капюшоном.

— К кому вы, сэр?

— К мистеру Джозефу Карлтону.

— Да, сэр, — кивнул охранник. Его не удивило, что разговор происходил почти в два часа ночи. — Сообщить о вашем приезде?

Блейз покачал головой и показал охраннику красную пластиковую карточку. Она принадлежала

Джорджу. Если бы охранник сказал, что все равно должен позвонить мистеру Карлтону, если бы даже подозрительно глянул на Блейза, тот бы понял, что толку от гостевой карточки больше нет, произошли какие-то перемены, скажем, администрация изменила цвет этих карточек, а потому ему нужно сваливать.

Но охранник только кивнул и вернулся в сторожку. Через мгновение ворота распахнулись, и Блейз проехал на автостоянку.

Никакого Джозефа Карлтона не существовало, по крайней мере так думал Блейз. Джордж говорил, что квартиру на восьмом этаже арендуют для своих дел несколько парней из Бостона, которых он называл Ирландские Умники. Иногда Умники проводили здесь деловые встречи. Иногда приглашали сюда девушек по вызову. Но в основном играли в покер. С полдюжины раз в игре принимал участие и Джордж. Он оказался вхож в это общество, потому что вырос с одним из Умников, преждевременно посевшим бандитом, которого звали Билли О'Ши, с выпученными лягушачьими глазами и синюшными губами. Билли О'Ши называл Джорджа Хрипли, из-за его голоса, или, случалось, просто Хриплый. Иногда Джордж и Билли болтали о недотрогах и профессионалах.

Блейз дважды присутствовал на таких играх вместе с Джорджем и едва верил своим глазам, видя на столе такое количество денег. Один раз Джордж выиграл пять тысяч долларов. В другой проиграл две тысячи. Именно столь близкое расположение «Дубового леса» к поместью Джерардов и навело

Джорджа на мысль о деньгах Джерарда и маленьком джерардовском наследнике.

На гостевой стоянке царили темнота и тишина. Снег, который сгребали к забору, поблескивал в свете единственного фонаря. Забор отделял автостоянку от четырех акров пустующей земли по другую его сторону.

Блейз вылез из «форда», прошел к задней дверце, вытащил лестницу. Он действовал, а потому чувствовал себя гораздо увереннее. Сомнения и тревоги забывались, когда он что-то делал.

Он перебросил лестницу через забор. Полез следом, зацепился штаниной за проволоку, головой вниз рухнул в снег (его толщина составляла не меньше трех футов) по другую сторону забора. Чуть не засмеялся, так ему понравилось. Замахал руками, потом поднялся, весь в белом, словно ангел.

Сунул лестницу под мышку и по снегу двинулся к шоссе. Блейзу хотелось выйти к нему напротив поместья Джерардов, на этом он и сосредоточился. Не думал о следах, которые оставляет, о характерных отпечатках армейских ботинок. Джордж мог бы об этом подумать, но Джорджа здесь не было.

Он остановился у шоссе, посмотрел налево, направо. Никаких автомобилей. На другой стороне высилась зеленая изгородь со снежной шапкой поверху. Только изгородь и отделяла его от темного (не светилося ни одного окна) особняка.

Блейз перебежал дорогу, пригнувшись, словно надеялся благодаря этому стать невидимым. Перекинул лестницу через изгородь. Собрался уже продрасть сквозь нее, проломить брешь, когда в свете

ближайшего фонаря, а может, в отсвете звезд, заметил серебристую проволоку, которая тянулась сквозь лишенные листвы ветки. Пригляделся внимательно, и сердце его гулко забилося. Проволока крепилась к металлическим стойкам. Но не напрямую, а через фарфоровые изоляторы, установленные на кронштейнах. Проволока под током. Как вокруг пастбища для коров на ферме Боуи. При контакте человек получал достаточно сильный разряд, чтобы заставить его надуть в штаны, и одновременно срабатывала охранная сигнализация. Шофер, дворецкий или кто-то еще тут же вызывал полицию, и на том все заканчивалось. Не успев начаться.

— Джордж? — прошептал Блейз.

Откуда-то (дальше по дороге?) послышался ответный шепот: «Перелезь через это дерьмо».

Блейз попятился (ни одного автомобиля на дороге так и не появилось) и побежал к изгороди. За шаг до нее с силой оттолкнулся и подпрыгнул. Плюхнулся на снег, который лежал на изгороди. Его нога, которую он поцарапал, перелезая через забор автостоянки «Дубового леса», оставила капельки крови (четвертая группа, резус-фактор отрицательный) как на снегу, так и на нескольких ветвях изгороди.

Забравшись на изгородь, Блейз спрыгнул вниз, огляделся. Особняк находился в сотне ярдов. За ним виднелось строение меньших размеров. То ли гараж, то ли гостевой домик. Может, там жила прислуга. От изгороди дом отделяло широкое, засыпанное снегом поле. Из дома, если кто-то не спал, его бы тут же заметили. Блейз пожал плечами. Заметят — так заметят. С этим он ничего не мог поделать.

Он подобрал лестницу и затрусил к особняку, под стенами которого его не могли увидеть из окон. Добравшись туда, присел, затаив дыхание, пытаясь уловить признаки поднятой тревоги. Не уловил. Дом спал.

На Блейза смотрели десятки окон. Какое ему нужно? Если они с Джорджем его вычислили (если он знал это окно), он все забыл. Блейз приложил руку к кирпичу, словно ожидая, что тот задышит. Заглянул в ближайшее окно и увидел большую сверкающую кухню. Выглядела она как рубка звездолета «Энтерпрайз». Горящая над плитой лампочка заливала мягким светом пластик и кафель. Блейз провел ладонью по рту. Нерешительность пыталась подмять его под себя, но он вернулся к лестнице, чтобы раздвинуть и установить ее. Любое действие, даже самое тривиальное, шло на пользу. Блейза трясло.

Это пожизненное! — закричал внутренний голос. Именно такой срок тебе и дадут! Еще есть время, ты еще можешь...

— Блейз.

От неожиданности он чуть не вскрикнул.

— Любое окно. Если ты не помнишь, тебе придется обыскать дом.

— Я не смогу, Джордж. Что-нибудь переверну... они услышат, придут и застрелят меня... или...

— Блейз, ты должен. Назад дороги нет.

— Я боюсь, Джордж. Я хочу домой.

Нет ответа. Но в каком-то смысле это и был ответ.

Тяжело и хрипло дыша, выдыхая облака пара, Блейз откинул крючки, которые удерживали лест-

ницу в сложенном состоянии, раздвинул ее на максимальную длину. Рукавицы мешали, и закрепить крючки удалось только со второй попытки. Он уже порядком вывалился в снег и стал белым с головы до ног — прямо-таки снежный человек, йети. Снег попал даже на кепку, козырек которой по-прежнему оставался сдвинутым влево. Но возле дома стояла тишина, нарушаемая лишь дыханием Блейза. Никто не услышал шелканья крючков, которые Блейз сначала вытащил из одних гнезд, а потом вставил в другие. Снег, должно быть, глушил все звуки.

Лестница была алюминиевой, а потому легкой. Поднял ее Блейз без труда. Верхняя перекладина оказалась аккурат под окном над кухней. Добраться до него Блейз мог, оставаясь двумя-тремя ступеньками ниже.

Он начал подниматься, одновременно стряхивая с себя снег. В какой-то момент лестница покачнулась, заставив его замереть, но потом вновь застыла. Он продолжил подъем. Наблюдая, как кирпичи уходят вниз, добрался до подоконника. И вот уже смотрел в окно одной из спален.

Двухспальная кровать. В ней два человека. Лиц он разглядеть не мог, только белые круги. По существу, белые пятна.

Блейз всматривался в них как зачарованный. Забыв про страх. По причине, понять которую он не мог (не чувствовал сексуального возбуждения или по крайней мере не думал, что чувствует), его член начал подниматься. Блейз не сомневался, что смотрит на Джозефа Джерарда-третьего и его жену. Тарашился на них, а они этого не знали. Заглянул в их мир. Видел их комоды, прикроватные столики,

саму кровать. Видел свое отражение в огромном, в рост человека, зеркале, которое смотрело туда, где царил холод. Он видел их, а они этого не знали. Его тело сотрясало от возбуждения.

Он оторвал взгляд от кровати и перевел на внутренний запор. Простенькая задвижка, открыть которую не составляло труда, имея при себе нужный инструмент, который Джордж называл «джимми». Разумеется, у Блейза нужного инструмента не было, да он ему и не требовался: задвижку не использовали по назначению.

«Они — зажавшиеся, — подумал Блейз. — Они — зажавшиеся, глупые республиканцы. Я, может, и туп, но они глупее».

Блейз максимально, насколько позволяла лестница, раздвинул ноги, чтобы повысить устойчивость, и начал поднимать окно, постепенно увеличивая усилие. Мужчина во сне перевернулся с одного бока на другой, и Блейз подождал, пока Джерард окончательно погрузится в сон. Вновь взялся за окно.

В какой-то момент решил, что оно заперто изнутри — вот почему задвижка не понадобилась, — и тут окно сдвинулось. Дерево тихонько застонало. Блейз замер.

И задумался.

Он пришел к выводу, что все нужно сделать очень быстро: открыть окно, забраться в комнату, закрыть окно. Иначе холодный январский воздух точно разбудит их. Но если окно заскрипит, двигаясь по раме, они тоже проснутся.

— Давай, — шепнул Джордж от подножия лестницы. — Попробуй использовать этот шанс.

Блейз просунул пальцы в щелочку под окном, потом поднял его. Окно двигалось бесшумно. Он перенес через подоконник ногу, протиснулся в дом сам, повернулся, опустил окно. Вот тут оно и закрипело, стукнуло, вставая на место. Блейз застыл на корточках у подоконника, боясь повернуться и посмотреть на кровать, уши ловили каждый звук.

Ничего не поймали.

Нет, что-то он, конечно, слышал. Дыхание, к примеру. Два человека дышали практически в унисон, словно ехали на велосипеде для двоих. Легкое поскрипывание матраца. Тиканье часов. Низкое гудение воздуха, должно быть, в топке обогревательного котла. Да и сам дом издавал какие-то звуки. Оседал, как он это делал уже пятьдесят или семьдесят пять лет. Черт, может, и все сто. Устраивался удобнее со своими костями из кирпича и древесины.

Блейз развернулся, посмотрел на спящих. Женщина раскрылась до пояса. Вырез ночной рубашки сдвинулся в сторону, и одна грудь выглядывала наружу. Блейз таращился на нее, зачарованный ее мерным подъемом и опусканием, соском, который затвердел от дуновения холодного воздуха...

— Шевелись, Блейз! Господи!

На цыпочках он пересек спальню, как карикатурный любовник, который прятался под кроватью, не дыша, так что грудь его выпятилась, словно у полковника в мультфильме.

Блеснуло золото.

На одном из комодов стоял маленький триптих, три фотографии в золотом окладе в форме пирамиды. Снизу — Джерарда-третьего и его смуглокожей

жены-нармянки. Сверху — Джерарда-четвертого, без единого волоска на голове, до подбородка закутанного в одеяльце. Его широко распахнутые темные глаза смотрели на мир, в который он столь недавно вошел.

Блейз добрался до двери, повернул ручку, замер, чтобы обернуться. Женщина положила руку на голую грудь, прикрыв ее. Муж спал на спине с открытым ртом и до того, как захрапел и наморщил нос, более всего напоминал мертвеца. Блейз подумал о Рэнди, о том, как Рэнди лежал на промерзшей земле, а блохи и клещи покидали его тело. За кроватью пол и подоконник присыпало снегом. Он уже таял.

Блейз начал осторожно открывать дверь, готовый замереть при первом намеке на скрип. Но петли не заскрипели. Он выскользнул из спальни, как только щель между дверью и косяком стала достаточно широкой. Очутился в коридоре-галерее. Пол устилал толстый, мягкий ковер. Блейз закрыл за собой дверь, подошел к ограждению, за которым сгущалась темнота, посмотрел вниз.

Увидел лестницу, поднимающуюся двумя пролетами из широкого сумрачного зала. Полированный пол тускло поблескивал. На другой стороне галерею украшала статуя девушки. Напротив стоял мраморный юноша.

— Не обращай внимания на статуи, Блейз, найди младенца. Нечего стоять столбом...

Лестница, ведущая на первый этаж, находилась по правую руку Блейза, так что он повернул налево, в коридор. Здесь никаких звуков до его ушей не доносилось, только едва слышный шорох собствен-

ных шагов. Он даже не слышал гудения воздуха в топке котла. И это вселяло страх.

Он открыл следующую дверь и заглянул в комнату: стол посередине, полки и стеллажи с книгами вдоль стен. На столе стояла пишущая машинка и лежала стопка листов бумаги, придавленная черным, похожим на стекло, камнем. На стене висел портрет. Блейз сумел разглядеть мужчину с седыми волосами и хмурым лицом, который, казалось, говорил ему: «Ты — вор». Он закрыл дверь и двинулся дальше.

Очередная дверь открылась в пустую спальню с кроватью под пологом. Покрывало натянули так туго, что на нем подпрыгнула бы монетка.

Он шел по коридору, чувствуя, как по телу начинают скатываться струйки пота. Обычно он не замечал бега времени, а вот тут заметил. Как долго он пробыл в этом богатом и спящем доме? Пятнадцать минут? Двадцать?

В третьей комнате он обнаружил еще одну спящую пару. Женщина стонала во сне, и он быстро закрыл дверь.

Свернул за угол. А вдруг ему придется подняться по лестнице на третий этаж? Мысль эта наполнила его ужасом, какой он испытывал в своих нечастых кошмарных снах (в них обычно возвращался в Хеттон-Хауз или на ферму Боуи). Что он скажет, если вдруг зажгутся лампы и его обнаружат? Что он мог сказать? Что пришел, чтобы украсть столовое серебро? На втором этаже никакого столового серебра не было, это знал даже тупица.

В этой короткой части коридора он увидел только одну дверь. Открыл ее и попал в детскую.

Долго стоял, не в силах поверить, что сумел проделать такой длинный путь. Получалось, что совсем это и не мечта, которой не суждено сбыться. Он мог реализовать задуманное. От одной этой мысли возникло желание бежать отсюда со всех ног.

Кровать ничем не отличалась от той, которую он купил сам. Стены украшали изображения героев диснеевских мультфильмов. Он увидел столик для пеленания, полку со множеством баночек и тюбиков с кремами, маслами, лосьонами, маленький комод, раскрашенный в яркий цвет. Может, красный, может, синий. В темноте было не разглядеть. А в кровати лежал младенец.

В последний раз ему предоставлялся шанс убежать, и Блейз это знал. Сейчас он еще мог покинуть дом так же незаметно, как и проник в него. Они бы и не догадались, что могло произойти. Возможно, он мог подойти к кровати, положить большую руку на маленький лоб младенца, а уж потом уйти. Он вдруг представил себя спустя двадцать лет, читающим о Джозефе Джерарде-четвертом на странице светской хроники, которую Джордж называл новостями из жизни богатых сучек и ржущих жеребцов. На фотографии молодой человек в смокинге стоял рядом с девушкой в белом платье. Девушка держала в руках букет цветов. В заметке речь шла о том, что они поженились и отправлялись в свадебное путешествие. Он бы посмотрел на этот фотоснимок и подумал: «Ох, дружище! Ох, дружище, а ведь как все могло повернуться».

Но, входя в детскую, он уже знал, что одним прикосновением ко лбу дело не ограничится. Он пойдет до конца.

«Вот такой у нас расклад, Джордж», — подумал Блейз.

Младенец спал на животе, повернув голову. Одна маленькая ручка лежала под щекой. От его дыхания одеяло мерно поднималось и опускалось. Голову покрывал волосяной пушок, ничего больше. Рядом на подушке лежало красное упругое кольцо для зубов.

Блейз потянулся к нему и вдруг отдернул руки.

А если младенец заплачет?

И тут же заметил некое устройство, от одного вида которого сердце едва не выпрыгнуло изо рта. Маленький аппарат внутренней связи. Второй мог стоять в спальне матери или в комнате няни. Если бы ребенок закричал...

Мягко, осторожно Блейз протянул руку и нажал на кнопку питания аппарата. Красная лампочка над кнопкой погасла. И тут же подумал, а вдруг есть звонок или что-то другое, приводимое в действие при отключении электроэнергии. Чтобы предупредить.

Внимание, мамаша! Внимание, няня! Аппарат внутренней связи не работает, потому что большой глупый похититель только что его отключил. И этот глупый похититель сейчас в доме. Пойдите и посмотрите. Захватите пистолет.

«Давай, Блейз. Используй свой шанс».

Блейз глубоко вдохнул, выдохнул. Отбросил одеяльце, а потом вновь завернул в него младенца, доставая из кроватки. Осторожно покачал на руках. Младенец пискнул, потянулся. Веки дрогнули, приоткрылись. Он издал какой-то звук, похожий на мяуканье котенка. Потом вновь закрыл глаза, тельце расслабилось.

Блейз облегченно выдохнул.

Вернулся к двери, вышел в коридор, осознавая, что он не просто уходит из комнаты младенца, из детской. Он пересек черту. И уже не мог заявить, что он — обычный грабитель. Совершенное преступление спало у него на руках.

Спуститься по приставной лестнице со спящим младенцем не представлялось возможным, и он даже не рассматривал такой вариант. Направился к другой лестнице, на первый этаж. На полу лежал ковер, на ступенях — нет. И первый же шаг по полированному дереву ударил по ушам. Он остановился, прислушался, ловя новые звуки, но дом спал.

Теперь, однако, нервы начали сдавать. Младенец словно набирал вес. Паника сковывала волю. Он вдруг начал улавливать движение краем глаза, сначала с одной стороны, потом с другой. На каждом шагу ожидал, что младенец шевельнется и закричит. А уж если бы закричал, его вопли точно перебудили бы весь дом.

— Джордж... — пробормотал он.

— Иди, — снизу ответил Джордж. — Как в том старом анекдоте. Иди, но не беги. На мой голос, Блейзер.

Блейз продолжил спуск. Беззвучно не получалось, но ни одна из последующих ступенек не отозвалась так резко и громко, как первая. Младенец чуть повернулся у него на руках. Он не мог держать его неподвижно, как ни старался. Пока ребенок спал, *но в любую минуту, в любую секунду...*

Он принялся считать ступени. Пять. Шесть. Семь. Кости бросим — восьмерочку попросим. Лестница была очень длинной. Предназначенная, пред-

положил он, для расфуфыренных шлюх, чтобы они поднимались по ней и спускались на танцы, как в «Унесенных ветром»... Семнадцать. Восемнадцать. Девят...

Это была последняя ступенька, и следующий шаг (его нога не подготовилась к тому, что лестница закончится) получился очень уж громким: «Клак!» Голова младенца дернулась. Он вскрикнул. Звук далеко разнесся в тишине дома.

Наверху зажегся свет.

У Блейза округлились глаза. Адреналин выстрелил в грудь и живот, вынуждая его остановиться и сжать младенца. Блейз с трудом заставил себя чуть расслабиться и шагнул в тень лестницы. Там и замер, с перекошенным от ужаса лицом.

— Майк? — позвал сонный голос.

Шаркающие шаги приблизились к ограждению галереи.

— Микки-Майк, это ты? Это ты, паршивец? — Голос звучал прямо над его головой, сонный театральный шепот. Старый голос. Сварливый. — Иди на кухню и поищи блюдо с молоком, которое оставила тебе мама. — Пауза. — Если перевернешь вазу, мама рассердится.

Если бы ребенок в этот момент закричал...

Голос продолжал что-то бормотать, слов Блейз уже не разбирал, потом шаркающие шаги удалились. Еще через какое-то время, наверное, через столетие, закрылась дверь, отсекая свет.

Блейз стоял на месте, пытаясь обуздать дрожь, которая начинала сотрясать все его тело. Дрожь могла разбудить младенца. В какой стороне кухня? Как он мог нести младенца и лестницу? А проволо-

ка, по которой пропущено электричество? *Что... как... где...*

Он двинулся дальше, чтобы не отвечать на эти вопросы, крался по коридору, согнувшись над завернутым в одеяло младенцем, как старая карга со скрюченным позвоночником. Увидел дверь из двух распахнутых половинок со стеклянными панелями. За ней блестел начищенный паркет. Блейз миновал дверь и оказался в столовой.

Комната отличалась богатым убранством. По центру стоял стол красного дерева, предназначенный для двадцатифунтовых индеек на День благодарения и дымящихся бифштексов по воскресеньям. Китайский фарфор поблескивал за стеклянными дверцами роскошного шкафа. Блейз пересек столовую, не останавливаясь, и тем не менее вид этого огромного стола и возвышающихся над ним прямых, как застывшие навтыжку солдаты, спинки стульев разбудил в его груди кипящее негодование. В свое время он на коленях мыл полы на кухне, и Джордж говорил, что таких, как он, очень и очень много. И не только в Африке. По словам Джорджа, такие люди, как Джерарды, притворялись, будто таких людей, как он, не существует. Что ж, пусть теперь они положат куклу в детскую кроватку наверху и делают вид, что это настоящий ребенок. Пусть прикидываются, в этом они большие мастера.

В дальней стене столовой он заметил двустворчатую дверь. Пройдя ее, очутился на кухне. Выглянув в окно с морозными узорами, увидел ножки лестницы.

Огляделся в поисках места, куда мог бы положить ребенка, пока будет открывать окно. Разде-

лочные столики были широкими, но, возможно, недостаточно. И ему совершенно не хотелось класть младенца на плиту, пусть и выключенную.

Взгляд Блейза остановился на большой корзине, с какой ходят на рынок. Она висела на крюке двери в кладовую. Достаточно просторная и глубокая, с крепкой ручкой. Блейз снял корзину, поставил на сервировочную тележку на колесиках, стоявшую у стены. Положил ребенка в корзину. Тот лишь чуть шевельнулся.

Теперь окно. Блейз поднял его и обнаружил за ним второе, наружное, закрепленное намертво. На втором этаже таких окон не было.

Блейз начал открывать дверцы шкафчиков. В нижнем, под раковиной, нашел аккуратную стопку посудных полотенец. Взял одно, с американским орлом. Обмотал полотенцем руку в рукавице и ударил по нижней панели наружного окна. Оно разлетелось без особого шума, в стекле образовалась большая зазубренная дыра. Блейз начал вынимать осколки, направленные остриями к центру, как большие стеклянные стрелы.

— Майк? — Тот же зовущий голос. Блейз замер. Голос раздавался не сверху. Он...

— Майки, что ты перевернул на этот раз?

...доносился из коридора на первом этаже и приближался...

— Ты хочешь перебудить весь дом, плохой мальчик?

...приближался...

— Я собираюсь отправить тебя в подвал до того, как ты сильно набедокуришь.

Дверь распахнулась, на кухню вошла женщина, держа в руках ночник на батарейках, выполненный в виде свечи. Блейз понял, что перед ним старуха, которая шла очень медленно, стараясь, насколько возможно, не нарушать тишины. Она накрутила волосы на бигуди, и в свете ночника ее голова напоминала голову пришельца из какого-нибудь научно-фантастического фильма. А потом она увидела Блейза.

— Кто... — Она произнесла только одно слово. А потом та часть ее мозга, которая задействовалась в чрезвычайных ситуациях, старая, но не умершая, решила, что не время для разговоров. Женщина набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать.

Блейз ударил ее. Ударил сильно, как бил Рэнди, как бил Глена Харди. Он не думал об этом: все произошло слишком быстро, чтобы он успел подумать. Старушка рухнула на пол вместе с ночником. Чуть слышно звякнула разбившаяся лампочка. Ее тело лежало между створками двери.

И тут раздалось низкое и протяжное мяуканье. Блейз повернулся, поднял голову. Зеленые глаза смотрели на него с холодильника.

Блейз вернулся к окну, вытащил оставшиеся осколки. Потом пролез в дыру, образовавшуюся на месте нижней панели наружного окна, и прислушался.

Ни звука.

Пока.

Осколки стекла блестели на снегу, как мечта заключенного.

Блейз оторвал верх лестницы от стены, освободил крючки. Складывалась лестница со скрипом, от которого ему хотелось кричать. Закрепив крючки, он поднял сложенную лестницу и побежал. Вырвался из тени дома, миновал полпути, когда вспомнил, что забыл младенца. Тот по-прежнему лежал в корзине на сервировочной тележке. Левая рука, в которой Блейз нес лестницу, онемела, и он положил лестницу в снег. Повернулся и посмотрел на дом.

На втором этаже в одном из окон горел свет.

На мгновение Блейз раздвоился. Один Блейз хотел со всех ног бежать к дороге («Спасать свои яйца», — сказал бы Джордж), второй — вернуться в дом. В этот момент он не мог решить, что же делать. А потом направился к дому, очень быстро, его ноги поднимали фонтанчики снега.

Он снял рукавицу и порезал ладонь об оставшийся в раме осколок. На кухне схватил корзину, махнул ею так резко, что младенец чуть не вылетел на пол.

Наверху в туалете спустили воду.

Он высунулся из окна, поставил корзину на снег, последовал за ней, даже не посмотрев на лежащее на полу тело. Подхватил корзину и рванул от дома.

Остановился только для того, чтобы взять лестницу, и побежал дальше, к изгороди. Там взглянул на младенца. Джо-четвертый мирно спал, не подозревая, что его выкрали из родного дома. Блейз оглянулся на особняк. Свет на втором этаже погас.

Он поставил корзину на снег, перебросил лестницу через изгородь. А мгновением позже на шоссе показались огни.

Вдруг это коп? Господи, и что тогда делать?

Он прилег на снег рядом с изгородью, отдавая себе отчет, как ясно выделяются две цепочки его следов, к особняку и обратно, на белом снегу, который покрывал лужайку. Других просто не было.

Яркость фар нарастала, достигла максимума, а потом резко сошла на нет. Автомобиль проскочил мимо, не снижая скорости.

Блейз встал, поднял корзину (теперь его корзину) и шагнул к изгороди. Раздвинув ветви наверху, он смог перенести корзину на другую сторону, но поставить на землю не сумел. Последние два фута ей пришлось пролететь. Она мягко приземлилась в снег. Младенец нашел палец и начал его сосать. В свете ближайшего фонаря Блейз видел, как двигаются его губки. Сжимаются и разжимаются. Прямо-таки рыбий рот. Холод ночи еще не беспокоил его. Из одеяла торчала лишь голова и крохотная ручка.

Блейз перепрыгнул через изгородь, поднял лестницу, взял корзину, пригнувшись, перебежал дорогу, пересек поле прежним маршрутом. У забора, окружающего гостевую стоянку «Дубового леса», поставил лестницу (на этот раз удлинять ее не пришлось), с корзиной забрался на самый верх.

Держа корзину в руке, оседлал забор, отдавая себе отчет в том, что одно неловкое движение (колючая проволока находилась между ног), и его яйца ждет большой сюрприз. Рывком дернул лестницу, ощущая, что ноги едва выдерживают дополнительную нагрузку. Лестница легла на проволоку, закачалась, а потом перевалилась на стоянку. Он задался вопросом, а не наблюдает ли кто-нибудь за ним

в этот момент, но гадать об этом было глупо. Если и наблюдает, он все равно ничего не мог с этим поделать. Теперь он чувствовал порез на руке. Там пульсировала боль.

Блейз выровнял лестницу, поставил корзину на верхнюю перекладину, придерживая одной рукой, осторожно встал на перекладину пониже. Лестница чуть сместилась, и Блейз застыл. Но нет, лестница стояла прочно.

Он спустился вниз с корзиной в руке. Взял лестницу под мышку и зашагал к «форду».

Поставил корзину с младенцем на пассажирское сиденье, открыл заднюю дверцу, втащил лестницу в салон. Потом сел за руль.

Но не смог найти ключ зажигания. Не было его ни в карманах штанов, ни в карманах куртки. Он уже решил, что потерял ключ, когда перелезал через изгородь, и собрался возвращаться, чтобы поискать его в снегу, когда увидел, что ключ торчит в замке зажигания. Он забыл вытащить его, когда заглушил двигатель. Понадеялся, что Джордж этого не увидел. Если не увидел, Блейз не собирался ему в этом признаваться. Ни за что на свете.

Он завел двигатель и поставил корзину на пол у переднего пассажирского сиденья. Потом поехал к сторожке. Из нее вышел охранник.

— Уезжаете так рано, сэр?

— Карта не идет, — ответил Блейз.

— Такое случается и с лучшими из нас. Спокойной ночи, сэр. И большей удачи в следующий раз.

— Спасибо, — ответил Блейз.

Выехал за ворота, остановился у шоссе, посмотрел в обе стороны, свернул к Апексу. Ехал, строго

соблюдая скоростной режим, но не встретил ни одной патрульной машины.

Когда уже выруливал на подъездную дорожку к лачуге, крошка Джо проснулся и начал кричать.

Глава 12

Вернувшись в Хеттон-Хауз, Блейз никому не доставлял хлопот. Не поднимал головы, рот держал на замке. Парни, которые считались большими, когда он и Джонни были маленькими, покинули сиротский приют. Или нашли работу, или поступили в профессионально-технические училища, или завербовались в армию. Блейз вырос еще на три дюйма. Волосы появились у него на груди и обильно разрослись над промежностью, вызывая зависть других мальчишек. Он ходил во Фрипортскую среднюю школу. Ему там нравилось, потому что его не заставляли учить арифметику.

Контракт с Мартином Кослоу продлили, и он без тени улыбки настороженно наблюдал за Блейзом. Больше не вызывал его в свой кабинет, хотя Блейз знал, что поводы были. И если бы Закон велел ему поклониться и приготовиться к порке, Блейз понимал, что сопротивляться не будет. Альтернативой было направление в Воспитательный центр Норт-Уиндэма, исправительное заведение. Он слышал, что там ребят хлестали кнутом, совсем как на галерах, а иногда сажали в маленький металлический ящик, который назывался «консервная

банка». Блейз не знал, соответствуют ли эти рассказы действительности, но у него не было никакого желания это выяснять. В одном он не сомневался: исправительные заведения вызывали у него страх.

Но Закон ни разу не вызвал его к себе, чтобы выпороть Палкой — Блейз не давал ему повода. В школу он ходил пять дней в неделю, и его основной связью с директором стал голос Закона, который звучал по системе оповещения сразу после подъема и перед самым отбоем. В Хеттон-Хаузе день начинался с наставления, как это называл Мартин Кослоу (с поучения-мучения, иногда уточнял Джон, если ему хотелось съязвить), а заканчивался отрывком из Библии.

Жизнь шла своим чередом. Блейз, если б захотел, мог стать королем мальчишек, но такое желание у него напрочь отсутствовало. Он не был лидером. Если кто и хотел быть лидером, так только не он. Блейз старался говорить с людьми по-доброму, даже когда предупреждал, что разобьет им голову, если они не оставят в покое его друга Джонни. И вскоре после его возвращения Джонни перестали доставать.

А потом, в один летний вечер, когда Блейзу уже исполнилось четырнадцать (и при определенном освещении выглядел он на шесть лет старше), кое-что произошло.

Каждую пятницу мальчишек отправляли в город на древнем желтом автобусе, справедливо полагая, что в группе они не смогут получить слишком уж много баллов ДВ — дисциплинарных взысканий. Некоторые бесцельно бродили по Мэйн-стрит, другие сидели на городской площади, кто-то уходил

в темные переулки, чтобы покурить. В бильярдную их не пускали. Был еще кинотеатр повторного фильма, «Нордика», и те, кто имел достаточно денег для покупки билета, могли пойти в кино и посмотреть, как выглядели в молодости Джек Николсон, Уоррен Битти или Клинт Иствуд. Некоторые мальчишки зарабатывали эти деньги, разнося газеты. Другие выкашивали лужайки летом и расчищали подъездные дорожки от снега зимой. Кое-кто находил работу и в Хеттон-Хаузе.

В числе последних оказался и Блейз. Габариты у него были как у взрослого мужчины, причем крупного, вот директор по хозяйственной части и нанял его. Мартин Кослоу мог бы протестовать, но Фрэнк Терро этому ханже не подчинялся. Ему, по натуре человеку очень спокойному, нравились и широкие плечи Блейза, и его немногословность, и его привычка обходиться короткими «да» и «нет». Опять же, Блейз не чурался тяжелой работы. Мог целый день таскать по лестнице доски или стофунтовые мешки с цементом. Переносил классную мебель или шкафы для документов с этажа на этаж и ни на что не жаловался. Не бросал работу на половине. А что нравилось Терро больше всего? Блейза вполне устраивали доллар и шестьдесят центов в час, и Терро каждую неделю клал в карман шестьдесят баксов. Даже купил жене свитер из кашемира. С воротником под горло. Чем очень ее порадовал.

Блейз тоже радовался. Он получал тридцать баксов в неделю, которых с лихвой хватало на кино, попкорн, конфеты и газировку. Он покупал билет и Джону, причем с радостью. Покупал бы и все остальное, но Джону обычно хватало только кино.

Весь сеанс он неотрывно, с открытым ртом, смотрел на экран.

Возвращаясь в Хеттон, Джон садился писать рассказы. Рассказы слабенькие, основанные на просмотренных фильмах, но тем не менее в сиротском приюте ширилось число поклонников его таланта. Тамошние мальчишки не любили шибко умных, однако определенный склад ума все-таки признавали. И им нравились истории. Они с нетерпением ждали новых.

В одну из таких поездок они посмотрели вампирский фильм «Возвращение графа Йорги». Версия этого классического произведения от Джона Челцмана заканчивалась тем, что граф Игорь Йорга отрывал голову юной полураздетой красавицы «с трясущимися грудями размером с арбуз» и прыгал в реку Йорба, зажав голову под мышкой. Рассказу он дал странно-патриотическое название «Глаза Йорга следят за тобой»*.

Но в ту пятницу Джону ехать в город не хотелось, пусть в «Нордике» и показывали очередной фильм ужасов. Его поносило. С утра и до обеда он побывал в туалете пять раз, несмотря на то что выпил в лазарете (чулане на втором этаже) полбутылки «Пепто». И полагал, что этим дело не закончится.

— Поедем, — уговаривал его Блейз. — В подвале «Нордики» отличный сральник. Однажды я сам его опробовал. Будем держаться к нему поближе.

Этот довод сработал, Джон пошел с Блейзом, несмотря на бурчание в кишках, и сел в автобус.

* Аллюзия на фразу Роберта Эдварда Ли (1807–1870), командующего армией конфедератов: «Глаза Юга следят за тобой».

Они заняли места сразу за водителем. Ведь в конце концов они были уже большими парнями.

Рекламу Джон отсмотрел нормально, но, едва на экране появился логотип «Warner Bros», поднялся, проскользнул мимо Блейза и двинулся по проходу крабьей походкой, едва переставляя ноги. Блейз ему сочувствовал, но, с другой стороны, жизнь есть жизнь. Поэтому вновь повернулся к экрану, где пыльная буря разразилась в некоем месте, очень похожем на пустыню Мэна, только с пирамидами. И скоро с головой ушел в разворачивающиеся события, хмурясь от напряжения.

Джон вернулся, но Блейз, поглощенный фильмом, заметил это, лишь когда его начали дергать за рукав под шепот: «Блейз! Блейз! Ради Бога, Блейз!»

Блейз вырвался из фильма, как из сна.

— В чем дело? Тебе плохо? Ты обосрался?

— Нет... нет. Посмотри сюда.

Блейз уставился на какой-то предмет, который Джон держал в руках чуть повыше колен. Бумажник.

— Эй! Где ты...

— Ш-ш-ш! — прошипел кто-то из сидевших впереди.

— ...это взял? — шепотом закончил Блейз.

— В мужском туалете! — так же шепотом ответил Джон. Его трясло от возбуждения. — Должно быть, вывалился из брюк какого-то парня, когда он наваливал кучу! В нем деньги! Много денег!

Блейз взял бумажник, держа так, чтобы никто не увидел. Заглянул в отделение для купюр. Почувствовал, как желудок ушел вниз. А потом вдруг подпрыгнул, чуть ли не до горла. Бумажник распирало

от денег. Одна, две, три полусотенных. Четыре двадцатки. Пара пятерок. Несколько купюр по доллару.

— Не могу их сосчитать, — прошептал он. — Сколько?

От восторга Джон чуть возвысил голос, но не настолько, чтобы на них вновь зашикали. Монстр гнался за девушкой в коричневых шортах. Зрители радостно кричали и улюлюкали.

— Двести сорок восемь баксов!

— Господи, — выдохнул Блейз. — Ты еще не зашил дырку в подкладке куртки?

— Нет.

— Сунь его туда. На выходе нас могут обыскать.

Никто их не обыскал. И понос Джона как рукой сняло. Такая большая сумма, должно быть, распугала все дерьмо.

В понедельник утром Джон купил «Портленд пресс геральд» у Стиви Росса, который разносил газеты. Вдвоем с Блейзом они ушли за склад с инструментом и открыли газету в разделе частных объявлений. Джон сказал, что искать нужно именно там. Объявления об утерянных и обнаруженных вещах они отыскиали на странице 38. И вот там, между сообщениями о ПРОПАВШЕМ французском пуделе и НАЙДЕННЫХ женских перчатках, прочитали:

УТЕРЯН. Мужской черный кожаный бумажник с инициалами РКФ в отделении для фотографий. Нашедшему просьба позвонить по телефону 555-0928 или написать «До востребования», почтовый ящик 595 по адресу этой газеты. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

— Вознаграждение! — воскликнул Блейз и кулаком двинул Джона в плечо.

— Да, — кивнул Джон. Потер то место, с которым соприкоснулся кулак Блейза. — Мы позвоним этому парню, он даст нам десять баксов и погладит по головке. Эр-пэ-ша, — что означало «радости полные штаны».

— Ох! — Сиявшее перед мысленным взором Блейза двухфутowymi золотыми буквами слово «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ» вдруг превратилось в грудку битых кирпичей. — Тогда что мы будем с этим делать?

Впервые он посмотрел на Джонни как на лидера. Эти двести сорок восемь баксов являли собой неразрешимую проблему. Если у тебя четвертак, ты покупаешь «колу». Два бакса позволяют пойти в кино. Напрягшись, Блейз мог предложить способ потратить чуть большую сумму: поехать на автобусе в Портленд и посмотреть кино там. Для таких громадных денег его воображение не годилось. На ум пришла только одежда. Но на нее Блейз никогда не обращал внимания.

— Давай сбежим. — Узкое лицо Джонни раскраснелось от волнения.

Блейз задумался.

— Ты хочешь сказать... совсем?

— Нет, пока не закончатся эти деньги. Мы можем поехать в Бостон... поесть в больших ресторанах, а не в «Микки Дис»... снять номер в отеле... сходить на игру «Ред сокс»... и... и...

Продолжить он не смог. Радость переполняла его. Он вскочил на Блейза, хохоча и барабанил по спине. Тощий, легкий, но крепкий. Его лицо обдавало щеку Блейза жаром, как стенка топки.

— Хорошо, — кивнул Блейз. — Это будет весело. — Он подумал над предложением Челцмана. — Господи, Джонни, Бостон? Бостон!

— Это же будет королевский загул!

Они начали смеяться. Блейз приподнял Джонни и обошел с ним склад для инструментов, оба хохотали, колотили друг друга по спине. Но потом Джонни заставил его остановиться.

— Кто-нибудь услышит, Блейз. Или увидит. Опусть меня на землю.

Блейз собрал газету, листы которой уже начали разлетаться по двору, сложил, убрал в карман.

— Что делаем теперь, Джонни?

— Пока ничего. Может, дня три. Нам нужно составить план и соблюдать осторожность. Иначе нас поймают до того, как мы проедем двадцать миль. Привезут назад. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, в составлении планов я мало что смыслю, Джонни.

— Ничего, по большей части я уже все просчитал. Важный момент — заставить их думать, что мы просто убежали. Именно так и поступают мальчишки, если их достает этот чертов приют, правда?

— Правда.

— Только у нас есть деньги, правда?

— Правда.

И Блейз вновь так обрадовался наличию денег, что принялся колотить Джонни по спине и едва не сшиб с ног.

Они выжидали до вечера следующей среды. За это время Джон позвонил на автостанцию «Грейхунда» в Портленде и выяснил, что автобус на Бостон

уходит каждое утро в семь часов. Хеттон-Хауз они покинули чуть позже полуночи. Джон решил, что безопаснее отшагать пятнадцать миль до города, чем привлекать к себе внимание, ловя попутку. Два подростка на дороге после полуночи... Наверняка беглецы. Не важно откуда.

С гулко бьющимися сердцами они спустились вниз по пожарной лестнице, спрыгнули с нижней ступеньки. Перебежали игровую площадку, где Блейза избили, когда он прибыл сюда много лет тому назад. Блейз помог Джону перелезть через забор на дальней стороне. Они пересекли шоссе под яркой августовской луной и зашагали по обочине, ныряя в кювет всякий раз, когда на горизонте, впереди или позади, вспыхивали автомобильные фары.

К шести утра они уже добрались до Конгресс-стрит, Блейз — свеженький и веселый, Джон — с темными мешками под глазами. Деньги лежали в кармане джинсов Блейза. Бумажник они выбросили в лесу.

Когда они зашли в здание автостанции, Джон гут же плюхнулся на скамью. Блейз сел рядом. Щеки Джона вновь пылали, но уже не от радостного возбуждения. И у него, похоже, возникли проблемы с дыханием.

— Пойди в кассу и возьми два билета в оба конца на семичасовой рейс, — проинструктировал он Блейза. — Дай пятьдесят баксов. Не думаю, что понадобится больше, но на всякий случай держи наготове двадцатку. В руке. Не показывай все деньги.

К ним направился полисмен, помахивая дубинкой. Душа Блейза ушла в пятки. Вот так все и закончилось, не успев даже начаться. Коп заберет

деньги. Может вернуть владельцу, а может оставить себе. Они же вернутся в Хеттон-Хауз, возможно, даже в наручниках. Перед его мысленным взором замаячил Воспитательный центр Норт-Уиндэма. И «консервная банка».

— Доброе утро, парни. Что-то вы здесь рановато, а?

Часы на стене показывали 6.22.

— Это точно. — Джон кивнул в сторону забранного решеткой окошка кассы. — Билеты берут там?

— Верно. — Коп чуть улыбнулся. — И куда вы направляетесь?

— В Бостон.

— Да? И где ваши родители?

— Мы — не родственники, — ответил Джон. — Этот парень — умственно отсталый. Его зовут Мартин Гриффин. А еще он глухонемой.

— Правда? — Коп сел, всмотрелся в Блейза. Он не выглядел подозрительным. Судя по выражению лица, он никогда не сталкивался с человеком, которого бы называли глухонемым и умственно отсталым одновременно.

— Его мама умерла на прошлой неделе, — продолжил Джон. — Он живет у нас. Мои родители работают, а поскольку сейчас летние каникулы, они спросили меня, смогу ли я его отвезти, и я ответил, что смогу.

— Большая работа для пацана, — заметил коп.

— Я немного боюсь. — И Блейз мог поклясться, что Джон говорил правду. Сам он тоже боялся. Еще как.

Коп повернулся к Блейзу.

— Он понимает?..

— Что случилось с его матерью? Не так, чтобы очень.

Коп погрузтел.

— Я везу его к тете. Там он пробудет несколько дней. — Джон просиял. — А я, может, попаду на игру «Ред сокс». Для меня это будет как награда... вы понимаете...

— Надеюсь, что попадешь, сынок. Только самый плохой ветер не приносит хоть кому-то пользы.

Они замолчали, осмысливая последнюю фразу копа. Блейз, новоиспеченный немой, тоже молчал.

— Он — крупный парень, — прервал паузу коп. — Ты с ним справишься?

— Он крупный, но послушный. Хотите посмотреть?

— Ну...

— Вот сейчас я заставлю его встать. Смотрите. — Джон пошевелил пальцами перед глазами Блейза. Когда перестал шевелить, Блейз поднялся.

— Слушай, это у тебя здорово получается! — воскликнул коп. — И он всегда тебя слушается? Потому что такой большой парень в автобусе, где полно людей...

— Нет, он всегда слушается. Зла от него не больше, чем от бумажного пакета.

— Ладно. Я тебе верю. — Коп встал. Поправил ремень, положил руку на плечо Блейза, надавил. Блейз вновь опустил на скамью. — Будь осторожен, юноша. Ты знаешь телефон тети, на случай, если возникнут затруднения?

— Да, сэр, конечно, знаю.

— Ладно, счастливого пути, сержант. — Он отдал Джону честь и вразвалочку вышел из автобусной станции.

Стоило ему скрыться за дверью, они переглянулись и едва сдержали смех. Но кассирша наблюдала за ними, поэтому они разом усталились в пол. А Блейз и вовсе прикусил губу, чтобы не засмеяться.

— Тут есть туалет? — спросил Джон кассиршу.

— Вот там, — указала она.

— Пошли, Марти. — Джон потянул Блейза за рукав. Тот едва сдерживал смех. Но уж в сортире они нахохотались, сжимая друг друга в объятиях.

— Здорово у тебя получилось, — отсмеявшись, похвалил друга Блейз. — Где ты взял это имя?

— Когда увидел копа, мог думать только о том, что Закон разберется с нами, когда нас привезут обратно. А Гриффин — это от грифона, мифической птицы... ты знаешь, из рассказа, с которым я помогал тебе...

— Да, — кивнул Блейз, не помня никакого грифона. — Да, конечно.

— Но они узнают, что это были мы, когда услышат о двух парнях, сбежавших из Хелл-Хауза*. — Лицо Джона стало серьезным. — Коп точно нас вспомнит. И будет в бешенстве. Господи, ведь будет?

— Так, думаешь, нас поймают?

— Нет. — На лице Джона еще отражалась усталость, но разыгранная с копом сценка добавила блеска его глазам. — Добравшись до Бостона, мы ляжем на дно. Не будут они очень уж активно искать двух подростков.

* Hell-House — Адский дом (англ.).

— Это хорошо.

— Но билеты лучше купить мне. А ты до Бостона изображай немного. Так безопаснее.

— Как скажешь.

Джонни купил билеты, они сели в автобус, в котором большую часть мест занимали мужчины в форме и молодые мамы с маленькими детьми. Пивной живот и откляченный зад водителя не мешали тому ходить в отутюженных, с острыми стрелками, серых форменных брюках. Блейз подумал, что станет водителем автобуса «Грейхаунд», когда вырастет.

Двери с шипением закрылись. Сзади заурчал мощный двигатель. Автобус выкатился из посадочной зоны и выехал на Конгресс-стрит. Они двигались. Куда-то ехали. Блейз смотрел во все глаза.

По мосту они пересекли реку и попали на шоссе номер 1. Скорость автобуса увеличилась. Они проезжали мимо нефтяных резервуаров и рекламных щитов, приглашавших остановиться в том или ином мотеле или заглянуть в «ПРОУТИС», лучший лобстерный ресторан штата Мэн. Они проезжали мимо домов, и Блейз увидел мужчину, который поливал лужайку. Мужчина был в бермудских шортах и никуда не ехал. Блейз его пожалел. Они проехали мимо отмелей, появляющихся после отлива, и морских чаек, летающих над ними. Хелл-Хауз, как назвал его Джон, остался позади. На дворе стояло лето, и день прибавлял яркости.

Наконец он повернулся к Джону. Потому что знал, что лопнет, если не скажет кому-то, как ему хорошо. Но Джон спал, положив голову ему на плечо. И во сне выглядел старым и усталым.

Блейз ненадолго задумался над этим (определенно не понимая, как на это реагировать), а потом повернулся к окну, которое притягивало его как магнит. Зрелище вновь захватило его, и он забыл про Джона, наблюдая, как мимо проплывает кричащий Сикоуст-Стрип, лежащий между Портлендом и Киттери. В Нью-Хэмпшире они выехали на платную автостраду и попали в Массачусетс. Вскоре после этого миновали большой мост, и Блейз догадался, что они уже в Бостоне.

Он видел перед собой мили неона, тысячи автомобилей и автобусов, дома, высиящиеся со всех сторон. И тем не менее автобус продолжал путь. Они проехали мимо оранжевого динозавра, охраняющего автостоянку. Они проехали мимо гигантского парусника. Они проехали стадо пластмассовых коров перед каким-то рестораном. И везде он видел людей. Они пугали Блейза. Он их боялся, но одновременно и любил, потому что никого не знал. Джон спал, чуть похрапывая.

Они поднялись на холм, и Блейз увидел мост, побольше первого, а за ним — дома, побольше тех, мимо которых уже проехали, настоящие небоскребы, выстреливающие в синеву серебряные и золотые стрелы. Блейз отвел от них взгляд, как от атомного взрыва.

— Джонни. — Он не говорил — стонал. — Джонни, проснись. Ты должен это увидеть.

— А? Что? — Джон просыпался медленно, протирая глаза. Наконец увидел то, что видел Блейз через большое окно, и глаза его широко распахнулись. — Матерь Божья.

— Ты знал, куда мы едем? — прошептал Блейз.

— Да, думаю, да. Господи, мы переедем через этот мост? Должны переехать, правда?

Они приблизились к реке Мистик и переехали через нее. Поначалу поднялись к самому небу, а потом опустились под землю, будто на гигантской копии аттракциона «Дикая мышь» на ярмарке Топшэма. А когда вновь увидели солнце, оно сверкало меж зданий, таких высоких, что вершины невозможно было разглядеть через окна «Большой собаки»*.

Выйдя из автобуса на автовокзале на Тремонт-стрит, Блейз и Джонни первым делом искали глазами копов. Не хотели с ними встречаться. Автовокзал поражал размерами. Объявления гремели над головой, как глас Божий. Люди сновали взад-вперед, словно рыбы. Блейз и Джонни жались друг к другу, держались плечом к плечу — боясь, что людской поток разнесет их в разные стороны и они уже никогда не встретятся.

— Нам туда, — указал Джонни. — Пошли.

Они добрались до ряда телефонов-автоматов. Все заняты. Мальчишки встали с краю, наконец темнокожий мужчина закончил разговор и отошел.

— Что это у него на голове? — спросил Блейз, зачарованно глядя вслед мужчине.

— А, это. Чтобы удерживать волосы и не давать им падать на лицо. Как тюрбан. Кажется, эта штука называется дю-раг**. Не надо таращиться, тебя при-

* «Большая собака» — одно из названий автобусов компании «Грейхаунд».

** Дю-раг — шапочка из материи или сетки с тесемками, которые завязываются сзади. Пользовалась большой популярностью у афроамериканцев.

мут за деревенщину. Втиснись в будку вместе со мной.

Блейз втиснулся.

— А теперь дай мне десяти... срань господня, в нее нужно бросать четвертак. — Джон покачал головой. — Не знаю, как здесь живут люди. Давай четвертак, Блейз.

Блейз дал.

В будке на полке лежал телефонный справочник в жестком пластиковом переплете. Джон нашел нужный номер, бросил в щель четвертак, набрал. Заговорил хриплым голосом. Повесил трубку, широко улыбаясь.

— У нас две ночи в А-эм-ха* на Ханнингтон-авеню. Двадцать баксов за две ночи! Зови меня христианином! — Он поднял руку.

Блейз ударил ладонью по ладони.

— Но мы не сможем потратить почти двести долларов за два дня, не правда ли?

— В городе, где телефонный звонок стоит четвертак? Не смеши меня. — Джон огляделся. Его глаза сверкали. Казалось, здание автовокзала и все, что находилось внутри, принадлежало ему. Потом Блейз долго не видел такого взгляда... пока не встретил Джорджа. — Послушай, Блейз, давай пойдем на игру сегодня. Что скажешь?

Блейз почесал затылок. Все происходило слишком уж для него быстро.

— Как? Мы даже не знаем, как туда добраться.

* АМХ — Ассоциация молодых христиан, международная организация, во многих странах располагающая сетью дешевых общежитий.

— Любой таксист в Бостоне знает, как доехать до «Фенуэя».

— Такси стоит денег. Мы не...

Он увидел, что Джонни улыбается, и его губы тоже начали растягиваться в улыбке. Он вдруг разом все понял. У них было главное. У них были деньги. А когда есть деньги, о многом можно не тревожиться.

— Но... а если сегодня игры нет?

— Блейз, а почему, по-твоему, я выбрал именно этот день?

Блейз засмеялся. А потом они снова обнялись, совсем как в Портленде. Хлопали друг друга по спине и радостно смеялись. Потом Блейз часто об этом вспоминал. Он прижал Джона к груди и начал кружить в воздухе. Люди оборачивались, многие улыбались, глядя на здоровяка и его приятеля-худышку.

Они вышли из здания автовокзала, сели в такси, а когда водитель высадил их на Ленсдаун-стрит, Джон дал ему на чай бакс. Часы показывали без четверти час, и редкие зрители только начали собираться. Игра получилась захватывающей. Бостон победил «Птиц»* в десяти иннингах, 3:2**. В тот год у Бостона была плохая команда, но в этот августовский день они играли, как чемпионы.

После игры мальчишки бродили по центру города, глазели по сторонам и старались избегать

* «Птицы» — «Балтиморские иволги», профессиональная бейсбольная команда, играющая, как и «Ред сокс», в Восточном дивизионе Американской бейсбольной лиги.

** Бейсбольная игра состоит из девяти иннингов. Последующие проводятся, если основное время заканчивается вничью.

встречи с копами. Тени к тому времени заметно удлинились, и желудок Блейза уже недовольно урчал. Джон по ходу игры заглотил пару хот-догов, но Блейз слишком увлекся происходящим на поле (настоящие люди с капельками пота на шеях), чтобы есть. И вид толпы вызывал у него благоговейный трепет. Тысячи людей, собравшихся в одном месте. Но теперь он проголодался.

Они вошли в темный зал ресторана, который назывался «Стейк-хауз Линди», где пахло пивом и жареным мясом. Несколько пар сидели в кабинках, отделанных красной кожей. По левую руку тянулась длинная стойка бара, поцарапанная и в пятнах, которая тем не менее словно светилась изнутри. На стойке через каждые три фута стояли вазочки с солеными орешками и претцелями*. Стену за стойкой украшали фотографии игроков, некоторые с автографами, и картина с обнаженной женщиной. За стойкой стоял мужчина огромных размеров. Наклонился к ним.

— Что будем заказывать, ребята?

— Э... — Впервые за день Джон не нашелся с ответом.

— Стейки! — воскликнул Блейз. — Два больших стейка и молоко.

Гигант улыбнулся, продемонстрировав здоровенные зубы. Такими он мог без труда отгрызть кусок телефонного справочника.

— Бабки есть?

Блейз положил на стойку двадцатку.

* Претцели — сухие соленые крендельки, популярная закуска к пиву.

Гигант поднял ее, изучил лицо Энди Джексона на просвет. Потер купюру между пальцами, и она тут же исчезла.

— Хорошо!

— Сдачи не будет? — спросил Джон.

— Нет, — ответил гигант, — но вы не пожалеете.

Он повернулся, открыл морозильную камеру, достал два таких больших, таких красных стейка, каких Блейз в своей жизни еще не видел. Дальний конец стойки занимал гриль, и когда гигант плюхнул на него стейки, вверх взвились языки пламени.

— Специальный заказ, готовится на глазах, — сказал он.

Налил несколько бокалов пива, поставил на стойку новые вазочки с орешками, приготовил салаты, поставил на лед. После этого прошел к грилю, перевернул стейки и вернулся к мальчишкам. Положил покрасневшие от горячей воды кулаки на стойку.

— Парни, видите вон того господина у дальнего конца стойки, который сидит в гордом одиночестве?

Блейз и Джон посмотрели в указанном направлении. Одинокый господин в синем костюме потягивал пиво.

— Это Дэниэль Дж. Монагэн. Детектив Дэниэль Дж. Монагэн из полицейского управления Бостона. Не думаю, что вы хотите поговорить с ним о том, каким образом у таких пацанов, как вы, оказалось двадцать долларов на покупку лучших бифштексов.

У Джона Челцмана перекосило лицо, словно ему стало дурно. Его повело в сторону, и он чуть не сва-

лился с высокого стула. Блейз протянул руку, чтобы удержать его. Мысленно он принял боевую стойку.

— Мы получили деньги честным путем.

— Неужели? — Бармен изогнул бровь. — И что это за честный путь? Может, честный грабёж?

— Мы получили деньги честным путем. Мы их нашли. И если вы испортите праздник Джонни и мне, я вам врежу.

Во взгляде гиганта, брошенном на Блейза, читались удивление, восхищение и презрение.

— Ты, конечно, большой парень, но ты, мальчик, дурак. Сожми хоть один кулак, и я отправлю тебя на луну.

— Если вы испортите нам праздник, я вам врежу, мистер.

— Откуда вы? Исправительная колония Нью-Хэмпшира? Воспитательный центр Норт-Уиндэма? Не из Бостона, это точно. У вас сено в волосах.

— Мы из Хеттон-Хауза, — ответил Блейз. — Мы — не преступники.

Бостонский детектив, который сидел у края стойки, допил пиво. Дал знак заменить пустой стакан на полный. Гигант это заметил и улыбнулся.

— Сидите тихо, вы оба. Нет нужды делать ноги.

Он отнес детективу стакан пива и что-то сказал. Монагэн рассмеялся. Правда, веселья в этом смехе не слышалось.

Бармен-повар вернулся.

— И где он находится, этот Хеттон-Хауз? — теперь он обращался к Джону.

— В Камберленде, штат Мэн, — ответил Джон. — По пятницам нам разрешают ездить во Фрипорт, в кино. Я нашел бумажник в мужском туалете.

С деньгами. Вот мы и сбежали. Чтобы устроить себе праздник, как только что сказал Блейз.

— То есть ты случайно нашел бумажник?

— Да, сэр.

— И сколько денег было в этом чудесном бумажнике?

— Почти двести пятьдесят долларов.

— Срань господня, и я готов спорить, все они сейчас в ваших карманах.

— А где же еще? — в недоумении спросил Джон.

— Срань господня, — повторил гигант. Посмотрел на жестяной потолок. Закатил глаза. — И вы рассказываете об этом незнакомцу. Легко и непринужденно.

Гигант наклонился к ним, упираясь растопыренными пальцами в стойку. Годы жестоко обошлись с его лицом, но жестокости в нем не было.

— Я вам верю. У вас в волосах слишком много сена, чтобы вы так искусно ввали. Но этот коп за стойкой... парни, я могу шепнуть ему словечко, и он набросится на вас, как собака на крысу. Вас бросят за решетку, а мы с ним поделим ваши деньги.

— Я вам врежу, — ответил Блейз. — Это наши деньги. Мы с Джонни нашли их. Послушайте, мы действительно жили в том месте, и место это плохое. Такой человек, как вы... может, вы думаете, что многое знаете, но... не важно. Мы это *заслужили!*

— Ты станешь громадиной, когда окончательно вырастешь. — Гигант, похоже, говорил сам с собой. Посмотрел на Джона. — Твой друг, ему не хватает нескольких инструментов для полного комплекта. И ты это знаешь, так?

Джон уже полностью пришел в себя. Он не ответил, молча смотрел гиганту в глаза.

— Позаботься о нем. — Гигант неожиданно широко улыбнулся. — И приведи его сюда, когда он полностью вырастет. Я хочу увидеть, каким он станет.

Джон не улыбнулся, более того, лицо его стало еще серьезнее, а вот Блейз расплылся в улыбке. Он все правильно понял.

В руке гиганта появилась двадцатка (из ниоткуда, будто материализовалась из воздуха), которую он и положил перед Джоном.

— Стейки за счет заведения, парни. Деньги возьмите и сходите завтра на бейсбол, если к тому времени вам не обчистят карманы.

— Мы ходили сегодня, — ответил Джон.

— Хорошая была игра? — спросил бармен.

И вот тут Джон улыбнулся:

— Лучшая из всех, что я видел.

— Да, — кивнул гигант. — Это точно. Присматривай за своим другом.

— Присмотрю.

— Потому что друзья всегда держатся вместе.

— Я это знаю.

Гигант принес им стейки, и салат «Цезарь», и зеленый горошек, и целые горы картофеля фри, и громадные стаканы молока. На десерт они получили по куску вишневого пирога, увенчанного шариками ванильного мороженого. Сначала они ели медленно. Потом детектив Монагэн из управления полиции Бостона ушел (и Блейз не заметил, чтобы он расплачивался), и они навалились на еду. Блейз съел

два куска пирога и выпил три стакана молока. Третий раз наполняя стакан Блейза, гигант громко рассмеялся.

Когда они уходили, на улице зажигались неоновые вывески.

— Идите в А-эм-ха, — сказал им гигант, когда они, отяжелевшие от сытной еды, сползли со стульев. — И отправляйтесь туда прямо сейчас. Большой город ночью — не лучшее место для детских прогулок.

— Да, сэр, — кивнул Джон. — Я уже позвонил и обо всем договорился.

Гигант улыбнулся.

— Ты молодец, дружок. Хороший парень. Держись ближе к медведю, иди за ним, если кто-то подойдет и попытается пристать к тебе. Особенно парни в цветных куртках. Ты понимаешь, из молодежных банд.

— Да, сэр.

— Берегите друг друга.

На том они и расстались.

На следующий день они катались на метро, пока новизна не приелась, потом пошли в кино и снова на бейсбол. Игра закончилась поздно, почти в одиннадцать, и кто-то залез Блейзу в карман, но Блейз положил свою часть денег в трусы, как и велел ему Джонни, поэтому воришка ухватил только пустоту. Блейз так и не увидел, как тот выглядел, заметил лишь узкую спину, исчезающую в толпе, которая выходила через ворота «А».

Они оставались в Бостоне еще два дня, посмотрели несколько фильмов и одну пьесу, в которой

Блейз ничего не понял, а вот Джонни она понравилась. Сидели они на галерке, в пять раз выше, чем на балконе «Нордики». Они зашли в фотокабинку в универмаге, где сделали несколько фотографий, отдельно Блейза, отдельно Джонни, затем снялись вдвоем. Смеялись на тех фотографиях, где были вдвоем. Покатались еще в подземке, пока Джонни не затошнило и он не проблевался на свои кроссовки. Потом к ним подошел негр и что-то долго кричал о конце света. Вроде бы говорил, что это их вина, но Блейз, возможно, не так его понял. Джонни сказал, что негр — чокнутый. Джонни сказал, что в большом городе полно чокнутых. «Они размножаются здесь, как мухи», — заявил Джонни.

У них еще оставались какие-то деньги, и Джонни предложил эффектную финальную точку. В Портленд они вернулись на автобусе, а на последние деньги взяли такси. Джон выложил все, что у них осталось, перед остолбеневшим таксистом: почти пятьдесят баксов смятыми купюрами по пять и одному доллару — некоторые благоухали ароматом трусов Клайтона Блейсделла-младшего. Сказал, что они хотят, чтобы он отвез их в Хеттон-Хауз, в Камберленд.

Таксист тут же включил счетчик. И в пять минут третьего, солнечным летним днем, они подъехали к воротам. Джон Челцман сделал дюжину шагов по подъездной дорожке, ведущей к мрачному кирпичному зданию, и упал, лишившись чувств. Причиной был ревмокардит. Через два года он умер.

Глава 13

К тому времени, когда Блейз принес младенца в лачугу, Джо вопил как резаный. Блейз в изумлении смотрел на него. Да ведь он в ярости! Лицо пылало, и лоб, и щеки, и даже крошечная переносица. Веки оставались плотно сжатыми. Кулачки описывали в воздухе злые круги.

Внезапно Блейза охватила паника. А если ребенок заболел? Если подхватил грипп или что-то еще? Дети постоянно болели гриппом. Некоторые даже умирали. И он не мог отвезти младенца к доктору. Да и что он вообще знал о детях? Он же тупица, ничего больше. С трудом может позаботиться о себе.

Возникло неудержимое желание отнести младенца в машину. Отвезти в Портленд и оставить у кого-нибудь на пороге.

— Джордж! — крикнул он. — Джордж, что мне делать?

Он боялся, что Джордж снова ушел, но тот ответил из ванной:

— Накорми его. Дай ему что-нибудь из этих баночек.

Блейз бросился в спальню. Вытащил из-под кровати одну из картонных коробок, вскрыл, взял первую попавшуюся баночку. Отнес на кухню и нашел ложку. Поставил на стол рядом с плетеной корзиной и отвернул крышку. Содержимое баночки выглядело ужасно, чисто блевотина. Может, оно испортилось. Блейз озабоченно принялся. Запах нормальный. Горох. Похоже, есть можно.

Тем не менее он колебался. Сама мысль о том, чтобы что-то положить в этот широко раскрытый

вопящий рот, казалась... невероятной. А если этот маленький сукин сын задохнется? Если не захочет есть? Если эта еда для него совершенно не подходит и... и...

Память изо всех сил старалась подставить под его мысленный взор плакат со словом «ЯД», но Блейз отказывался на него смотреть. Сунул полложечки холодного горохового пюре в рот младенца.

Крики как отрезало. Глаза младенца раскрылись, и Блейз увидел, что они голубые. Джо выплюнул часть, Блейз кончиком ложки вернул пюре в рот, даже не подумав об этом, автоматически. Младенец с удовольствием съел и выплюнутое.

Блейз скормил ему вторую ложку. Обошлось без отплеывания. Потом третью. За семь минут баночка с гороховым пюре компании «Гербер» опустела. У Блейза заныла спина: эти минуты он провел, согнувшись над корзиной. Джо рыгнул. Зеленую пену, которая поползла по щечке, Блейз стер подолом собственной рубашки.

— Еще раз блеванешь, и мы прокатим тебя на выборах, — озвучил Блейз один из афоризмов Джорджа.

При звуке его голоса Джо моргнул. Кожа у младенца была чистенькая, без единого прыщика. На голове уже отросли длинные светлые волосы. Но больше всего поразили Блейза глаза. Он подумал, что глаза эти странные, мудрые. А цветом они напоминали выцветшую синеву неба над пустыней в фильмах-вестернах. Уголки чуть поднимались вверх, как у китайцев. Отчего глаза становились свирепыми, глазами воина.

— Ты — боец? — спросил Блейз. — Ты — боец, маленький человечек?

Большой палец одной крошечной ручки пробрался в рот, и младенец начал его сосать. Поначалу Блейз подумал, что он хочет бутылочку (а Блейз еще не научился ими пользоваться), но вроде бы палец на какое-то время младенца вполне устроил. Его щечки все еще пылали — уже не от крика, а от ночного путешествия.

Веки отяжелели, уголки глаз опустились, так что свирепость ушла. Но он все еще смотрел на этого мужчину, этого заросшего щетиной гиганта ростом в шесть футов и семь дюймов с торчащими во все стороны каштановыми волосами, который стоял над ним. Потом веки сомкнулись. Палец вывалился из рта. Малыш заснул.

Блейз выпрямился, его позвоночник хрустнул. Он отвернулся от корзины и направился в спальню.

— Эй, медный лоб! — позвал Джордж из ванной. — И куда это ты направился?

— В кровать.

— Черта с два. Тебе придется разобраться с бутылочками и приготовить ребенку четыре или пять к тому времени, когда он проснется.

— Молоко может скиснуть.

— Не скиснет, если поставить его в холодильник. Ты согреешь бутылочку, когда она понадобится.

— Ох.

Блейз принес из спальни купленный набор бутылочек и прочитал инструкцию. Дважды. На это ушло полчаса. В первый раз он практически ничего не понял, во второй — и того меньше.

— Я не смогу, Джордж, — наконец сдался он.

— Конечно, сможешь. Выброси эти инструкции и просто берись за дело.

Блейз выбросил инструкцию в печь и принялся собирать составные части в единое целое, как и с кроваткой. В конце концов сообразил, как установить на горлышко пластиковую соску, а потом на вернуть поверх нее прижимное кольцо. Когда все сложилось, он приготовил четыре бутылочки, заполнил их консервированным молоком и поставил в холодильник.

— Могу я теперь лечь в постель, Джордж? — спросил он.

Нет ответа.

Блейз пошел спать.

Джо разбудил его, как только занялся рассвет. Блейз вылез из кровати и пошел на кухню. Он оставил младенца в корзине, и теперь она раскачивалась на столе из стороны в сторону, приводимая в движение яростью Джо.

Блейз поднял его, прижал к себе и сразу уяснил часть проблемы. Ребенок насквозь промок.

Блейз унес его в спальню, положил на свою кровать. Младенец казался удивительно маленьким в сравнении с «ямой», оставленной на кровати самим Блейзом. На нем была синяя пижама, и он негодующе пинал воздух ножками.

Блейз снял пижаму и резиновые штанишки, надетые под нее. Положил руку на живот Джо, чтобы тот не вертелся. Нагнулся ниже, чтобы посмотреть, как закрепляется подгузник. Снял его, бросил в угол.

Глянул на пенис Джо и почувствовал, как губы расходятся в улыбке. Крошечный, не больше ногтя, но уже стоит торчком. Круто.

— Хозяйство у тебя что надо, малыш.

Джо перестал плакать, уставившись на Блейза широко раскрытыми, удивленными глазами.

— Я говорю, что хозяйство у тебя о-го-го.

Джо загукал.

— Гу-гу-беби, — отозвался Блейз и почувствовал, как против воли идиотская улыбка растягивает уголки его рта.

Джо громко рассмеялся.

— Гу-гу-бей-би, — радостно повторил Блейз.

Джо пустил струю ему в лицо.

С памперсами тоже пришлось повозиться. Слава Богу, никаких застежек, только липучки, и в каждом, похоже, были резиновые штаны, точнее, плаستيновые, но Блейз загубил два памперса, прежде чем надел третий точно, как на картинке. Когда он завершил этот нелегкий труд, Джо уже полностью проснулся и жевал кончики пальцев. Блейз предположил, что младенец хочет есть, и подумал, что самое время дать ему бутылочку.

Согревал ее под струей горячей воды на кухне, когда Джордж спросил:

— Ты разбавил молоко, как говорила та деваха в магазине?

Блейз посмотрел на бутылку.

— Что?

— Это же консервированное молоко, так?

— Конечно, прямо из банки. Оно испортилось, Джордж?

— Нет, оно не испортилось. Но если ты не снимешь кольцо и не добавишь воды, ребенка вырвет.

Блейз открутил кольцо, снял соску, отлил четверть содержимого бутылочки в раковину, добавил воды, размешал ложкой, поставил соску на место, завернул прижимное кольцо.

— Блейз. — В голосе Джорджа не было злости, только безмерная усталость.

— Что?

— Тебе нужно купить детскую книжку. В которой написано, как нужно о нем заботиться. Вроде руководства по обслуживанию автомобиля. Потому что ты постоянно все забываешь.

— Хорошо, Джордж.

— Купи еще и газету. Только покупай их подальше от дома. Лучше бы в каком-нибудь городе.

— Джордж?

— Что?

— А кто позаботится о малыше, пока меня не будет?

Долгая пауза, очень долгая, Блейз уж подумал, что Джордж вновь ушел. Потом услышал:

— Я позабочусь.

Блейз нахмурился.

— Но ты не сможешь, Джордж. Ты же...

— Я сказал, что позабочусь. А теперь шевели жопой и накорми его!

— Но... если с ним что-то случится... он задохнется или... а меня не будет...

— *Накорми его, черт побери!*

— Да-да, Джордж, конечно.

Он прошел в спальню. Джо метался и сучил ножками на кровати, продолжая жевать пальцы. Джордж

перевернул бутылочку, как показывала ему женщина в магазине, нажал на пластиковую соску, чтобы из дырочки показалась капелька молока. Сел рядом с младенцем, осторожно убрал его пальчики изо рта. Джо начал плакать, но Блейз сунул на место пальчиков соску. Губы Джо сомкнулись на ней, и он начал сосать. Маленькие щечки сдувались и раздувались.

— Это правильно, — кивнул Блейз. — Это правильно, малыш.

Джо выпил все. Когда Блейз поднял его, малыш срыгнул немного на теплую нижнюю рубашку Блейза. Тот не возражал. Он решил одеть младенца в одну из обновок. Сказал себе, что хочет посмотреть, подойдет ли она по размеру.

Подошла. Покончив с этим, Блейз снял нижнюю рубашку, понюхал блевотину младенца. Она пахла сыром. Может, подумал Блейз, он добавил в молоко слишком мало воды. А может, ему следовало отобрать у Джо бутылочку, когда тот высосал половину. Да, Джордж, безусловно, прав. Ему требовалась та книга.

Он посмотрел на Джо. Малыш держал в ручках край одеяла и изучал его. Такой милый засранец. Им придется поволноваться о нем, Джо Джерарду-третьему и его жене. Они, должно быть, думают, что младенца засунули в ящик комода, где он и кричит от голода, в обосранном подгузнике. Или, того хуже, лежит в неглубокой яме, вырытой в промерзлой земле, и из ротика вырываются последние клубки пара. А потом мешок из зеленого пластика...

Откуда он это взял?

Джордж. Джордж рассказывал. О похищении сына Линдберга*. Похитителя звали Хоупман, Хоппман, как-то так.

— Джордж? Ты не причинишь ему вреда, пока меня не будет?

Нет ответа.

О том, что похищение стало достоянием общественности, он узнал из выпуска новостей, когда завтракал. Джо лежал на полу, на одеяле, которое расстелил ему Блейз. Играл с одной из газет Джорджа. Устраивал из нее палатку над головой и весело пиная ножками.

Диктор только что сообщил о сенаторе-республиканце, который попался на взятке. Блейз надеялся, что Джордж это услышал. Такое Джорджу определенно бы понравилось.

— Самая горячая новость — очевидное похищение ребенка из Окома-Хайтс, — продолжил диктор. Блейз перестал переворачивать картошку на сковороде, прислушался. — Джозеф Джерард-четвертый, недавно родившийся наследник империи морских грузоперевозок, исчез из поместья Джерардов в Окома-Хайтс то ли глубокой ночью, то ли ранним утром. Сестру Джозефа Джерарда (когда-то его называли вундеркиндом американского торгового флота), прадедушки мальчика, ранним утром обнаружил семейный повар. Женщина лежала на кух-

* Чарльз Огастес Линдберг (1902—1974) — летчик, общественный деятель. В 1927 году впервые в мире совершил беспосадочный перелет через Атлантический океан. В 1932 году национальной сенсацией стало похищение, а потом и убийство его полугодовалого сына.

не без сознания. Норму Джерард, которой около восьмидесяти лет, отвезли в медицинский центр Мэна, где ее состояние оценили как критическое. Вопрос, обратился ли он за помощью в ФБР, Джон Д. Келлахар, шериф округа Касл, пока оставил без комментариев. Ничего он не сообщил и о записке с требованием выкупа...

«Действительно, — подумал Блейз. — Я должен послать такую записку».

— ...но он сказал, что у полиции уже есть несколько версий, которые усиленно прорабатываются.

«Какие же это версии?» — задался вопросом Блейз и улыбнулся. Они всегда так говорят. Какие у них могут быть версии, если старуха в отключке? Лестницу он забрал с собой. Они всегда так говорят, и за словами ничего нет.

Он позавтракал, сидя на полу, и поиграл с младенцем.

Когда во второй половине дня он приготовился к отъезду, малыш, вновь переодетый и накормленный, спал в колыбельке. Блейз немного подкорректировал процедуру и на этот раз поднял малыша, дав ему срыгнуть, когда тот выпил только полбутылки. И все получилось хорошо. Все получилось просто отлично. Он также сменил малышу памперс. Поначалу зеленое говно испугало его, но потом он вспомнил про горох.

— Джордж? Я ухожу.

— Хорошо, — ответил Джордж из спальни.

— Тебе лучше прийти сюда и приглядывать за ним. На случай, если он проснется.

— Я приду, не волнуйся.

— Ладно. — Уверенности в голосе Блейза не слышалось. Джордж умер. Он говорил с мертвецом. Он просил мертвеца присмотреть за ребенком. — Эй, Джордж. Может, мне стоит...

— Стоит — не стоит, будет — не будет. Давай вали отсюда.

— Джордж...

— Вали, я сказал! Быстро!

И Блейз ушел.

День выдался ясным и солнечным. Заметно потеплело. После недели крепких морозов дело, похоже, шло к оттепели. Но по пути в Портленд солнышко Блейза не радовало, не радовала и возможность вновь проехаться на автомобиле. Не следовало все-таки оставлять на Джорджа ребенка. Он не знал, почему не доверял Джорджу, но не доверял. Дело в том, что Джордж теперь был его частью, а он, если куда-то уезжал, скорее всего брал с собой все свои части, даже ту, что теперь была Джорджем. Какая-то бессмыслица?

Блейз полагал, что нет.

И еще он начал тревожиться из-за дровяной печи. А вдруг дом загорится?

Жуткая картина возникла перед его мысленным взором и не желала уходить. Печь он растопил перед отъездом, чтобы Джо не замерз, если откинет одеяльце. Огонь вырвался из трубы, рассыпался фонтаном искр. Большинство погасли, но одна попала на сухую дранку, которая занялась. А уж от дранки загорелись соседние, огонь перекинулся на стропила, пламя охватило весь дом. Малыш начал кричать,

когда первые щупальца дыма проникли на кухню. Дым становился все гуще и гуще...

Он внезапно понял, что разогнал украденный «форд» до семидесяти миль в час. Ослабил нажим на педаль газа. Не хватало еще общения с дорожной полицией.

Он заехал на автостоянку на Каско-стрит, дал дежурному пару баксов, пошел в «Уолгринс»*. Взял «Ивнинг экспресс», потом подошел к стойке с книгами в мягкой обложке у киоска с газировкой. Много вестернов. Готические романы. Детективы. Фантастика. И вот она, на нижней полке — толстая книжка с улыбающимся, безволосым малышом на обложке. Название он прочитал быстро. Сложных слов в нем не было. «Ребенок и уход за ним». На задней стороне обложки увидел фотографию какого-то старика в окружении детей. Может, этот старик и написал книгу.

Он заплатил за покупки, вышел за дверь и раскрыл газету. Остановился на тротуаре, раскрыв рот.

С первой страницы на Блейза смотрела его фотография.

Нет, не фотография, с облегчением понял он, а полицейский рисунок, один из тех, что они делают с помощью «Айденти-Кит»**. Рисунок получился не очень. Не было вмятины на лбу. Глазам придали другую форму. И губы у него не такие толстые. Но каким-то образом с газетной полосы на Блейза смотрел именно Блейз.

* «Уолгринс» — сеть аптечных магазинов.

** «Айденти-Кит» — устройство для создания фотороботов.

Должно быть, старушка таки оклемалась. Однако подзаголовок опроверг это предположение, и быстро.

ФБР ВКЛЮЧАЕТСЯ В ПОИСКИ
ПОХИТИТЕЛЕЙ РЕБЕНКА

Норма Джерард скончалась
от черепно-мозговой травмы

Специально для «Ивнинг экспресс»

Джеймс Т. Мирс

МУЖЧИНА, СИДЕВШИЙ ЗА РУЛЕМ автомобиля, на котором увезли маленького Джерарда (возможно, единственный похититель), изображен на этой странице, в эксклюзивном материале «Ивнинг экспресс». Рисунок выполнен художником управления полиции Портленда со слов Мортона Уолша, ночного охранника «Дубового леса», многоэтажного кондоминиума, расположенного в четверти мили от семейного поместья Джерардов.

Уолш этим утром сообщил портлендской полиции и помощникам шерифа округа Касл, что подозреваемый сказал ему, будто приехал к Джозефу Карлтону. Человек с таким именем скорее всего в «Дубовом лесу» не проживает. Подозреваемый в похищении ребенка приехал на голубом седане «форд», и Уолш заметил, что в салоне лежит складная лестница. Уолш пока задержан как свидетель, но возникает вопрос, почему он более обстоятельно не выяснил цель прибытия подозреваемого на гостевую стоянку, учитывая столь поздний час (около двух часов ночи).

Источник, близко связанный с расследованием, предположил, что «загадочная квартира» Джозефа Карлтона как-то связана с организованной преступностью, и похищение младенца — тщательно продуманная операция одной из преступных групп. Ни агенты ФБР (теперь включившиеся в поиски), ни местная полиция ничего не говорят о такой возможности.

В настоящее время разрабатываются и другие версии, хотя похитители не позвонили и не прислали письма с требованием выкупа. Один из похитителей, возможно, оставил свою кровь на месте преступления, порезавшись, когда перелезал через проволочный забор гостевой стоянки «Дубового леса». Шериф Джон Д. Келлахар назвал найденную кровь «еще одной нитью веревки, на которой будет повешен этот похититель или вся банда похитителей».

Что же касается других последствий похищения, то Норма Джерард, родная сестра прадедушки похищенного мальчика, умерла во время операции в медицинском центре Мэна, которая проводилась с целью (продолжение на с. 2 кол. 5)

Блейз перешел на страницу 2, но не нашел там ничего интересного. Если копы что-то и знали, то держали эту информацию при себе. Приводились фотографии «дома, из которого совершено похищение», и «участка изгороди, через который похитители проникли на территорию поместья». Внимание Блейза привлекла строка, взятая в рамку: «“Обращение отца к похитителям”, с. 6». Страницу 6 Блейз открывать не стал. Читая, он не замечал времени, а вот сейчас позволить себе такого не мог. Он и так отсутствовал слишком долго, на обратную

дорогу могло уйти не меньше сорока пяти минут, и к тому же...

К тому же его автомобиль был в розыске.

Уолш, паршивый мерзавец. Блейз очень надеялся, что Ирландские Умники свернут шею этому паршивому мерзавцу, который сдал их конспиративную квартиру. А пока...

Пока ему оставалось только рисковать. Может, он сумеет вернуться домой без происшествий. Оставив автомобиль, он бы только ухудшил ситуацию. Ведь тут полным-полно его отпечатков, которые Джордж называл «пальчиками». Может, у полиции есть номерные знаки его автомобиля. Уолш мог их записать. Блейз напрягся, вспоминая, как все было на гостевой автостоянке, и решил, что Уолш ничего не записывал. Скорее всего не записывал. Однако копы знали, что у него «форд», голубой... но, разумеется, сначала он был зеленым. Может, это существенная разница. Может, все обойдется. Может, и нет. Заранее не узнаешь.

Он осторожно приблизился к автостоянке, бочком, бочком прошел на нее. Копов не увидел, дежурный читал какой-то журнал. Добрый знак. Блейз сел за руль, завел двигатель, подождал, пока копы бросятся к нему из сотни потайных мест. Никто не бросился. Когда выезжал, дежурный вытащил желтую полоску квитанции из-под «дворника», даже не взглянув на автомобиль.

Прошла, должно быть, вечность, прежде чем он оставил позади сначала Портленд, а потом Уэстбрук. Он будто ехал с откупоренной бутылкой вина между ног, только ощущения были еще хуже. Если какая-то

машина пристраивалась к нему сзади, он всякий раз не сомневался, что это полицейский автомобиль без знаков отличия. По пути он даже увидел одну патрульную машину, на пересечении шоссе номер 1 и номер 25. Она обеспечивала беспрепятственный проезд «скорой помощи», ехала с включенными сиреной и мигалками. Увидев патрульную машину, Блейз даже успокоился: встретившись с такой, точно знаешь, что она — полицейская.

Миновав Уэстбрук, он свернул на местную дорогу, потом на двухполосную, покрытую замерзшей грязью бетонку, которая через лес выводила к Апенксу. Даже на ней не чувствовал себя в безопасности, и лишь когда оказался на длинной подъездной дорожке, ведущей к лачуге, у него с плеч будто свалилась огромная гора.

Блейз поставил «форд» в сарай и сказал себе, что автомобиль останется там, пока ад не превратится в каток. Он знал, что похищение — дело непростое, что может стать горячо, но теперь словно попал на раскаленную сковороду. Рисунок, оставленная кровь, конспиративная квартира, которую так быстро сдал охранник...

Но все эти мысли разом вылетели из головы, как только он вылез из автомобиля. Джо кричал. Крик этот Блейз услышал даже в сарае. Перебежал двор, ворвался в дом. Джордж что-то сделал. Джордж...

Но Джордж ничего не сделал. Джорджа здесь и не было. Джордж умер, а вот он, Блейз, оставил младенца одного.

Колыбель яростно раскачивалась из стороны в сторону, и Блейз, подходя к Джо, сразу понял,

в чем причина. Ребенок выблевал большую часть смеси, выпитой в десять утра, и вонючая жидкость, наполовину высохшая, белой корочкой покрывала его лицо и впиталась в пижаму. Само же лицо Джо цветом напоминало спелую сливу. Капельки пота дрожали на коже.

В этот момент перед мысленным взором Блейза внезапно возник его отец, гигант с налитыми кровью глазами и могучими, приносящими боль руками. Видение это наполнило его чувством вины и ужасом. Он уже многие годы не думал об отце.

Блейз с такой быстротой выхватил Джо из колыбели, что голова ребенка откинулась назад, едва не сломав шею. Он тут же перестал плакать, в том числе и от удивления.

— Тихо, тихо, — заворковал Блейз, шагая по кухне с ребенком у плеча. — Все хорошо. Я вернулся. Да, вернулся. Тихо, тихо. Не нужно больше плакать. Я уже здесь, здесь.

Малыш заснул до того, как Блейз сделал три полных круга. Блейз передел его, с подгузником справился куда быстрее, застегнул все пуговички, уложил в колыбель.

Потом сел, чтобы подумать. На этот раз действительно подумать. Что теперь? Письмо с требованием выкупа, так?

— Так, — ответил он себе.

Буквы нужно вырезать из журналов. Так всегда делается в кино. Блейз взял пачку старых газет, замусоленных журналов, комиксов. Начал вырезать буквы.

РЕБЕНОК У МЕНЯ.

Вот. Неплохое начало. Он подошел к окну, включил радио. Ферлин Хаски* пел «Крылья голубя». Хорошая песня. Старая, но хорошая. Блейз рылся в ящиках, пока не нашел пачку писчей бумаги, которую Джордж купил в «Реннис», потом приготовил пасту из муки и воды. Работая, напевал под музыку. Хриплым голосом, напоминающим скрип ржавых петель.

Вернулся к столу и приклеил на лист бумаги вырезанные буквы. Тут его пронзила мысль: «На бумаге остаются отпечатки пальцев?» Он не знал и полагал, что едва ли такое возможно. Но и рисковать не хотелось. Он смял в комок лист бумаги с наклеенными буквами, нашел кожаные перчатки Джорджа. Слишком маленькие для него, но он все-таки натянул их на руки. Потом вырезал те же буквы и наклеил на новый лист:

РЕБЕНОК У МЕНЯ.

Музыку сменил выпуск новостей. Он слушал внимательно и узнал, что кто-то позвонил Джерардам и потребовал выкуп в две тысячи долларов. Блейз нахмурился. Потом диктор добавил, что звонил подросток из телефона-автомата в Уиндэме. Полиция проследила звонок. Когда подростка поймали, он заявил, что хотел пошутить.

«Тверди о том, что хотел пошутить, хоть всю ночь, дружок, они все равно тебя посадят, — подумал Блейз. — Похищение ребенка — дело слишком серьезное».

* Ферлин Хаски (1925–2011) — американский певец стиля кантри. Наибольшую известность получил в конце 1950-х — начале 1960-х годов, когда несколько его песен поднялись в верхние строчки чартов.

Он хмурился, думая, вырезал все новые буквы. Передали прогноз погоды. Небо ясное, температура чуть снизится, и скоро вновь пойдет снег.

РЕБЕНОК У МЕНЯ. ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ВНОВЬ УВИДЕТЬ ЕГО ЖИВЫМ

Если вы хотите вновь увидеть его живым, то что? *Что?* В голове у Блейза все смешалось. Сидеть у телефона и ждать звонка? Встать на голову и высвистывать «Дикси»? Прислать два ящика монет? Как получить деньги и не попасться?

— Джордж? Эту часть я не помню.

Нет ответа.

Он оперся подбородком о руку и попытался на полную мощь задействовать свою думающую шапочку. Он должен быть предельно хладнокровным. Хладнокровным, как Джордж. Хладнокровным, как Джон Челцман в тот день на автостанции, когда они собирались сбежать в Бостон. Ты должен использовать свои мозги. Должен использовать свою голову.

Конечно, нужно обставить все так, будто он — член банды. Тогда они не смогут схватить его, когда он будет забирать выкуп. Если схватят, он скажет, что они должны его отпустить, а не то его поделники убьют ребенка. Ему придется блефовать. Черт, обвести их вокруг пальца.

— Вот такой у нас расклад, — прошептал он. — Правильно, Джордж?

Он смял второй листок и опять принялся вырезать буквы.

РЕБЕНОК У НАШЕЙ БАНДЫ. ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ВНОВЬ УВИДЕТЬ ЕГО ЖИВЫМ

Хорошо. То, что надо. Блейз какое-то время восхищался плодами своего труда, потом пошел

проверить младенца. Тот спал, повернув голову, подложив маленький кулачок под щеку. Ресницы у него были очень длинные, темнее волос. Блейзу он нравился. Он никогда бы не подумал, что такой вот обезьяныш может быть красивым, но этот — был.

— Ты — жеребец, Джо. — И он потрепал ребенка по волосам. Рука Блейза размером превосходила голову Джо.

Блейз вернулся к распотрошенным журналам, газетам, вырезкам, которые лежали на столе. Какое-то время думал, пробуя на вкус мучную пасту. Потом принялся за работу.

РЕБЕНОК У НАШЕЙ БАНДЫ. ЕСЛИ ВЫ ХОТИТЕ ВНОВЬ УВИДЕТЬ ЕГО ЖИВЫМ, СОБЕРИТЕ \$\$1 МИЛЛИОН \$\$ НЕМЕЧЕНЫМИ КУПЮРАМИ, ПОЛОЖИТЕ В ЧЕМОДАН И ДЕРЖИТЕ НАГОТОВЕ, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ В ЛЮБОЙ МАМЕНТ. ИСКРИНЕ ВАШИ,

ПОХИТИТЕЛИ ДЖО ДЖЕРАДА-4.

Вот. Что-то им это скажет, но не очень много. И даст ему время. Чтобы продумать план.

Он нашел грязный, мятый конверт, положил в него письмо, потом наклеил буквы на сам конверт:

ДЖЕРАДАМ
ОКОМА
ВАЖНО!

Он еще не знал, как отправит письмо. Ему не хотелось снова оставлять ребенка с Джорджем, и он боялся еще раз воспользоваться краденым «фордом», но при этом понимал, что нельзя отправлять письмо из Апекса. С Джорджем все было бы гораздо

проще. Он сидел бы дома и занимался ребенком, тогда как Джордж — всем остальным. Он бы с удовольствием кормил Джо, переодевал его и все такое. С большим удовольствием. Ему это нравилось.

Что ж, все это не имело ровно никакого значения. До завтрашнего утра почту забирать не будут, так что у него было время составить план. Или вспомнить план Джорджа.

Он поднялся, опять проверил малыша, сожалея о том, что телевизор сломался. Иногда из телевизора можно почерпнуть хорошие идеи. Джо все спал. Блейзу уже хотелось, чтобы ребенок проснулся и он мог с ним поиграть. Вызвать у него улыбку. Когда Джо улыбался, он выглядел настоящим мальчуганом. И теперь он был одет, так что Блейз мог не опасаться, что его окатят мочой.

Однако младенец спал, и с этим Блейз ничего не мог поделать. Он выключил радио, пошел в спальню, чтобы строить планы, и заснул сам.

Перед тем как заснул, у него мелькнула мысль, что ему хорошо. Впервые после смерти Джорджа он почувствовал, что ему хорошо.

Глава 14

Он находился в парке развлечений, возможно, на ярмарке в Топшэме (мальчишкам из Хеттон-Хауза разрешалось раз в год съездить туда на скрипучем, старом синем автобусе), с Джо на плече. Он испытывал туманящий разум ужас, шагая по центральной

аллее, потому что очень скоро его могли заметить, и тогда все бы и закончилось. Когда они проходили мимо кривого зеркала, которое вытягивало твое отражение, Блейз увидел, что малыш во все глаза смотрит на окружающий его незнакомый мир. Блейз продолжал идти, пересаживая Джо с одного плеча на другое, если тот становился слишком тяжелым, одновременно поглядывая по сторонам, чтобы не наткнуться на копов.

Вокруг него парк развлечений сиял и бурлил в завлекающем неоновом великолепии. Справа доносился усиленный динамиками голос зазывалы: «Идите к нам, все идите к нам! Шесть куколок, полдюжины ослепительных красавиц, все прямиком из клуба «Диабло» в Бостоне! Эти крошки так распалят вас, что вы решите, будто вы в веселом Париже!»

«Это не место для ребенка, — думал Блейз. — Такому малышу здесь делать совершенно нечего».

Слева находился «Дом ужасов», перед которым раскачивался взад-вперед механический клоун, то и дело раздражаясь взрывами демонического хохота. Уголки его рта подняли так высоко, что выражение веселья больше напоминало гримасу боли. Источником повторяющегося хохота служила магнитофонная лента, запятанная в его внутренностях. Громадный мужчина с синим якорем, вытатуированном на одном бицепсе, бросал тяжелые резиновые шары в деревянные молочные бутылки, выстроенные пирамидой. Его прилизанные, зачесанные назад волосы блестели под разноцветными огнями, как шкура выдры. «Дикая мышь» поднималась, а потом падала вниз под вопли деревенских

девушек в обтягивающих кофточках и коротких юбках. «Лунная ракета» мчалась вверх, вниз, по кругу; благодаря скорости лица пассажиров растягивались в гоблиньские маски. Воздух наполняло великое множество запахов: картофеля фри, уксуса, тако, попкорна, шоколада, жареных каштанов, пиццы, перца, пива. Центральная аллея напоминала длинный, ровный коричневый язык, заброшенный тысячами скомканных оберток, миллионом затоптанных окурков. Под яркими огнями все лица выглядели плоскими, гротескными. Мимо прошел старик с вытекшей из одной ноздри соплей. Он ел печеное, в сахарной пудре, яблоко. За ним — мальчишка с вишневым родимым пятном на щеке. Старая негритянка в парике из светлых, высоко зачесанных волос. Толстяк в бермудских шортах с варикозными венами на ногах. Его футболку украшала надпись: «СОБСТВЕННОСТЬ "БРАНСУИКСКИХ ДРАКОНОВ"».

— Джо, — позвал кто-то. — Джо... *Джо!*

Блейз повернулся, попытался понять, кто говорит. И увидел ту женщину, все в той же ночной рубашке, из кружевного выреза которой практически вываливались ее дойки. Красивую молодую мать Джо.

Его охватил ужас. Сейчас она его увидит. Не может не увидеть. А увидев, отнимет у него малыша. Он крепче прижал к себе Джо, словно тем самым мог гарантировать, что ребенок останется у него. Маленькое тельце было теплым и вселяющим уверенность. Прижимая мальчика к груди, Блейз чувствовал, как стучит его сердечко.

— Вон он! — закричала миссис Джерард. — Это он, мужчина, который украл моего младенца! Схватите его! Поймайте его! Верните мне мою крошку!

Люди начали оборачиваться. Блейз находился рядом с каруселью, и громкая, быстрая музыка рвала барабанные перепонки. Отражалась от стен павильонов и эхом возвращалась к карусели.

— Остановите его! Остановите этого мужчину! Остановите похитителя младенцев!

Мужчина с татуировкой и прилизанными, зачесанными назад волосами направился к нему, и вот теперь наконец-то Блейз смог перейти на бег. Но центральная аллея вдруг удлинилась. Уходила на мили и мили, эта бесконечная Магистраль развлечений. И они все бежали за ним: мальчик с родимым пятном на щеке, негритянка в блондинистом парике, толстяк в бермудских шортах. А механический клоун хохотал и хохотал.

Блейз пробежал мимо другого зазывалы, который стоял возле гиганта, одетого во что-то, напоминающее звериную шкуру. На щите над его головой указывалось, что он — человек-леопард. Зазывала поднес микрофон ко рту и заговорил. Голос его, усиленный динамиками, покатился по центральной аллее, как раскат грома:

— *Спешите, спешите, спешите! Вы еще можете увидеть Клайтона Блейсделла-младшего, известного похитителя младенцев! Положи ребенка на землю, парень! Он прямо перед вами, друзья, прибыл из «Алекса», рядом с которым живет на Палмер-роуд, а в сарае у его дома стоит краденый автомобиль! Спешите, спешите, спешите, посмотрите на живого похитителя младенцев, прямо здесь...*

Блейз прибавил скорости, воздух с всхлипами врывался и вырывался из груди, но преследователи приближались. Он оглянулся и увидел, что погоню возглавляет мать Джо. Ее лицо менялось. Лицо бледнело, за исключением губ. Они становились все краснее. Из-под верхней губы вылезали растущие зубы. Пальцы заканчивались ярко-алыми когтями. Она превращалась в невесту Йорги.

— Схватите его! Поймайте его! Убейте его! *Этого похитителя младенцев!*

А потом Джордж зашипел ему из теней:

— Сюда, Блейз! Быстро! Шевелись, черт побери!

Он свернул на голос и очутился в «Зеркальном лабиринте». Аллея разбилась на тысячи искривленных дорожек. Ударяясь о стены, он продвигался по узкому коридору, тяжело дыша, словно загнанный пес. А потом Джордж возник перед ним (и позади него, и по бокам), чтобы сказать:

— Скажи им, пусть они бросят их с самолета, Блейз. С самолета. Заставь бросить их с самолета.

— Я не могу выбраться отсюда, — простонал Блейз. — Джордж, помоги мне выбраться отсюда.

— Это я и пытаюсь сделать, ослиная жопа! *Заставь бросить их с самолета!*

Они находились у лабиринта, всматривались в него, но из-за зеркал создавалось полное ощущение, что они вокруг него.

— Схватите похитителя младенцев! — визжала жена Джерарда. Зубы ее стали огромными.

— Помоги мне, Джордж.

Вот тут Джордж улыбнулся. И Блейз увидел, что его зубы тоже стали длинными, слишком длинными.

— Я тебе помогу. Дай мне ребенка.

Но Блейз не отдал. Блейз попятился. Миллион Джорджей надвинулись, протягивая руки, чтобы отнять младенца. Блейз повернулся и бросился в другой сверкающий коридор. Его кидало от стены к стене, как шарик для пинбола, а он старался уберечь Джо от ударов. В таком месте малышу делать было нечего.

Глава 15

Проснувшись с первым светом зари, Блейз поначалу не понял, где находится. Потом сообразил что к чему и рухнул на бок, тяжело дыша. Вся постель промокла от пота. Господи, какой же жуткий сон.

Он поднялся, прошел на кухню, чтобы проверить младенца. Джо крепко спал, выпятив губки, словно обдумывал что-то очень серьезное. Блейз смотрел на него, на то, как медленно поднимается и опускается его грудь. Губки Джо шевельнулись, и у Блейза мелькнула мысль, что младенцу приснилась бутылочка или мамкина сися.

Он сварил кофе, сел за стол в теплом нижнем белье. Газета, купленная вчера, лежала среди обрезков, накопившихся от составления письма родителям младенца. Блейз вновь прочитал заметку о похищении и опять его взгляд упал на строку в рамочке: «“Обращение отца к похитителям”, с. 6». Блейз открыл шестую страницу, где и нашел «Обращение», набранное большими буквами и занимающее полстраницы. Он прочитал:

ТЕМ ЛЮДЯМ, У КОТОРЫХ НАХОДИТСЯ
НАШ РЕБЕНОК!

МЫ ВЫПОЛНИМ ЛЮБЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ПРИ ОДНОМ УСЛОВИИ: ВЫ ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАВИТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО ДЖО ЕЩЕ ЖИВ. У НАС ЕСТЬ ГАРАНТИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ (ФБР), ЧТО ОНО НЕ БУДЕТ ВМЕШИВАТЬСЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВАМИ ВЫКУПА. *НО МЫ ДОЛЖНЫ ПОЛУЧИТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ЧТО ДЖО ЖИВ!*

ОН ЕСТ ТРИ РАЗА В ДЕНЬ, КОНСЕРВИРОВАННЫЕ ОБЕДЫ ДЛЯ МЛАДЕНЦЕВ И ОВОЩИ, ПОСЛЕ ЧЕГО ВЫПИВАЕТ $\frac{1}{2}$ БУТЫЛОЧКИ. СМЕСЬ, КОТОРУЮ ОН ПЬЕТ, СОСТОИТ ИЗ КОНСЕРВИРОВАННОГО МОЛОКА И КИПЯЧЕНОЙ СТЕРИЛИЗОВАННОЙ ВОДЫ В ПРОПОРЦИИ 1:1.

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПРИЧИНЯЙТЕ ЕМУ ВРЕДА, ПОТОМУ ЧТО МЫ ВСЕ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ЕГО ЛЮБИМ.

ДЖОЗЕФ ДЖЕРАРД III

Блейз закрыл газету. От прочтения «Обращения» ему стало дурно, совсем как от песни Лоретты Линн о хорошей девушке, которая решила стать плохой.

— Эй, Джо, бу-бу, — раздался из спальни голос Джорджа, и Блейз аж подпрыгнул от неожиданности.

— Ш-ш-ш, ты его разбудишь.

— Хрен с два. Он не может меня слышать.

— Ох. — Блейз сообразил, что так оно и есть. — Что такое «в пропорции», Джордж? Тут сказано, что смесь нужно делать в пропорции один чего-то к одному.

— Не важно, — ответил Джордж. — Они действительно о нем тревожатся, верно? «Он ест три раза в день, после чего выпивает половину бутылочки... не причиняйте ему вреда, потому что мы его очень, очень любим». Да, розовые сопли на куче розового дерьма.

— Послушай... — начал Блейз.

— Нет, не буду *слушать*! Не говори мне «послушай»! Он — все, что у них есть, так? Он, и еще сорок миллионов гребаных гринов! Надо бы взять деньги, а потом отослать им ребенка, порубленного на куски. Сначала мизинец, потом большой палец ноги, потом...

— Джордж, *заткнись!*

Блейз рукой хлопнул себя по рту, в шоке. Он только что велел Джорджу заткнуться. О чем он думал? Что с ним?

— Джордж?

Нет ответа.

— Джордж, извини. Просто не следовало тебе говорить такого, ты понимаешь. — Он попытался улыбнуться. — Мы должны отдать ребенка живым, так? Как и планировали. Так?

Нет ответа, и теперь Блейза начала охватывать настоящая паника.

— Джордж? Джордж, что не так?

Джордж долго, долго не отвечал. А потом до Блейза донеслось, так тихо, что он, возможно, этого и не услышал, так тихо, что, возможно, словами Джорджа стала мелькнувшая в голове мысль: «Тебе придется оставить его со мной, Блейз. Рано или поздно».

Блейз вытер рот ладонью.

— Лучше бы тебе ничего ему не делать, Джордж. Лучше бы ничего. Я тебя предупреждаю.

Нет ответа.

К девяти утра Джо проснулся и, переодетый и накормленный, играл на кухонном полу. Блейз сидел за столом и слушал радио. Он убрал обрезки газет и затвердевшую пасту, так что теперь на столе лежало только его письмо Джерардам. Он пытался решить, как же его отправить.

Новости Блейз прослушал уже трижды. Полиция арестовала мужчину, которого звали Чарльз Виктор Притчетт, здоровяка из округа Арустук, которого месяцем раньше уволили с лесопилки. Потом его отпустили. Вероятно, этот костлявый Уолш, гребаный охранник, не признал в нем водителя «форда», догадался Блейз. Жаль. Хороший подозреваемый мог на какое-то время облегчить ему жизнь.

Он нервно ерзал в кресле. Нужно же сдвинуть это похищение с места. Он должен найти способ отослать письмо. Они знают, как он выглядит, они знают, какой у него автомобиль. Знают даже цвет автомобиля... и все из-за этого мерзавца Уолша.

Голова у него работала медленно, с трудом. Он встал, сварил еще кофе, вновь достал газету. Хмурясь, всмотрелся в полицейский рисунок. Большое, с квадратной челюстью, лицо. Широкий плоский нос. Густые волосы, давно не стриженные (последний раз его стриг Джордж, воспользовавшись кухонными ножницами). Глубоко посаженные глаза. Только намек на мощную шею — вероятно, они и вообразить не могли, какие у него габариты. Люди

никогда не могли такого себе представить, когда он сидел, потому что ноги были самой длинной частью его тела.

Джо начал плакать, и Блейз согрел бутылочку. Младенец оттолкнул ее, поэтому Блейз посадил его себе на колени. Малыш сразу успокоился и принялся разглядывать мир с новой, куда более высокой позиции: три вырезанные из журналов фотографии красоток на дальней стене, засаленный асбестовый экран, прикрученный к стене за плитой, окна, грязные изнутри и с морозными узорами снаружи.

— Не очень-то похоже на тот дом, откуда ты пришел, а? — спросил Блейз.

Джо улыбнулся, затем попытался рассмеяться, еще так неумело, вызвав улыбку и у Блейза. У малыша уже прорезались два зуба, только-только поднялись над десной. Блейз задался вопросом, а вдруг режутся и другие, доставляя ему неприятные ощущения. Джо часто жевал пальчики и иногда вскрикивал во сне. Теперь у него изо рта потекли слюни, и Блейз вытер их старой бумажной салфеткой, которую выудил из кармана.

Он не мог снова оставить младенца на Джорджа. Джордж вроде бы ревновал или что-то в этом роде. Джордж словно хотел...

Он, должно быть, весь напрягся, потому что Джо развернулся и посмотрел на него с таким забавным вопросительным выражением на лице, будто говорил: «Что такое, дружище?» Блейз этого не заметил, потому что... речь шла о том... *теперь* он был Джорджем. И получалось, что какая-то его часть хотела...

Вновь он отпрянул от этой мысли, и тут же его мятущийся мозг нашел, за что ухватиться.

Если он куда-то ехал, значит, Джордж ехал туда же. Если он теперь Джордж, это был совершенно логичный вывод. «А» ведет к «Б», просто, как ясный день, сказал бы Джонни Челцман.

Если он уезжал, уезжал и Джордж.

А это означало, что во время его отсутствия Джордж не мог причинить Джо вреда, как бы ему того ни хотелось.

Внутреннее напряжение ослабло. Его по-прежнему не радовала перспектива оставить ребенка одного, но лучше уж пусть малыш побудет один, чем с человеком, который может причинить ему вред... и потом, письмо нужно отправить. А кроме Блейза, никто не мог этого сделать.

И ему, конечно, следовало изменить внешность, раз уж у них был этот рисунок и все такое. Все равно что натянуть на лицо черный чулок, только обойдась без лишних атрибутов. Но как?

К нему пришла идея. Не озарила, а пришла, медленно. Поднялась из глубин сознания, как пузырь поднимается на поверхность жидкой грязи.

Блейз положил Джо на пол, сам прошел в ванную. Достал ножницы и полотенце. Потом взял из шкафчика-аптечки электробритву Джорджа, «Норелко». Там она пролежала со дня его смерти, с накрученным на нее шнуром.

Волосы он отстригал длинными прядями, пока не остался короткий ежик. Потом включил «Норелко» и сбрил остальное. Водил бритвой по черепу, пока та не стала горячей, а кожа на голове не порозовела от раздражения.

С любопытством всмотрелся в свое отражение в зеркале. Вмятина на лбу стала заметно больше,

впервые за долгие годы ее даже частично не закрывали волосы, и выглядела она ужасно. Такая глубокая, что в ней уместилась бы чашка кофе, если б он лежал на спине. Но теперь, по мнению Блейза, он не очень-то напоминал безумного похитителя детей с полицейского рисунка. Скорее, выглядел иностранцем, из Германии, или Берлина, или откуда-то еще. Только глаза остались теми же. И что будет, если его выдадут глаза?

— У Джорджа есть солнцезащитные очки, — вспомнил Блейз. — Это выход... верно?

С одной стороны, он отдавал себе отчет, что выглядит даже более подозрительным, чем прежде, но, с другой — может, и нет. И потом, что еще он мог сделать? Уменьшить рост точно не получилось бы. Оставалось лишь одно: заставить внешность работать на него, а не против.

Конечно, он не понимал, что, пожалуй, поработал над изменением образа даже лучше Джорджа, не понимал, что нынешний Джордж — продукт его подсознания, яростного, наполовину безумного, которое существовало под наружным слоем глупости. Долгие годы он полагал себя тупицей, принимая собственную глупость как неременный элемент жизни вроде вмятины во лбу. И тем не менее какая-то часть мозга продолжала функционировать глубоко внутри, под сильно поврежденным наружным слоем. Продолжала функционировать в полном соответствии с инстинктом выживания, свойственным живым существам. Точно так же личинки, черви, микробы продолжают жить под поверхностью полностью выгоревшего луга. Эта часть помнила все. Каждую нанесенную обиду, каждый случай же-

стокого обращения, каждую пакость, с которой он сталкивался в этом мире.

Он прошел немалую часть лесной дороги от Апекса, когда огромный, старый, под завязку загруженный лесовоз нагнал его и остановился рядом. За рулем сидел небритый мужчина в клетчатой шерстяной куртке, из-под которой выглядывала теплая нижняя рубашка.

— Залезай! — крикнул он.

Блейз вскочил на подножку, с нее перебрался в кабину. Поблагодарил водителя. Тот кивнул.

— Тебе в Уэстбрук?

Блейз поднял сжатые в кулаки руки, оттопырив большие пальцы. Водитель переключил передачу, и лесовоз тронулся с места. Хотя, похоже, не очень-то и охотно.

— Видел тебя раньше? — прокричал водитель, перекрывая рев мощного двигателя. Стекло в его окне было разбито, так что холодный январский воздух, врываясь в кабину, боролся с теплым, из обогревателя. — Живешь на Палмер-роуд?

— Да! — прокричал в ответ Блейз.

— Джимми Каллэм раньше там жил. — Водитель предложил Блейзу невероятно измятую пачку «Лаки страйк».

Блейз взял сигарету.

— Хороший парень, — кивнул Блейз. Его начисто выбритую голову скрывала красная вязаная шапочка.

— Уехал на юг наш Джимми. Слушай, а твой друг еще с тобой?

Блейз догадался, что водитель спрашивает о Джордже.

— Нет. Нашел работу в Нью-Хэмпшире.

— Да? Эх, нашел бы он там работу и мне.

Они перевалили вершину холма и покатались вниз, набирая скорость. Кабину немилосердно трясло на разбитой дороге. У Блейза возникло ощущение, что незаконный груз подталкивает их сзади. Он и сам водил перегруженные лесовозы. Однажды вез в Массачусетс рождественские ели, суммарный вес которых на полтонны превосходил разрешенный предел. Раньше его это никогда не беспокоило, но теперь ситуация изменилась. Потому что только он стоял между Джо и смертью.

После того как они выбрались на асфальтированную дорогу, водитель упомянул про похищение ребенка. Блейз напрягся, но не сильно удивился.

— Когда они найдут парня, который похитил этого малыша, им следует повесить его за яйца, — предложил водитель, с дьявольским скрежетом врубая третью передачу.

— Пожалуй, — откликнулся Блейз.

— Это такое же безобразие, как и захваты самолетов. Помнишь о них?

— Да. — Блейз ничего не помнил.

Водитель выбросил окуроч в окно, тут же закурил следующую сигарету.

— Это нужно прекратить. Они должны ввести смертную казнь для таких, как этот. Может, и расстреливать их.

— Ты думаешь, они поймают этого парня? — спросил Блейз. У него начало складываться ощущение, что он — шпион в каком-то фильме.

— А у папы римского высокая шапка? — спросил водитель, сворачивая на шоссе номер 1.

— Кажись, да.

— Я хочу сказать, это ясно без слов. Разумеется, они его поймают. Всегда ловят. Но вот ребенок погибнет. Помяни мое слово.

— Ну, я так не думаю.

— Не думаешь? А я знаю. Вся эта идея — чистое безумство. Похищение детей в наши дни? ФБР пометит все купюры, или перепишет серийные номера, или поставит на них невидимые глазу значки, которые проступают только под ультрафиолетовым светом.

— Наверное, да. — Блейз встревожился. Он-то совершенно об этом не думал. Однако если он собирался продать деньги в Бостоне парню, которого знал Джордж, какое это имело значение. И Блейз начал успокаиваться. — Ты думаешь, этих Джерардов действительно можно раскрутить на миллион баксов?

Водитель присвистнул.

— Они просят так много?

В тот момент Блейз с радостью откусил бы свой язык и проглотил его.

— Да, — сказал он и подумал: «Ох, Джордж».

— Это что-то новое, — заметил водитель. — В утренней газете ничего об этом не написали. Ты слышал по радио?

— Убей его, Блейз, — ясно и отчетливо сказал Джордж.

Водитель приложил руку к уху.

— Что? Я не расслышал.

— Да, слышал по радио. — Блейз смотрел на свои руки, лежащие на коленях. Большие руки, сильные. Одна из них сломала шею колли, а ведь он тогда был еще ребенком.

— Они смогут получить такой выкуп, — водитель выбросил в окно окурок второй сигареты и закурил третью, — а вот потратить — нет. Нет, сэр. *Никогда*.

Они ехали по шоссе номер 1 мимо замерзших болот и закрытых на зиму садков, где выращивали моллюсков. Водитель не хотел выезжать на платную автостраду с расположенными на ней пунктами взвешивания. Блейз прекрасно его понимал.

«Если я ударю его в шею, в адамово яблоко, он проснется на небесах до того, как поймет, что умер, — подумал Блейз. — А потом я смогу перехватить руль и перетащить его сюда, на пассажирское сиденье. Любой, кто увидит его, подумает, что он решил немного вздремнуть. Бедняга, решат они, наверное, сидел за баранкой всю...»

— ...надо?

— Что? — переспросил Блейз.

— Я говорю, тебе куда надо? Забыл.

— А. В Уэстбрук.

— В миле отсюда я сворачиваю на Мара-роуд. Встречаюсь с приятелем, знаешь ли.

— Да, конечно.

«Ты должен сделать это сейчас, Блейзер, — сказал Джордж. — Подходящее место, подходящее время. Вот такой у нас расклад».

Блейз повернулся к водителю.

— Еще сигаретку? — спросил тот. — Будешь? — И склонил голову набок. Подставляя шею.

Блейз напрягся. Руки, лежащие на коленях, дернулись.

— Нет, — ответил он. — Хочу завязать.

— Да? Это правильно. Кабина холодная, как сиська ведьмы. — Водитель чуть сменил позу, готовясь к повороту. Внизу раздалась серия взрывов: двигатель плюнул горючим в проржавевший глушитель. — Обогреватель на последнем издыхании. Радиоприемник сломался.

— Хуже некуда. — В горло Блейзу словно швырнули пригоршню пыли.

— Да-да, жизнь уходит, а потом ты умираешь. — Водитель нажал на педаль тормоза. Раздался жуткий скрип, словно души грешников кричали от невыносимой боли. — Тебе придется спрыгнуть на ходу. Прости, но на подъеме она глохнет на первой!

— Конечно. — Теперь, когда желание убить появилось и прошло, Блейза мутило. И он боялся. Жалел о том, что повстречался с этим парнем.

— Передавай привет своему другу, когда увидишь его. — Водитель переключил передачу, и перегруженный лесовоз свернул, как предположил Блейз, на Мара-роуд.

Блейз открыл дверцу, спрыгнул на промерзлую обочину, захлопнул дверцу. Водитель нажал на клаксон, и лесовоз, выпустив облако сизого дыма, покати к вершине холма. Скоро остался только звук, потом стих и он.

Блейз зашагал по шоссе номер 1, засунув руки в карманы. Он находился в южном пригороде Портленда и через милю или две добрался до большого торгового центра с магазинами и кинозалами. Напротив прачечной «Чистая стирка» увидел почто-

вый ящик и бросил в него письмо с требованием выкупа.

В прачечной стоял автомат по продаже газет. Блейз вошел, чтобы купить сегодняшний номер.

— Посмотри, мама! — воскликнул маленький ребенок, мать которого выгружала белье из стиральной машины. — У того человека дыра в голове!

— Тихо, — одернула его мать.

Блейз улыбнулся мальчишке, который тут же спрятался за ногу матери и принялся разглядывать его из этого безопасного убежища.

Блейз купил газету и вышел из прачечной. Пожар в отеле сместил историю о похищении младенца в нижнюю часть первой страницы, но его портрет остался. Заголовок гласил: «ПОИСКИ ПОХИТИТЕЛЕЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ». Блейз сунул газету в задний карман. Ни на что она не годилась. Пересекая автостоянку, заметил старый «мустанг» с ключом в замке зажигания. Не раздумывая, сел за руль и уехал.

Глава 16

Клайтон Блейсделл-младший стал главным подозреваемым в похищении младенца в половине пятого пополудни того самого серого январского дня, примерно через полтора часа после того, как бросил письмо с требованием выкупа в почтовый ящик перед прачечной «Чистая стирка». Как любят говорить представители полиции, «в расследовании произошел прорыв». Но даже и без телефонного

звонка по номеру ФБР, указанному в статье о похищении в утреннем выпуске газеты, идентификация преступника была лишь вопросом времени.

Информации у полиции хватало. Она располагала описанием похитителя, полученным от Мортона Уолша (его бостонские работодатели намеревались вышибить с работы, как только уляжется шумиха). С проволоки, которая тянулась по верху забора, окружавшего гостевую стоянку «Дубового леса», удалось снять несколько синих нитей. Их вырвало из джинсов «Ди-бой», марки, которая продавалась в дискаунтерах. Полиция располагала фотографиями и слепами отпечатков ботинок. Образцом крови похитителя: четвертая группа, резус отрицательный. Фотографиями и слепами следов, оставленных раздвижной лестницей (эксперты определили модель: «Крафтуорк лайтвейт суприм»). Фотографиями отпечатков ботинок в доме, которые полностью соответствовали отпечаткам на снегу. И наконец, предсмертными показаниями Нормы Джерард, которая нашла немалое сходство между рисунком полицейского художника и внешностью напавшего на нее мужчины.

Прежде чем впасть в кому, она добавила еще одну деталь, упущенную Уолшем: на лбу мужчины была массивная вмятина, словно его ударили кирпичом или куском трубы.

Лишь малую часть всей этой информации сообщили прессе.

Помимо вмятины во лбу, следователей особенно заинтересовали два момента. Во-первых, джинсы «Ди-бой» в северной части Новой Англии продавались лишь в нескольких десятках магазинов.

Во-вторых — и вот это очень порадовало следователей, — «Крафтуорк леддерс», маленькая компания из Вермонта, поставляла свою продукцию только в отдельные, независимые магазины, не работая с торговыми сетями, такими, как «Амес», «Маммот март» или «Кей-Март». Маленькая армия копов уже начала обходить эти торговые точки. В тот день, когда Блейз отправил письмо, они еще не добрались до хозяйственного магазина в «Апекс-центре», но наверняка пришли бы туда в самое ближайшее время.

В особняке Джерардов установили специальное оборудование, позволяющее отслеживать звонки. Отца Джозефа-четвертого тщательным образом проинструктировали, чтобы он знал, как разговаривать с похитителями. Мать Джо была наверху, ей сделали успокаивающий укол.

Ни один из полицейских или агентов ФБР не получал приказа брать похитителя или похитителей живыми. Эксперты определили, что один из мужчин, которых они искали (может, единственный похититель), был ростом за шесть футов и четыре дюйма и весил порядка двухсот пятидесяти фунтов. Раздробленный череп Нормы Джерард свидетельствовал о его силе и жестокости.

А потом, в половине пятого пополудни того серого дня, специальному агенту Алберту Стерлингу позвонила Нэнси Молдау.

Как только Стерлинг и его напарник Брюс Гранджер вошли в магазин детских товаров, Нэнси Молдау выпалила:

— Ваш рисунок неточный. У этого мужчины большая вмятина по центру лба.

— Да, мэм, — кивнул Стерлинг. — Мы об этом не сообщали.

У нее округлились глаза.

— То есть *он* не знает, что *вы* знаете.

— Совершенно верно.

Она указала на юношу, который стоял рядом. С горящими глазами, в синей нейлоновой куртке и красном галстуке-бабочке.

— Это Брант. Он помогал этому... этому... ему с вещами, которые тот купил.

— Полное имя? — раскрыв блокнот, агент Гранджер обратился к юноше в синей куртке.

Адамово яблоко грузчика поднялось и опустилось, как обезьянка на палке.

— Брант Романо. Сэр. Этот парень уехал на «форде». — Юноша, как отметил Стерлинг, уверенно назвал год выпуска модели. — Только не на голубом, как сказано в газете. На зеленом.

Стерлинг повернулся к Молдау.

— И что купил этот мужчина, мэм?

С ее губ сорвался смешок.

— Господи, проще спросить, чего он не купил. Все детское, что мы продаем. Кроватку, колыбель. Столик для пеленания, одежду... все. Даже набор посуды.

— У вас есть полный список? — спросил Гранджер.

— Разумеется. Я и не подозревала, что у него на уме такой ужас. Решила, что он такой милый мужчина, хотя эта вмятина на лбу... эта дыра...

Гранджер сочувственно кивнул.

— И он не показался мне очень уж умным. Но ему хватило ума, чтобы провести меня. Он сказал, что покупает все для своего маленького племянника, и я поверила.

— И он — мужчина крупный?

— Господи, гигант! Все равно что... — Она вновь нервно рассмеялась. — Бык в детском магазине!

— Какого он роста?

Она пожала плечами.

— У меня рост пять футов и четыре дюйма, и я доставала ему только до ребер. Тогда получается...

— Вы, наверное, не поверите, — вмещался Брант-грузчик, — но я думаю, что роста в нем шесть футов и семь дюймов. Может, даже и восемь.

Стерлинг приготовился задать последний вопрос. Он приберегал его, потому что практически не сомневался, что результат будет нулевым.

— Миссис Молдау, а как этот мужчина заплатил за покупки?

— Наличными, — без запинки ответила она.

— Понимаю. — Он посмотрел на Гранджера. Именно такого ответа они и ждали.

— Вы бы видели, сколько денег было у него в бумажнике!

— Он потратил практически все, — добавил Брант. — Дал мне на чай пятерку, но бумажник практически опустел.

Стерлинг слова юноши проигнорировал.

— Поскольку он расплатился наличными, его имени и фамилии в счете не осталось?

— Нет, не осталось. Через несколько лет в «Хагере» обещают поставить системы видеонаблюдения, но пока...

— Столений, — поправил ее Брант. — Это не то место, где все делается по высшему разряду.

— Что ж, тогда, — Стерлинг захлопнул блокнот, — мы уходим. Но я хочу оставить вам свою визитную карточку, на случай...

— Вообще-то я знаю его фамилию, — прервала его Нэнси Молдау. Оба агента вперились в нее взглядом. — Когда он раскрыл бумажник, чтобы достать толстую пачку денег, я увидела его водительское удостоверение. Имя и фамилию запомнила отчасти потому, что такая продажа бывает раз в жизни, но главным образом... звучали они так величественно. Совершенно ему не подходили. Помнится, я еще подумала, что такого следовало назвать Барни или Фред. Вы знаете, как в сериале «Флинтстоуны».

— И как его звали? — спросил Стерлинг.

— Клайтон Блейсделл. Точнее, думаю, Клайтон Блейсделл-младший.

К половине шестого того же дня они получили всю информацию по интересующему их человеку. Клайтон Блейсделл-младший, он же Блейз, арестовывался дважды. Первый раз — за нападение и избиение директора сиротского приюта, в котором он жил (приют назывался Хеттон-Хауз), второй — много лет спустя, за мошенничество. Подозреваемый сообщник, Джордж Томас Рэкли, он же Хриплый, соскочил с крючка, потому что Блейз не дал против него показаний.

Согласно полицейскому досье, Блейсделл и Рэкли работали в паре как минимум восемь лет, прежде чем Блейз попался на мошенничестве, слишком сложном для здоровяка с ограниченными умствен-

ными способностями. В исправительном центре Саут-Портленда у него определяли коэффициент интеллектуального развития, и он набрал так мало баллов, что попал в пограничную категорию. А на полях кто-то красной ручкой написал: «УМСТВЕННО ОТСТАЛЫЙ».

Стерлинг нашел весьма занимательными подробности мошенничества. Участвовали в нем здоровяк в инвалидном кресле и мужчина небольшого роста, который это самое кресло толкал. Этот господин представлялся как преподобный Гэри Кроуэлл (почти наверняка Рэкли). Преподобный Гэри (так он себя называл) заявлял, что собирает деньги на христианский марш в Японии. Если лохушек (трюк рассчитывался на пожилых дам с небольшим банковским счетом) не удавалось убедить в необходимости пожертвования, преподобный Гэри сотворял чудо. Именем Иисуса приказывал здоровяку подняться с кресла и пойти.

Еще более забавными показались Стерлингу обстоятельства ареста. Восьмидесятилетняя старушка по имени Арлен Меррилл проявила завидную бдительность и вызвала полицию, пока «преподобный» Гэри и его «ассистент» находились в гостинной. Потом вернулась к ним, чтобы разговорами задержать до приезда копов.

Преподобный Гэри почувал неладное и смылся. Блейсделл остался. В своем рапорте коп, который проводил арест, записал: «Подозреваемый сообщил, что не мог убежать, поскольку его еще не излечили».

Стерлинг обдумал имеющуюся в его распоряжении информацию и решил, что похитителей все-таки двое. Как минимум двое. Рэкли не мог не уча-

ствовать в этом деле, потому что такой тупица, как Блейсделл, конечно же, не сумел бы проверить все сам.

Он снял трубку, позвонил, задал вопрос. Несколькими минутами позже ему перезвонили, и ответ его удивил и озадачил. Джордж Томас «Хриплый» Рэкли умер в прошлом году. Его нашли зарезанным в районе Портлендских доков, неподалеку от притона, в котором, по сведениям полиции, незаконно играли в карты и кости.

Дерьмо. Значит, Блейсделл работал с кем-то еще?

И этот человек играл роль мозгового центра, как раньше — Рэкли?

Иначе и быть не могло, не так ли?

К семи вечера вся правоохранительная система штата искала Клайтона Блейсделла-младшего.

К тому времени Джерри Грин из Горэма обнаружил кражу своего старого «мустанга». Через сорок с небольшим минут автомобиль уже значился в списке угнанных.

Примерно в то же время полицейское управление Уэстбрука сообщило Стерлингу телефонный номер женщины, которую звали Джорджия Кингсбери. Миссис Кингсбери читала вечернюю газету, когда ее сын, увидев полицейский рисунок, спросил: «Разве не этот дядя заходил в прачечную? А почему у него нет дырки на лбу?»

Как миссис Кингсбери доверительно сообщила Стерлингу: «Я взглянула на рисунок и сказала: “Господи”».

В 7.40 Стерлинг и Гранджер приехали в дом Кингсбери. Они показали матери и сыну фотогра-

фию Клайтона Блейсделла-младшего, сделанную в полицейском участке при задержании. Фотография была нечеткой, но Кингсбери сразу признали того мужчину. Стерлинг уже понял, что те, кто хоть раз видел Блейсделла, запоминали его надолго. И мысль о том, что этот здоровяк стал последним, кого увидела Норма Джерард в доме, где прожила всю жизнь, вызывала у Стерлинга ярость.

— Он мне улыбнулся, — ввернул мальчик.

— Это хорошо, сынок, — ответил Стерлинг и взъерошил ему волосы.

Мальчик отпрянул.

— У вас холодная рука.

— Тебе не кажется странным, что большой босс посылает такого парня закупать все необходимое для малыша? — спросил в автомобиле Гранджер. — Парня, которого так легко запомнить?

Подумав над вопросом коллеги, Стерлинг решил, что да, что-то тут не складывается, но оптовые закупки Блейсделла говорили о другом, более оптимистичном, на чем он и предпочел сосредоточиться. Похитители закупали все необходимое для ребенка, потому что не собирались его убивать, во всяком случае сразу.

Гранджер все смотрел на него, ожидая ответа.

— Кто знает, почему эти бандиты поступают так, а не иначе. Поехали, не будем терять времени.

В 8.05 вечера все правоохранительные органы, как местные, так и штата, получили сообщение о том, что один из похитителей — точно Блейсделл. В 8.20 Стерлингу позвонил патрульный Пол Хэнском

из дорожной полиции Портленда. Хэнском доложил, что «мустанг» модели 1970 года был украден с автостоянки того же торгового центра, где Джорджия Кингсбери видела Блейсделла, и примерно в то же время. Он хотел знать, считает ли ФБР необходимым сообщить об этом всем заинтересованным ведомствам. Стерлинг ответил, что ФБР очень даже «за».

Теперь Стерлинг решил, что знает ответ на вопрос агента Гранджера. И очень простой ответ. Мозговой центр операции был, конечно, поумнее Блейсделла (достаточно умен, чтобы успешно провести само похищение плюс обеспечить уход за ребенком), но не семи пядей во лбу.

И теперь оставалось только ждать, пока сеть стянется вокруг похитителей, и надеяться...

Но Алберт Стерлинг решил, что может сделать кое-что еще. В 22.15 он пошел в туалет и проверил все кабинки. Никого. Его это не удивило. Отделение было маленьким, провинциальный прыщ на заду ФБР. Опять же время позднее.

Стерлинг зашел в одну из кабинок, упал на колени, сложил руки перед собой, как в детстве.

— Господи, это Алберт. Если младенец еще жив, пожалуйста, присмотри за ним, хорошо? И если я подберусь достаточно близко к мужчине, который убил Норму Джерард, прошу, позволь ему сделать нечто такое, что даст мне повод убить этого сукина сына. Спасибо. Я молюсь во имя Твоего Сына, Иисуса Христа.

А поскольку мужской туалет по-прежнему пустовал, он помолился и Деве Марии, решив, что хуже не будет.

Глава 17

Младенец проснулся без четверти четыре утра, и бутылочка его не успокоила. Он продолжал плакать, и Блейз заволновался. Положил руку на лоб Джо. Кожа холодная, но крики только усиливались, и это пугало. Блейз опасался, как бы у малыша не лопнул какой-нибудь кровеносный сосуд.

Он положил Джо на столик для пеленания. Снял памперс, убедился, что проблема не в этом. Подгузник был влажным, но не обосранным. Блейз присыпал попку и ножки малыша тальком, сменил памперс. Крики продолжались. Теперь к испугу Блейза прибавилось отчаяние.

Он устроил кричащего младенца у себя на плече. Принялся кружить по кухне.

— Тихо, крошка, тихо, — говорил он. — Все у тебя хорошо. Все у тебя в порядке. Я тебя качаю. Засыпай. Тихо, крошка, тихо. Ш-ш-ш, малыш, ш-ш-ш. Ты разбудишь медведя, который спит в снегу, и он захочет нас съесть. Ш-ш-ш-ш.

Может, помогла ходьба. Может, сработал голос. В любом случае крики Джо начали стихать, потом прекратились. Еще несколько кругов по кухне, и младенец опустил головку на плечо Блейзу. Дыхание стало ровным и глубоким: Джо заснул.

Блейз положил его в колыбельку, начал покачивать. Джо зашевелился, но не проснулся. Маленькая ручка пробралась в рот, он начал яростно жевать пальчики. Настроение у Блейза улучшилось. Может, все нормально. В книге сказано, что они жуют пальчики, когда им хочется есть или у них режутся зубки. Есть Джо определенно не хотелось.

Глядя на младенца сверху вниз, Блейз подумал, на этот раз более осознанно, что Джо — красавчик. И такой милый. Двух мнений тут быть не могло. Хотелось бы увидеть, как он будет проходить все стадии, о которых доктор говорил в книге «Ребенок и уход за ним». Джо мог со дня на день начать ползать. За то время, что он находился в лачуге, этот маленький паршивец несколько раз поднимался на ручки и коленки. Потом он начал бы ходить... те звуки, которые слетали с губ, сформируются в слова... а потом... потом...

«Потом он превратится в личность».

Мысль эта выбила Блейза из колеи. Он понял, что не сможет уснуть. Поднялся с кровати, включил радио, убавил звук. Поискал среди статических пред-рассветных помех тысячи конкурирующих радиостанций, пока не нашел устойчивый сигнал той, что работала круглосуточно.

В выпуске новостей, который прозвучал в четыре часа, ничего нового о похитителях не сообщили. И вроде бы правильно: Джерарды могли получить письмо только сегодня, и попозже. Возможно, даже завтра, все зависело от того, в котором часу производилась выемка корреспонденции из почтового ящика в торговом центре. А кроме того, Блейз не видел, какие у копов могли появиться зацепки. Вел он себя крайне осмотрительно и, если бы не тот парень в «Дубовом лесу» (Блейз уже забыл его фамилию), мог бы сказать, что, пользуясь терминологией Джорджа, «сработал чисто».

Иногда, провернув особенно удачную аферу, они с Джорджем покупали бутылку бурбона «Четыре розы», шли в кино и добавляли к «Розам» «колу»,

которая продавалась в киоске прохладительных напитков. Если фильм выдавался длинный, Джордж так напивался, что уже не мог подняться с кресла, когда по экрану бежали заключительные титры. Он был меньше, спиртное действовало на него сильнее. И как же хорошо они проводили время! Тут Блейз вспомнил, что хорошо проводил время и с Джонни Челцманом, когда они смотрели старые фильмы в «Нордике».

По радио вновь пошла музыка. Джо сладко спал. Блейз подумал, что и ему неплохо бы лечь. Завтра предстояло много чего сделать. Или даже сегодня. Он намеревался послать Джерардам второе письмо. Он уже знал, как получить выкуп. Идея (безумная идея) пришла к нему во сне этой ночью. Он никак не мог сообразить что к чему, но крики ребенка ворвались в его сладкий, крепкий сон и каким-то образом прочистили ему мозги. Он скажет Джерардам, чтобы они сбросили выкуп с самолета. Маленького, какие не летают очень высоко. В письме он напишет, что самолет должен лететь на юг вдоль шоссе номер 1 от Портленда к границе Массачусетса и высматривать красный сигнальный свет.

Блейз знал, как это сделать: с помощью дорожных факелов. Он мог купить десяток в хозяйственном магазине и зажечь их одновременно в выбранном им месте. Они дали бы яркий, устойчивый свет. И подходящее место он тоже знал: дорога для вывоза леса южнее Оганкуита. К дороге в одном месте примыкала вырубка, на которой водители иногда останавливались, чтобы съесть ленч или немного вздремнуть на лежанке за сиденьями. Вырубка находилась совсем рядом с шоссе номер 1, так что

пилот, летящий низко над дорогой, не мог не заметить дорожных факелов, которые, поставленные рядом, сверху казались бы одним большим красным фонарем. Блейз знал, что времени у него немного, но полагал, что все-таки хватит. Дорога для вывоза леса вела к сети бетонок безо всякой разметки с названиями вроде Богги-стрим-роуд или Бампноуз-роуд. Одна из них выходила к шоссе номер 41, по которому он мог уехать на север. Найти безопасное место и лечь на дно, дожидаясь, пока поиски сойдут на нет. Блейз даже подумал о Хеттон-Хаузе. Нынче сиротский дом пустовал, запертый на все замки, с табличкой «ПРОДАЕТСЯ» на воротах. В последние годы Блейз несколько раз проезжал мимо: тянуло его туда, как маленького ребенка тянет к соседскому дому с привидениями.

Только для Блейза Хеттон-Хауз действительно был домом, населенным призраками. Уж он-то это знал, потому что сам входил в их число.

В любом случае все, похоже, складывалось как нельзя лучше, и это главное. Какое-то время он боялся, думая, что все не так, сожалел о старушке (ее имя он забыл), но теперь ситуация выправлялась, и перед ним открывалась прямая дорога к...

— Блейз.

Он посмотрел в сторону ванной. Джордж, кто же еще. Дверь приоткрыта, Джордж всегда оставлял ее так, если хотел поговорить, справляя большую нужду. «Дерьмо лезет с обоих концов», — как-то сказал он в такой вот момент, и они посмеялись. Он мог быть таким юморным, когда хотел, но в это утро — по голосу чувствовалось — пребывал далеко не в игривом настроении. Опять же, Блейз думал,

что закрыл дверь, когда выходил из ванной в последний раз. Сквозняк, конечно, мог ее приоткрыть, но он не чувствовал никакого сквоз...

— Они почти схватили тебя, Блейз, — продолжил Джордж. А потом добавил трагическим шепотом: — Тупой козел.

— Кто схватил? — переспросил Блейз.

— Копы. А про кого, по-твоему, я говорю? Про Национальный республиканский комитет? ФБР. Полиция штата. Даже местные дуболомы в синем.

— Нет, как бы не так. Я все сделал правильно. Честное слово. Дело выгорит. Сейчас я расскажу тебе, что я сделал, какую проявил осторожность...

— Если ты не смоешься из лачуги, к полудню они будут здесь.

— Как... что...

— Ты так глуп, что даже не можешь выбраться отсюда самостоятельно. Не понимаю, чего я sueчусь. Ты допустил с дюжину проколов. Если тебе повезло, копы нашли только шесть или восемь.

Блейз опустил голову. Почувствовал, как горит лицо.

— Что же мне делать?

— Выкатываться отсюда. Немедленно.

— Куда...

— И избавься от ребенка, — добавил Джордж. Будто только сейчас вспомнил об этом.

— *Что?*

— Разве я не понятно говорю? Избавься от него. Он — чертов мертвый груз. Выкуп ты сможешь получить и без него.

— Но если я его верну, каким образом мне удастся...

— Я не говорю, что ты должен его вернуть! — взревел Джордж. — Кто он, по-твоему, гребаная стеклотара, которую можно сдать? Я говорю, что ты должен его убить. Сделай это прямо сейчас!

Блейз переминался с ноги на ногу. Сердце билось быстро-быстро, и он надеялся, что Джордж вскорости выйдет из ванной. Ему хотелось отлить, но не мог же он ссать на сидящего на унитазе призрака.

— Подожди... я должен подумать. Может, Джордж, если ты пройдешь прогуляться... а когда вернешься, мы найдем решение.

— *Ты не можешь думать!* — Голос Джорджа поднимался, пока не превратился в вой. Словно у Джорджа что-то болело. — Копы должны прийти и всадить пулю в ту хреновину, что у тебя повыше шеи, чтобы ты это понял? Ты *не можешь* думать, Блейз! Но я *могу*!

Голос стих. Стал таким убедительным. Прямо шелковым.

— Он спит. Поэтому ничего не почувствует. Возьми свою подушку, она пахнет тобой, ему нравится этот запах, и положи ему на лицо. Крепко надави и поддержи. Я готов спорить, его родители думают, что это уже произошло. Наверное, уже в следующую гребаную ночь они начнут делать замену этому маленькому республиканцу. А потом ты можешь попытаться получить выкуп. И уезжай туда, где тепло. Мы всегда этого хотели. Так? Так?

Так, конечно. В Акапулько или на Багамы.

— Что скажешь, Блейз-э-рони? Я прав или не прав?

— Ты прав, Джордж, скорее всего.

— Ты знаешь, что прав. Вот такой у нас расклад.

Внезапно все усложнилось. Если Джордж говорит, что полиция близко и продолжает приближаться, тут ему лучше поверить. У Джорджа всегда было острое чутье на синих. И ребенок будет его тормозить, если ему придется в спешке выметаться отсюда... В этом Джордж тоже прав. Теперь его задача — получить этот гребаный выкуп и где-нибудь спрятаться. Но убить ребенка? Убить *Джо*?

Его вдруг осенило: если он убьет Джо — мягко, не причиняя боли, — то младенец отправится прямо на небеса и станет ангелом. Так что, может, Джордж прав и здесь. Блейз практически не сомневался, что его удел — ад, как и большинства людей. Это был грязный мир, и чем дольше ты в нем жил, тем грязнее становился.

Он схватил подушку и направился в большую комнату, где Джо спал у плиты. Ручка выпала изо рта, но на пальчиках остались следы десен — так яростно он их жевал. Это был еще и мир боли. Не только грязный, но и причиняющий боль. И режущиеся зубки вызывали первую и самую слабую боль из тех, что предстояло испытать Джо.

Блейз стоял над колыбелькой, держа в руках подушку. Наволочка потемнела от жира и грязи, оставшихся после длительного контакта с волосами. Когда у него еще были волосы.

Джордж всегда был прав... за исключением тех случаев, когда ошибался. И Блейзу казалось, что это тот самый случай.

— Господи, — вырвалось у него, в горле булькнуло.

— Сделай это быстро, — послышался из ванной голос Джорджа. — Не заставляй его страдать.

Блейз опустился на колени, положил подушку на лицо младенца. Локти уперлись в колыбельку по обе стороны грудной клетки малыша, и он почувствовал, как Джо дважды вдохнул... перестал дышать... вновь вдохнул... перестал. Младенец шевельнулся, выгнул спину. При этом повернул голову и задышал вновь. Блейз сильнее надавил на подушку.

Ребенок не заплакал. Блейз думал, что будет лучше, если ребенок заплачет. Молчаливая смерть, как насекомого, казалась более жалкой. Ужасной. Блейз убрал подушку.

Джо повернул голову, открыл глаза, закрыл, улыбнулся и сунул большой палец в рот. Он снова просто спал.

Блейз тяжело и учащенно дышал, словно после быстрого забега. Капли пота выступили на его проломленном лбу. Он посмотрел на подушку, которую все еще держал в сжавшихся в кулаки пальцах, выронил, будто она вдруг раскалилась докрасна. Начал дрожать, обхватил живот руками, чтобы унять дрожь. Куда там. Вскоре его трясло. Мышцы гудели, как телеграфные провода.

— Доведи дело до конца, Блейз.

— Нет.

— Если не доведешь, я уйду.

— Ну и иди.

— Ты думаешь, что сможешь оставить его, не так ли? — В ванной Джордж рассмеялся. Смех его напоминал klokотание воды в сливной трубе. — Бедный ты слюнтяй. Оставишь его в живых, так он, когда вырастет, будет ненавидеть тебя всей душой. Они за этим проследят. Эти хорошие люди. Эти

хорошие богатые говняные республиканцы-миллионеры. Неужто я тебя ничему не научил, Блейз? Позволь мне сказать это еще раз, словами, которые может понять даже тупица: если ты будешь гореть, они даже не поссут на тебя, чтобы затушить огонь.

Блейз смотрел на пол, где лежала ужасная подушка. Все еще дрожал, но теперь у него пылало лицо. Он знал, что Джордж прав. И тем не менее ответил:

— Я не планирую гореть огнем.

— Ты не планируешь *ничего!* Блейз, когда эта маленькая счастливая гутукающая кукла вырастет в мужчину, он сделает крюк в десять миль только для того, чтобы плюнуть на твою гребаную могилу. Говорю в последний раз, *убей этого ребенка!*

— Нет.

Внезапно Джордж исчез. И, может, он действительно все это время был в ванной, потому что Блейз точно почувствовал, как что-то (нечто) покинуло лачугу. Ни одно окно не открылось, ни одна дверь не хлопнула, и тем не менее лачуга стала более пустой.

Блейз подошел к ванной, открыл дверь ногой. Ничего, кроме раковины. Ржавого душа. И сральника.

Он попытался уснуть, но не смог. Содеянное висело в голове, словно занавес. И что там сказал Джордж? «Они почти схватили тебя. Если ты не смоешься из лачуги, к полудню они будут здесь».

А самое худшее: «Он сделает крюк в десять миль только для того, чтобы плюнуть на твою гребаную могилу».

Впервые Блейз ощутил, что на него действительно идет охота. В каком-то смысле он уже чувствовал, что его поймали... ощущал себя жучком, копошащимся в сетке, из которой ему не выбраться. Память принялась подсовывать фразы из старых фильмов. «Возьмите его живым или мертвым. Если ты сейчас не выйдешь, мы войдем, и мы войдем, стреляя из всех стволов. Подними руки, сучий выродок... все кончено».

Он сел, весь в поту. Скоро пять утра. Прошел почти час с того момента, как его разбудили крики младенца. Заря еще не занялась, лишь на самом горизонте появилась оранжевая полоска. Над головой по небосводу неспешно двигались звезды, безразличные к происходящему внизу.

«Если ты не смоешься из лачуги, к полудню они будут здесь».

Но куда бежать?

Вообще-то он знал ответ на этот вопрос. Знал уже давно.

Он поднялся, резкими, дергаными движениями натянул на себя одежду: теплое нижнее белье, шерстяную рубашку, две пары носков, джинсы «Левайс», ботинки. Младенец все еще спал, но Блейз мог лишь мимоходом глянуть на него. Он вытащил из-под раковины бумажные пакеты, начал складывать в них подгузники, бутылочки, банки с консервированным молоком.

Наполнив пакеты, отнес их в «мустанг», припаркованный рядом с угнанным «фордом». По крайней мере у него был ключ от багажника «мустанга», и он сложил пакеты туда. В сарай и обратно — бегом. Теперь, когда он решил уезжать, паника жгла пятки.

Он взял еще один пакет и набил одеждой Джо. Сложил столик для пеленания и взял его тоже, почему-то подумав, что Джо в новом месте столик понравится, поскольку малыш к нему привык. Колыбель тоже может уместиться на заднем сиденье, решил Блейз. Банкам с обедами нашлось бы место на полу у переднего пассажирского сиденья, сверху на них легли бы одеяла. Еда из банок Джо нравилась. Он уплетал эти обеды за обе щеки.

Блейз еще раз сгонял к «мустангу», потом включил двигатель и обогреватель, чтобы кабина прогрелась. Часы показывали половину шестого. Рассвет набирал силу. Звезды бледнели. Только Венера продолжала ярко светить.

В доме Блейз достал Джо из колыбельки и перенес на свою кровать. Младенец что-то проворчал, но не проснулся. Блейз отнес колыбельку в машину.

Вернулся в дом, лихорадочно огляделся. Взял с подоконника радиоприемник, отсоединил от розетки, обмотал шнур вокруг него. Поставил на стол. В спальне вытащил из-под кровати свой старый чемодан, коричневый, потертый, в царапинах, со сбитыми углами. Побросал в него остатки одежды, сверху положил пару эротических журналов и несколько комиксов. Отнес чемодан и радиоприемник в машину, в которой уже становилось тесно. Вернулся в дом в последний раз. Расстелил одеяло, положил на него Джо, завернул, весь сверток засунул в свою куртку. Застегнул молнию. Джо уже проснулся. Выглядывал из кокона, как мышонок.

Блейз отнес его в машину, сел за руль, Джо положил на переднее сиденье.

— А теперь только не скатись с сиденья, малыш.

Джо улыбнулся и тут же натянул одеяло на голову. Блейз хохотнул, но в то же мгновение увидел себя, опускающего подушку на лицо Джо. По телу пробежала дрожь.

Он задним ходом выехал из сарая, развернулся и покатил по подъездной дорожке к шоссе... Блейз, конечно, этого не знал, но менее чем через два часа полиция взяла окрестную территорию в плотное кольцо, перекрыв все дороги.

Он ехал по местным и второстепенным дорогам, огибая Портленд и его пригороды. Ровный гул мотора и теплый воздух обогревателя почти мгновенно усыпили Джо. Блейз настроил радиоприемник на любимую станцию, транслирующую кантри, которая начинала работать с рассветом. Прослушал утреннюю молитву, информацию для фермеров, передовицу из придерживающейся правых взглядов газеты «Фридом лайн», издающейся в Хьюстоне, которая наверняка исторгла бы из Джорджа фонтан ругательств. Наконец пришел черед выпуска новостей.

— Поиск похитителей Джозефа Джерарда-четвертого продолжается, — важно объявил диктор, — и события вступили в новую фазу. — Блейз насторожился. — По сведениям источника, близкого к расследованию, на Портлендский почтамт ночью поступило письмо с требованием выкупа, и его незамедлительно, на автомобиле, доставили в дом Джерардов. Ни местные власти, ни сотрудники Федерального бюро расследований, возглавляемые специальным агентом Албертом Стерлингом, получение письма не комментируют.

На эту часть Блейз внимания не обратил. Джерарды получили письмо, и это радовало. В следующий раз ему не оставалось ничего другого, как позвонить им. Он забыл взять с собой газеты, журналы, конверт и компоненты пасты. Да и звонок всегда лучше. Прежде всего, потому что быстрее.

— А теперь погода. Ожидается, что зона пониженного давления, расположившаяся над верхней частью штата Нью-Йорк, двинется на восток и накроет Новую Англию одним из самых сильных снегопадов за эту зиму. Национальная метеорологическая служба разослала предупреждения о сильных буранах, снег может пойти уже к полудню.

Блейз выехал на шоссе номер 136, через две мили свернул с него на Стинкпайн-роуд. Когда проезжал пруд, теперь замерзший (там они с Джонни однажды наблюдали, как бобры строят плотину), на него нахлынуло смутное, но мощное чувство дежавю. А вызвал его брошенный фермерский дом, куда однажды забрались Блейз, Джонни и еще один парень, внешностью похожий на итальянца. В стенном шкафу они нашли стоящие друг на друге обувные коробки. В одной лежали порнографические открытки: мужчины и женщины, делающие все, что только можно, женщины и женщины, на одной женщина занималась этим с ослом или жеребцом. Открытки они разглядывали всю вторую половину дня, удивление переходило в похоть, потом в отвращение. Блейз не мог вспомнить настоящее имя парнишки с итальянской внешностью, только прозвище: все называли его Той-Джем.

Проехав еще милю, Блейз на развилке свернул направо, на совершенно разбитую дорогу, которую

еще и плохо расчистили (не говоря уж о том, что она стала совсем узкой), отчего снег с сугробов по обеим сторонам сносило на проезжую часть. Проехав четверть мили и миновав поворот, который мальчишки называли «Поворот сладкой крошки» (в стародавние времена Блейз знал, откуда взялось это название, но теперь, конечно, забыл), он уткнулся в цепь, перегораживающую дорогу. Блейз вылез из автомобиля, одним мощным рывком вырвал дужку из ржавого навесного замка. Он здесь уже бывал, но в прошлый раз дужку пришлось дергать раз шесть.

Он положил цепь на землю и оглядел лежащую перед ним дорогу. Ее не чистили после последнего снегопада, но Блейз подумал, что с таким слоем снега «мустанг» справится, если предварительно отъехать подальше и разогнаться. А уж потом он собирался вернуться и вновь повесить цепь, как уже проделывал в прошлом. Место это притягивало его.

А что лучше всего? Обещали сильный снегопад, то есть снег быстро скроет все следы.

Он вновь сел за руль, включил заднюю передачу, отъехал на двести футов. Затем врубил первую и надавил на педаль газа. «Мустанг» свое название оправдывал. Двигатель ревел, а на тахометре, который установил владелец автомобиля, стрелка заползла в красную зону, поэтому Блейз перешел на вторую передачу, решив, что всегда сможет вернуться на первую, если его маленький украденный пони начнет надрываться.

Он атаковал снег. «Мустанг» попытался пойти юзом, но Блейз легким движением руля выровнял автомобиль. Он то ли ехал наяву, то ли плыл во сне, надеясь, что сон этот удержит «мустанг» между двух

засыпанных снегом кюветов, в которые тот мог угодить. Снег фонтаном летел с обеих сторон разогнавшегося автомобиля. Вороны поднялись с сосен и с карканьем устремились в белое небо.

Блейз взобрался на первый холм. За вершиной дорога уходила влево. Автомобиль опять пошел юзом, и на этот раз Блейз с огромным трудом удержал управление, руль сам по себе провернулся у него в руках, но занял прежнее положение, потому что колеса «сцепились» с землей. Поднявшийся снег залепил ветровое стекло. Блейз включил «дворники», но какие-то мгновения ехал вслепую, хохоча от ужаса и счастья. Когда ветровое стекло очистилось, он увидел перед собой главные ворота. Конечно же, закрытые, но было поздно что-то делать, кроме как положить руку на грудь спящего малыша и молиться. «Мустанг» разогнался до сорока миль и мчался по радиаторную решетку в снегу. Последовал удар, от которого содрогнулся корпус автомобиля, а несущие стойки наверняка погнулись. Доски ломались и разлетались. «Мустанг» повело в сторону... начало разворачивать... он остановился.

Блейз протянул руку, чтобы завести заглухший двигатель, но рука затряслась, и пальцы соскользнули с ключа зажигания.

Перед ним высился Хеттон-Хауз, три этажа грязно-красного кирпича. Блейз как зачарованный смотрел на забитые досками окна первого этажа. Точно так же, как и в прошлом, когда приезжал сюда, старые воспоминания зашевелились, принялись набирать цвет, начали ходить. Джон Челцман, выполняющий за него домашние задания. Закон, раскрывающий их аферу. Найденный бумажник.

Долгие ночные часы, проведенные в разговорах о том, как они потратят эти деньги, шепот между кроватями после отбоя. Запах мастики для пола и мела. Всезапрещающие картины на стенах, с глазами, которые, казалось, следят за тобой.

К воротам приколотили две таблички. На одной значилось: «ВХОД ВОСПРЕЩЕН ПО ПРИКАЗУ ШЕРИФА ОКРУГА КАМБЕРЛЕНД». На второй: «ПО ВОПРОСАМ ПОКУПКИ ИЛИ АРЕНДЫ ОБРАЩАТЬСЯ В «ДЖЕРАЛЬД КЛАТТЕРБАК РИЭЛТИ», КАСЛ-РОК, ШТАТ МЭН».

Блейз завел двигатель, двинул «мустанг» вперед на первой передаче. Колеса норовили прокрутиться, и ему приходилось поворачивать руль чуть влево, чтобы двигаться прямо, но маленький автомобиль еще соглашался служить и медленно прокладывал путь к восточной стене главного корпуса. Небольшой промежуток отделял главный корпус от длинного низкого склада. Туда Блейз и направил «мустанг», полностью вдавливая в пол педаль газа, чтобы заставить автомобиль двигаться. А когда выключил двигатель, установилась оглушающая тишина. И Блейзу не требовалось подсказки, чтобы понять: «мустанг» отслужил свой срок. Во всяком случае, ему уже ничем помочь не сможет. Нашел свою последнюю стоянку как минимум до весны.

Блейз задрожал, но не от холода. Он чувствовал, что вернулся домой.

Чтобы остаться.

Он выбил дверь черного хода и занес в дом Джо, завернутого в три одеяла. Казалось, что внутри даже холоднее, чем снаружи. Стены, и те дышали холодом.

Блейз отнес малыша в кабинет Мартина Кослоу. Имя и фамилию соскребли с панели из матового стекла, а из комнаты за дверью вынесли всю обстановку. И присутствия Закона в ней более не чувствовалось. Блейз попытался вспомнить, кто пришел после Кослоу, но не смог. Его самого к тому времени в Хеттон-Хаузе уже не было. Он отправился в Норт-Уиндэм, куда попадали плохие парни.

Блейз положил Джо на пол и принялся обследовать здание. Нашел несколько парт, какие-то деревянные, мятую бумагу. Набрал охапку, принес в кабинет, растопил маленький камин в стене. После того, как огонь разгорелся и Блейз убедился, что тяга есть и дым уходит в трубу, он вернулся к «мустангу», начал его разгружать.

К полудню Блейз обустроился на новом месте. Младенец лежал в колыбельке, все еще спал (хотя чувствовалось, что вот-вот проснется). Его подгузники и консервированные обеды Блейз разложил по полкам. Для себя нашел стул. Два одеяла, раскатанные в углу, служили кроватью. В комнате стало теплее, но холод никуда не делся. Он сочился из стен, им тянуло из-под двери. Так что ребенка предстояло и дальше держать закутанным в одеяла.

Блейз надел куртку и вышел из комнаты. Сначала пошел на дорогу, чтобы поправить цепь. Порадовался, что замок, пусть и сломанный, удерживает цепь на месте. А чтобы понять, что он сломан, требовалось приглядеться. Потом вернулся к разбитым главным воротам. Какие-то доски вернул на место, воткнул в снег (и уже сильно вспотел),

но выглядело все дерьмово. Если бы кто-то появился поблизости, у него определенно возникли бы проблемы. Блейз, конечно, был тупицей, но не до такой степени, чтобы этого не понимать.

Когда он поднялся в бывший директорский кабинет, Джо проснулся и кричал во весь голос. Теперь его крики не ужасали Блейза, как прежде. Он переодел ребенка, надел на него маленькую курточку, положил на пол, чтобы тот немного подвигал ручками-ножками. Пока Джо пытался ползти, Блейз открыл мясной обед. Не смог найти чертову ложку (хотя со временем она обязательно бы нашлась, как находится большинство вещей), поэтому ему пришлось кормить ребенка с кончика пальца. Блейз обрадовался, увидев, что ночью у Джо прорезался еще один зуб. Теперь их было целых три.

— Извини, что обед холодный, — сказал Блейз. — Но мы что-нибудь придумаем, правда?

Температура обеда Джо не волновала. Он жадно ел. Потом, когда закончил, начал плакать от боли в животе. Блейз знал, что у малыша болит животик. Он уже научился различать плач, вызванный болью в животе, режущимися зубками, усталостью. Положил Джо на плечо, походил с ним по комнате, поглаживая по спине, говоря ласковые слова. Потом с плачущим Джо на руках вышел в холодный коридор. Младенец начал дрожать, не переставая плакать. Блейз вернулся в директорский кабинет, завернул мальчика в одеяло, край набросил на голову, как капюшон.

Поднялся на третий этаж и вошел в кабинет номер 7, где он и Мартин Кослоу впервые встрети-

лись на уроке арифметики. Здесь остались три парты, сваленные в угол. На верхней, среди вырезанных сердец, мужских и женских половых органов, предложений отсосать и нагнуться, Блейз увидел инициалы КБ, печатные буквы, вырезанные его рукой.

Как зачарованный, снял перчатку и провел пальцами по древним канавкам в дереве. Мальчик, которого он едва помнил, сидел за этой самой партой. Невероятно. И каким-то странным образом ему вспомнилась одинокая птица на телефонном проводе, грустный образ. Канавки были очень старыми, края давно закруглились. Дерево растворило в себе эти инициалы, они стали его частью.

Он вроде услышал смешок у себя за спиной и развернулся.

— Джордж?

Нет ответа. Слово отразилось от стен, эхом прилетело назад. Будто дразнило его. Говорило, что не будет никакого миллиона, ничего не будет, кроме этой комнаты. Комнаты, где он знал только унижение и страх. Комнаты, где он доказал свою неспособность учиться.

Джо дернулся у него на плече и чихнул. Нос малыша покраснел. Он опять заплакал. Плач казался таким тихим в этом холодном и пустом доме. Мерзлый кирпич словно впитывал его в себя.

— Ну, ну, — заворковал Блейз. — Все хорошо, не надо плакать. Я здесь. Все хорошо. У тебя все в порядке. У меня все в порядке.

Малыш снова дрожал, и Блейз решил отнести его в кабинет Закона. Положил в колыбельку у камина. Укутал еще в одно одеяло.

— Все хорошо, милый, все хорошо. Все отлично.
Но Джо плакал, пока совсем не вымотался.
А вскоре после того, как заснул, пошел снег.

Глава 18

Летом, после загула в Бостоне, Блейза и Джонни Челцмана вместе с другими ребятами из Хеттон-Хауза отправили на сбор черники. Человек, который нанял их, Гарри Блуноут, был нормальным парнем. Не в смысле сексуальной ориентации (именно в таком значении потом пренебрежительно использовал это слово Джордж), а в лучших традициях лорда Бадена-Пауэлла*. Ему принадлежали пятьдесят акров в лучших черничных местах в Уэст-Харлоу, и он обрабатывал их каждую весну. А каждый июль нанимал команду из двадцати, или около того, подростков из сиротских приютов на сбор урожая. И не стремился выжать из своей земли максимум прибыли, как поступали большинство мелких фермеров. Он мог нанять мальчишек из Хеттон-Хауза и девочек из Уискассетт-Хоум (туда помещали девушек, нарушивших закон, но не совершивших тяжелых преступлений) и платить им по три цента за квартиру. Они бы брали эти деньги и считали себя счастливыми, получив возможность пожить на свежем воздухе. Вместо этого он платил им по семь центов, сколько просили и получали местные подростки.

* Роберт Баден-Пауэлл (1857—1941) — основатель скаутского движения.

Перевозку на поле и обратно Гарри Блуноут оплачивал из собственного кармана.

Гарри был высоким, долговязым стариком янки с изрезанным глубокими морщинами лицом и выцветшими глазами. Тот, кто смотрел в них слишком долго, уходил в полной уверенности, что это глаза безумца. Гарри не состоял ни в «Грандже», ни в какой-то еще фермерской ассоциации. Да они бы его к себе и не приняли. Не могли принять человека, который нанимал преступников для сбора ягод. И они были *преступниками*, черт побери, что в шестнадцать лет, что в шестьдесят один. Они приезжали в добропорядочный маленький городок, и добропорядочные горожане чувствовали, что должны запереть двери. Должны настороженно поглядывать на незнакомых подростков, шагающих по дороге. Юношей и девушек. Соберите их вместе, преступников-юношей и преступниц-девушек, и что вы получите, как не Содом и Гоморру? Все так говорили. Это нехорошо. Особенно когда ты пытаешься воспитать своих детей так, чтобы они не сходили с пути истинного.

Сезон сбора черники продолжался со второй недели июля по третью или четвертую неделю августа. Блуноут построил десять домиков на берегу реки Ройял, которая протекала по его территории. Шесть для юношей и четыре для девушек, последние чуть в отдалении от первых. С учетом их расположения относительно реки юноши жили в домах-на-стремнине, девушки — в домах-в-излучине. Один из сыновей Блуноута, Дуглас, приглядывал за постояльцами домов-на-стремнине. Каждый июнь Блуноут давал объявление в газету, ему требовалась женщина, которая могла бы жить в домах-в-излу-

чине, совмещая обязанности комендантши и поварихи. Платил он ей хорошо, и тоже из собственного кармана.

Вся эта скандальная история всплыла на городском собрании, когда коалиция Юго-Западной излучины попыталась провести повышение налогов на землю Блуноута. С той целью, чтобы свести к минимуму его прибыль и положить конец этим программам социальной благотворительности, от которых на милую несло коммунизмом.

Блуноут не произнес ни слова до самого конца дискуссии. Только его сын Дуг да двое-трое друзей-соседей стояли за него горой. А потом, когда мистер Ведущий уже собрался закрыть обсуждение, он поднялся и попросил слова. Получил его, пусть большей части участников собрания слушать Блуноута совсем не хотелось.

Сказал он следующее:

— За время уборки урожая ни у одного из вас ничего не пропало. Не было ни угона автомобиля, ни взлома дома, ни поджога сарая. Ни у кого не украли даже столовой ложки. Я хочу лишь одного — показать этим детям, что дает человеку добропорядочная жизнь. Как они себя поведут после того, как это увидят, зависит только от них. Неужто никто из вас никогда не увязал в грязи так, что не мог вылезти без посторонней помощи? Я не спрашиваю вас, как вы можете так себя вести и продолжать называться христианами, потому что один из вас наверняка найдет ответ в том, что я называю «Святой-Джо-сделай-по-моему» Библией. Но святая ворона! Как вы можете по воскресеньям читать главу о доб-

ром самаритянине, а уже в понедельник вечером говорить такое, как сейчас?

Вот тут взорвалась Беатрис Маккафферти. Тяжело поднялась с раскладного стула, который благодарно заскрипел, и, не дожидаясь разрешения мистера Ведущего, закричала:

— Хорошо, давайте с этим разберемся! С тем, что там творится! Ты хочешь стоять здесь, Гарри Блуноут, и говорить, что между мальчиками в одних домиках и девочками в других ничего не происходит? — Она оглядела присутствующих, суровая, как лопата. — Я вот думаю, а может, мистер Блуноут только вчера родился? Интересно, знает ли он, что происходит глубокой ночью, если это не грабеж и не поджог сарая?

Гарри Блуноут молча выслушал эту тираду. Стоял по другую сторону зала собраний, заложив большие пальцы рук за подтяжки. Лицо его оставалось таким же дымчато-ржавым, как и у любого другого фермера. Только в уголках глаз вроде бы прыгали смешинки. Может, и нет. А когда понял, что продолжения не будет, ответил спокойно и сухо:

— Я никогда не подглядывал, Беатрис, но чертовски уверен, что это не изнасилование.

После чего вопрос «отложили для последующего обсуждения». Такой в современной Новой Англии является вежливая формулировка понятия «навсегда положить под сукно».

Джон Челцман и другие мальчишки из Хеттон-Хауза с самого начала с нетерпением ждали этой поездки, а вот Блейз сомневался. Когда речь захо-

дила о «работе на стороне», он сразу вспоминал ферму Боуи.

Той-Джем только и говорил о том, что найдет девушку, с которой «станцует джаз». Блейз не считал необходимым тратить на это так много времени. Он все еще вспоминал Марджори Турлау, но какой смысл думать об остальных? Девушки любили крутых парней, которые могли показать себя, как те парни в фильмах.

А кроме того, девушки его пугали. Пойти в туалетную кабинку Хеттон-Хауза с драгоценным экземпляром «Герл дайджест» Той-Джема и погонять шкурку — его это полностью устраивало. Доставляло удовольствие, когда становилось невмоготу. Из услышанного от других парней следовало, что ощущения, которые ты получаешь от дрочки и от того самого, совершенно одинаковые, и к тому же у дрочки был еще один плюс: ты мог делать это хоть пять раз на дню.

В пятнадцать лет Блейз окончательно превратился в здоровяка. Ростом шесть с половиной футов, с плечами шириной (Джон измерил веревкой) двадцать восемь дюймов. Волосы у него были каштановые, жесткие, густые, блестящие. Если он растопыривал пальцы, то кончик мизинца отстоял от кончика большого пальца на фут, то есть кулаки впечатляли. А бутылочно-зеленые, яркие, притягивающие глаза совсем не казались глазами тупицы. Рядом с ним другие юноши его возраста выглядели пигмеями и тем не менее частенько подшучивали над ним. Они признали Джона Челцмана (теперь его звали Джей-Си или Джиперс Крайп*) персо-

* Джей-Си — по инициалам JC (John Cheltzman). Jeepsers Cripe — от английского «Jeepsers Cripes!» (Вот это да! Черт возьми!).

нальным талисманом Блейза, а после загула в Бостоне оба парня стали народными героями закрытого общества Хеттон-Хауз. Впрочем, Блейз занял в этом обществе еще более почетное место. И любой, кто когда-нибудь видел малышей, облепивших сенбернара, поймет, о чем речь.

Когда они прибыли на черничную плантацию, Дуги Блуноут уже ждал их, чтобы развести по домикам. Сказал им, что в это лето они будут делить домики-на-стремнине с полудюжиной парней из исправительного центра Саут-Портленда. Все разом поджали губы. Парни из Саут-Портленда славилась своей драчливостью.

Блейза определили в домик номер 3, с Джоном и Той-Джемом. После поездки в Фасолевый город Джон еще больше похудел. Его ревмокардит доктор Хеттон-Хауза (курящий «кэмел» старичок, которого звали Дональд Хут) принял за грипп. В результате болезнь свела Джона в могилу. Но годом позже.

— Вот ваш дом. — Лицом Дуглас Блуноут напоминал отца, за исключением странно выцветших глаз. — До вас тут жили многие мальчики. Если дом вам понравится, заботьтесь о нем, чтобы его смогли использовать мальчики и после вас. Здесь есть дровяная печь на случай, если вы замерзнете, хотя я в этом сомневаюсь. Кроватей четыре, так что вы можете выбирать. Если мы возьмем кого-то еще, ему придется спать на оставшейся. Для закусок и кофе есть электрическая плитка. Перед тем как выйти из дома утром, обязательно выдерните штепсель из розетки. Перед тем как вечером улечься спать, обязательно выдерните штепсель из розетки.

Вот пепельницы. Ваши бычки должны быть здесь. Не на полу. Не во дворе. Никакой выпивки и игры в покер. Если я или мой отец поймаем вас выпивающими или играющими в покер, вы отсюда уезжаете. Никаких вторых шансов. Завтрак в шесть. В большом доме. Ленч в полдень, вам привезут его туда. — Он махнул в сторону черничных полей. — Ужин в шесть, в большом доме. Начнете работать завтра в семь. Доброго вам дня, джентльмены.

После его ухода они осмотрели дом. Как выяснилось, не самое плохое место. Плита — старинный «Инвинсибл» с небольшой жаровней. Кровати на полу. Впервые за долгие годы им предстояло спать не на двухъярусных нарах. Они обнаружили, что в доме, помимо кухни, есть одна большая общая комната и две спальни. Был и книжный шкаф — ящик из-под апельсинов. В «шкафу» лежали четыре книги: Библия, руководство по сексу для молодых людей, «Десять вечеров в баре»* и «Унесенные ветром». Выцветший ковер лежал на полу, а сам пол, из свободных, не сцепленных друг с другом досок, отличался от плиточных и навощенных полов Хеттон-Хауза. Эти доски громыхали под ногой.

Пока другие застилали кровати, Блейз вышел на крыльцо, чтобы посмотреть на реку. В этом месте она текла уже не так быстро, но чуть выше по течению он слышал убаюкивающий гул порога. Искривленные деревья, ивы и дубы, нависали над водой, словно любовались своими отражениями. Стрекозы и мошкара кружили над самой по-

* «Десять вечеров в баре» — роман популярного американского писателя Тимоти Шейя Артура (1809–1885), созданный в 1854 году.

верхностью, иногда касаясь воды. Где-то далеко стрекотала цикада.

Блейз почувствовал, как в нем начинает ослабевать напряжение.

Сел на верхнюю ступеньку крыльца. Через какое-то время появился Джон, примостился рядом.

— Где Той? — спросил Блейз.

— Читает эту секс-книгу. Ищет картинки.

— Нашел хоть одну?

— Пока нет.

Они посидели, помолчали.

— Блейз?

— Что?

— Не так чтобы плохо, а?

— Не так.

Но он по-прежнему помнил ферму Боуи.

В большой дом они пошли к половине шестого. Тропа вилась по берегу реки и скоро привела их к домам-в-излучине, где поселились с полдюжины девушек.

Парни из Хеттон-Хауза и драчуны из Саут-Портленда продолжали идти, словно общались с девушками (девушками с грудями!) каждый чертов день. Девушки присоединились к ним, некоторые красили губы, болтая друг с другом, словно парней (парней с юношеским пушком на щеках) видели рядом так же часто, как мух. Одна или две были в нейлоновых чулках, остальные — в носочках. Все как одна скатали носочки вниз до щиколоток. Прыщи тщательно запудрили, иногда толщина слоя пудры не уступала толщине глазировки торта. Одна из девушек, к зависти остальных, накрасила веки зелены-

ми тенями. Все в совершенстве умели крутить бедрами при ходьбе. Походку эту Джон Челцман позднее окрестил «Шлюха на охоте».

Один из драчунов Саут-Портленда отхаркнул и сплюнул. Затем вырвал стебелек люцерны и зажал в зубах. Другие парни пристально наблюдали за этим действием, пытаясь придумать какой-то (какой угодно) способ продемонстрировать свое полное безразличие к прекрасному полу. Большинство отхаркнули и сплюнули. Некоторые оригиналы сунули руки в задние карманы. Кое-кто использовал обе идеи.

Парням из Саут-Портленда было, пожалуй, проще. Как ни крути, в большом городе девушек хватало. Матери парней из Саут-Портленда могли быть алкоголичками, наркоманками, подзаборными шлюхами, их сестры могли за пару баксов гонять желающим шкурку, но драчуны хотя бы имели представление о девушках.

Парни из Хеттон-Хауза жили в чисто мужском обществе, практически изолированном от окружающего мира. Их сексуальное образование ограничивалось лекциями местных священников. Большинство из этих деревенских проповедников объясняли мальчикам, что от мастурбации люди становятся глупее, а половой акт чреват тем, что пенис может почернеть от болезни и даже начать гнить. У парней также были эротические журналы Той-Джема («Герл дайджест» — самый последний и самый лучший). Идеи о том, как говорить с девушкой, они могли почерпнуть лишь из фильмов. Насчет самого полового акта идей у них не было вовсе, потому что, как с грустью изрек однажды Той, траханье показывают только во французских фильмах. А единственным

французским фильмом, который они видели, был «Французский связной»*.

Так что путь от домов-в-излучине до большого дома они прошли в напряженном (но не враждебном) молчании. Если бы они не прилагали все силы, чтобы понять, как вести себя в столь новой для всех ситуации, то кто-нибудь бросил бы взгляд на идущего сзади Дуга Блуноута и заметил, с каким трудом тому удается сдерживать смех.

Когда они вошли, Гарри Блуноут стоял у двери столовой. Юноши и девушки таращились на репродукции на стенах (Карриер-и-Айвс, Н. К. Уайет**), старую мебель, длинный обеденный стол с вырезанными на скамьях надписями — «КОГДА Я ЕМ, Я ГЛУХ И НЕМ» на одной и «СЯДЬ ГОЛОДНЫМ, ВСТАНЬ СЫТЫМ» на другой. Но главным образом они смотрели на большой, написанный маслом портрет на восточной стене. Марианн Блуноут, умершей жены Гарри.

Они могли полагать себя повидавшими жизнь, и в каком-то смысле это не противоречило истине, но все они были еще детьми, только-только осознающими свою принадлежность к тому или другому полу. Они инстинктивно формировали себя в тех людей, какими им предстояло прожить всю жизнь. Блуноут не собирался им в этом мешать. Когда они входили в столовую, он пожимал каждому или каж-

* «Французский связной» — американский фильм с американскими актерами. Французского там только место действия.

** Карриер-и-Айвс — издательство, специализирующееся на репродукциях. Ньюэлл Конверс Уайет (1882–1945) — известный американский художник и иллюстратор.

дой руку. Уважительно кивал девушкам, не подавая виду, что те размалеваны, как куклы «Кьюпи»*.

Блейз вошел последним. Он возвышался над Блуноутом на полфута, но шаркал ногами и смотрел в пол, всей душой желая вернуться в Хеттон-Хауз. Все было так сложно. Так ужасно. Его язык прилип к нёбу. Не глядя, он протянул руку.

Блуноут ее пожал.

— Господи, ну ты и здоровяк! С твоим ростом не так-то легко собирать ягоды.

Блейз тупо посмотрел на него.

— Хочешь водить грузовик?

Блейз вытаращился на Блуноута. Что-то застряло у него в горле и не желало проваливаться вниз.

— Я не умею управлять автомобилем, сэр.

— Я тебя научу, — ответил Блуноут. — Это не сложно. А пока иди и поешь.

Блейз прошел в столовую. Стол из красного дерева блестел. Тарелки поставили по обеим длинным сторонам. Над столом сияла люстра, совсем как в кино. Блейз сел, его бросало то в жар, то в холод. Слева от него сидела девушка, и он смутился еще больше. Всякий раз, когда он смотрел в ее сторону, взгляд цеплялся за выпирающие груди. Он пытался что-то с этим сделать и не мог. Они просто... были. Занимали свое место в этом мире.

Еду приносили Блуноут и комендантша. Они приготовили жаркое и целую индейку. На столе появилась огромная деревянная миска с салатом

* Кукла «Кьюпи» — большеглазая белокурая кукла-голыш, создана на основе рисунка, на котором был изображен прелестный малыш Купидон. Его уменьшительное имя и стало названием игрушки.

и три вида приправ к нему. Блюда с тушеной фасолью, с горошком, с нарезанной морковкой. И керамический котелок с картофельным пюре.

Когда еда уже стояла на столе и все уселись перед сверкающими тарелками, в столовой повисла тишина. Юноши и девушки смотрели на все эти яства и, похоже, никак не могли понять, явь это или галлюцинация. У кого-то заурчало в животе. Казалось, грузовик проехал по бревенчатому мосту.

— Ладно, — подал голос Блуноут. Он сидел во главе стола, его сын Дуг — напротив. — Давайте помолимся.

Все наклонили головы в ожидании молитвы.

— Господи, — продолжил Блуноут, — благослови этих юношей и девушек. И благослови еду им на пользу. Аминь.

Они в недоумении переглядывались, стараясь понять, шутка ли это. Аминь означало, что они могут есть, но если так, это была самая короткая чертова благодарственная молитва в истории этого мира.

— Передайте мне жаркое, — попросил Блуноут.

И команда сборщиков черники навалилась на еду.

На следующее утро после завтрака Блуноут и его сын подъехали к большому дому на двух двухтонных «фордах». Юноши и девушки забрались в машины, и их отвезли на первое черничное поле. В это утро девушки надели брюки. Лица опухли после сна, да и косметикой практически никто не воспользовался. Так что лица стали моложе, мягче.

Начались разговоры. Поначалу все чувствовали себя неловко, но быстро освоились. Когда грузо-

вички особенно сильно подбрасывало на ухабах, все смеялись. Официальных представлений не потребовалось. У Салли Энн Робишо оказалась пачка «Уинстона», и она поделилась со всеми. Сигарета досталась даже Блейзу, который сидел у заднего борта. Один из драчунов Саут-Портленда начал обсуждать эротические журналы с Той-Джемом. Как выяснилось, этот парень, Брайан Уик, приехал на ферму Блуноута, вооруженный журналом карманного формата, который назывался «Фицци». Той признал, что слышал о «Фицци» много хорошего, и они тут же договорились об обмене. Девушкам удавалось одновременно игнорировать этот разговор и выглядеть негодующими.

Они прибыли. Низкие кусты черники посинели от ягод. Гарри и Дуг Блуноуты откинули задние борта, и все спрыгнули на землю. Проходы разделяли поле на длинные ряды. На низких стойках реяли белые флажки. Подъехал еще один грузовик, размером побольше, возрастом постарше. С высокими брезентовыми бортами. За рулем сидел невысокий негр, которого звали Сонни. Блейз так и не услышал, чтобы Сонни произнес хоть слово.

Блуноуты выдали всем сборщикам грабли для сбора черники, с короткой ручкой и частыми зубчиками. Не получил грабель только Блейз.

— Эти грабли специально сконструированы так, чтобы снимать с куста только спелые ягоды, — объяснил Гарри Блуноут. У него за спиной Сонни вылез из кабины грузовика с удочками в руках. Нахлобучил на голову соломенную шляпу и направился через поле к деревьям. Ни разу не оглянувшись. — Но, — Блуноут поднял палец, — будучи изобре-

нием рук человеческих, они несовершенны. Срываю и часть листьев, и зеленые ягоды. Пусть это вас не волнует и не сбивает вам темп. Мы их выберем в сарае. А вы работаете здесь, поэтому на ваших заработках это никак не отразится. Понятно?

Брайан и Той-Джем, которые к концу дня стали неразлучными друзьями, стояли бок о бок, скрестив руки на груди. Оба кивнули.

— А теперь, чтоб вы знали, — продолжил Блуноут, и его странно-блеклые глаза блеснули. — Я получаю двадцать шесть центов за квартиру. Вы получаете семь. Вроде бы я зарабатываю по девятнадцать центов на вашем поту, но это не так. После всех расходов мне остается по десять центов с квартиры. На три больше, чем получаете вы. Эти три цента и называются капитализмом. Мое поле, моя прибыль, вы получаете часть. Чтоб вы знали, — повторил он. — Возражения есть?

Возражений не последовало. Их загипнотизировал жаркий свет утреннего солнца.

— Ладно, я нашел себе водителя, им будешь ты, Жеребец. Мне нужен учетчик. Ты, парень. Как тебя зовут?

— Э... Джон. Джон Челцман.

— Подойди сюда.

Он помог Джону забраться в грузовик с брезентовыми бортами и объяснил, что нужно делать. В грузовике стояли ведра из оцинкованной стали, к каждому клеилась полоска белого пластыря. От Джонни требовалось бегать по полю и разносить пустые ведра всем, кто вскидывал руку. На полных он должен был писать фамилию сборщика. В кузове ведра устанавливались в гнезда специальной

рамы, чтобы не перевернулись при транспортировке и черника не просыпалась. Там же стояла и деревянная грифельная доска для ведения общего счета.

— Давай, сынок, — закончил Блуноут. — Построй всех и выдай им ведра.

Джон покраснел, откашлялся и шепотом предложил всем выстроиться в шеренгу по одному. При этом выглядел он так, словно ждал, что сейчас на него набросятся с кулаками. Вместо этого все выстроились. Некоторые девушки повязывали голову платком или отправляли в рот пластинку жевательной резинки. Джон раздал всем ведра, написав на белой полоске фамилию каждого большими печатными буквами. Юноши и девушки выбрали себе по ряду, и дневная работа началась.

Блейз стоял рядом с грузовиком и ждал. Грудь его распирала невероятная радость. Уже не один год он мечтал о том, чтобы сесть за руль. Блуноут словно прочитал тайну его сердца. Если он действительно хотел научить Блейза водить грузовик.

Блуноут подошел к нему.

— Как они тебя зовут, сынок? Помимо Жеребца?

— Блейз, иногда. Иногда Клай.

— Хорошо, Блейз, подойди сюда. — Блуноут подвел его к кабине, открыл дверцу, сел за руль. — Это трехскоростной «Интернэшнл харвестер». То есть у него три передачи для движения вперед и одна задняя. Вот эта палка, что торчит из пола, — ручка переключения коробки передач. Видишь ее?

Блейз кивнул.

— Моя левая нога стоит на педали сцепления. Видишь?

Блейз кивнул.

— Нажимаешь на нее, если хочешь перейти с одной передачи на другую. Когда поставил ручку переключения в нужное положение, отпускаешь. Будешь отпускать слишком медленно, двигатель заглохнет. Отпустишь слишком быстро, рывком, рассыплешь все ягоды, твой друг шлепнется на задницу, потому что автомобиль дернется. Понимаешь?

Блейз кивнул. Юноши и девушки уже чуть продвинулись по своим первым рядам. Дуг Блуноут переходил от одного подростка к другому, показывая, как лучше держать грабли, чтобы избежать мозолей. Он также показывал им, что каждое поступательное движение следует заканчивать легким поворотом кисти, тем самым сбрасывая листочки и маленькие веточки.

Старший Блуноут откашлялся и сплюнул.

— О передачах не волнуйся. Для начала тебе понадобятся только первая и задняя. Теперь смотри сюда, я покажу, как они включаются.

Блейз наблюдал. Ему потребовались годы, чтобы освоить сложение и вычитание (перенос чисел оставался для него загадкой, пока Джон не предложил ему представлять их ведрами с водой). А вот основные навыки вождения автомобиля он усвоил за одно утро. Лишь дважды у него заглох двигатель. Позднее Блуноут сказал сыну, что никогда не видел человека, который так быстро научился выдерживать тонкий баланс между педалями сцепления и газа. Блейз слышал от него другое: «Все идет у тебя хорошо. Только не наезжай на кусты».

Блейз не только учился водить автомобиль. Он также забирал полные ведра, передавал их Джону, получал от него пустые и относил сборщикам. И весь

день с его лица не сходила улыбка. Счастье Блейза, как микроб, заразило всех.

Около трех часов дня разразилась гроза. Подростки набились в большой грузовик, строго выполняя приказ Блуноута смотреть, куда садятся.

— За руль сяду я, — добавил он, поднимаясь на подножку. Увидел вытянувшееся лицо Блейза и улыбнулся. — Придет и твой черед, Жеребец... то есть Блейз.

— Хорошо. А где Сонни?

— Готовит обед, — ответил Блуноут, выжав педаль сцепления и включив первую передачу. — Свежую рыбу, если нам повезет; мясное жаркое, если нет. Поедешь со мной в город после обеда?

Блейз кивнул, от счастья не в силах вымолвить ни слова.

В тот вечер он вместе с Дугласом наблюдал, как Гарри Блуноут торговался с покупателем из «Федерал фудс, инк.» и получил-таки свою цену. Когда поехали домой, за руль «форда» сел Дуглас. Все молчали. Глядя на дорогу, бегущую под лучами фар, Блейз подумал: «Я куда-то иду». Потом подумал: «Я куда-то пришел». Первая мысль наполнила его счастьем. От второй счастье захлестнуло его с головой, даже захотелось плакать.

Дни складывались в недели, ничем не отличаясь друг от друга. Ранний подъем. Плотный завтрак. Работа до полудня. Плотный ленч в поле (Блейз мог съесть четыре сандвича, и никто не говорил ему ни слова). Работа до послеполуденной грозы или до того момента, как Сонни звонил в большой бронзовый обеденный колокол. Его гулкие удары далеко разно-

сились по жаркому дню, напоминая звон, который слышишь в ярком сне.

Блуноут начал разрешать Блейзу ездить на поле и обратно по второстепенным дорогам. Грузовик он водил все лучше, выказывая просто гениальные способности. Ни единожды не рассыпал ни одного из контейнеров с ягодами, установленных в деревянную решетку. После обеда часто ездил в Портленд с Гарри и Дугласом и наблюдал, как Гарри продает чернику представителям различных продовольственных компаний.

Июль исчез, скрылся там, куда уходят закончившиеся месяцы. Минула половина августа. До конца лета оставалось совсем ничего. Мысли об этом вызывали у Блейза грусть. Скоро возвращение в Хеттон-Хауз. Потом зима. Блейз с ужасом думал об еще одной зиме в Хеттоне.

Он понятия не имел о том, как сильно приглянулся Гарри Блуноуту. Большой мальчик был рожденным миротворцем, и никогда сбор ягод не шел так хорошо. Лишь однажды подрались двое мальчишек. Обычно драк бывало не меньше шести. Генри Жиллетт обвинил другого парня из Саут-Портленда в жульничестве при игре в «очко» («очко» — не покер, так что запрет Блуноута формально не нарушался). Блейз просто поднял Жиллетта за шкуру и вынес вон. Потом заставил другого парня вернуть Жиллетту деньги.

А потом, в третью неделю августа, случилось знаменательное. Блейз потерял девственность.

Девушку звали Энн Брэдстей. Она попала в Питтсфилд за поджог. Они с бойфрендом, прежде чем их

поймали, успели поджечь шесть хранилищ картофеля, расположенных между Прескью-Айл и Марс-Хилл. Подожгли, по их словам, потому что не могли придумать себе другого занятия. И им нравилось наблюдать, как горят хранилища. Энн сказала, что Кертис приходил к ней и говорил: «Пойдем поглядим, как готовится картофель фри», — и они шли. Судья (он потерял в Корее сына, которому тогда было столько же лет, сколько и Кертису Пибблу) не оценил такой скуки, не проявил ни малейшего сочувствия. И приговорил бойфренда Энн к шести годам в Шоушенке, тюрьме штата Мэн.

Энн получила год в — как говорили девушки — Питтсфилдской фабрике «Котекс». Если на то пошло, она ничего не имела против. Отчим изнасиловал ее, когда ей было тринадцать, старший брат бил, когда напивался, что случалось часто. В сравнении с такой семейной жизнью Питтсфилд казался увеселительной поездкой.

Энн не была побитой жизнью девушкой с золотым сердцем — просто побитой. Озлобленностью не отличалась, а вот от своего не отказывалась, блестящее высматривала, как ворона. Той, Брайан Уик и еще двое парней из Саут-Портленда объединили свои ресурсы и предложили Энн четыре доллара за соблазнение Блейза. Безо всякого мотива, кроме любопытства. Никто ничего не сказал ни Джону Челцману (боялись, что он передаст Блейзу), ни Дугу Блуноуту, но все остальные знали.

Каждый вечер кто-нибудь из юношей, которые жили в домах-на-стремнине, шел в большой дом с двумя ведрами для воды: из одного пили, из другого умывались. В этот вечер идти предстояло Тою,

но он сослался на боль в животе и предложил Блейзу четвертак, если тот принесет воды.

— Не надо, все нормально, я и так принесу, — ответил Блейз и взял ведра.

Той подмигнул сэкономленному четвертаку и пошел к своему другу Брайану.

Ночь выдалась темной и благоухающей. Оранжевая луна только что поднялась. Блейз шел мерным шагом, ни о чем не думая. Ведра, которые он нес в одной руке, стукались друг о друга. Когда ладонь легла на его плечо, он едва не подпрыгнул.

— Могу я пойти с тобой? — спросила Энн и подняла свои ведра.

— Конечно, — ответил Блейз. А потом его язык прилип к небу, и он начал краснеть.

Бок о бок они пошли к колодцу. Энн тихонько посвистывала сквозь почерневшие зубы.

Когда пришли, Блейз сдвинул крышку. Глубина колодца не превышала двадцати футов, но галька, сброшенная в эту каменную, уходящую вниз трубу, падала в воду с загадочным, глухим всплеском. Вокруг забетонированной площадки в изобилии росли тимофеевка и розы. Полдюжины дубов, как часовые, стояли полукругом. Луна светила сквозь крону одного из них, подсвечивая листву.

— Могу я набрать тебе воды? — спросил Блейз. Его уши горели.

— Да? Это будет чудесно.

— Конечно, — ответил он, не задумываясь над ее словами. — Конечно, будет.

Он подумал о Марджи Турлау, хотя девушка ничем ее не напоминала.

На колодше лежала веревка, привязанная к вделанному в бетон железному кольцу. Блейз привязал свободный конец к одному из ведер. Бросил в колодец. Раздался всплеск. Они подождали, пока ведро наполнится.

Энн Брэдстей соблазнять не умела. Поэтому просто положила руку на промежность Блейза и ухватила за член.

— Эй! — в удивлении воскликнул он.

— Ты мне нравишься, — сказала она. — Почему бы тебе не трахнуть меня? Хочешь?

Блейз смотрел на нее, остолбенев от изумления... хотя одна часть его тела, в ее руке, ясно давала понять, каким будет ответ. Девушка подняла подол длинного платья, обнажив бедра. Худенькие, конечно, но лунный свет лъстил ее лицу. Как и тени.

Блейз неуклюже поцеловал ее, облапив руками.

— Слушай, а у тебя тут целая дубина, да? — спросила она, жадно хватая ртом воздух (и еще сильнее сжимая член). — Только осторожнее, хорошо?

— Конечно, — ответил Блейз и поднял ее на руки. Унес с бетона, уложил на тимофеевку. Растегнул ремень. — Но я ничего об этом не знаю.

Энн улыбнулась, не без горечи.

— Это легко, — ответила она. Задрала платье выше бедер. Трусиков на ней не было. В лунном свете он увидел треугольник темных волос и подумал, что умрет, если будет слишком долго на него смотреть.

Она деловито указала:

— Сунь свою штуковину сюда.

Блейз стянул штаны и взгромоздился на нее. С расстояния двадцати футов, спрятавшись в вы-

соких кустах, Брайан Уик посмотрел на Той-Джема широко раскрытыми глазами.

— Ну и агрегат у него там, — прошептал он.

Той постучал себя по виску и также шепотом ответил:

— Похоже, Бог, когда взял здесь, прибавил там. А теперь заткнись.

Они повернулись, чтобы наблюдать за происходящим у колодца.

На следующий день Той упомянул, что, судя по разговорам, Блейз сходил вчера к колодцу не только за водой. Блейз враз стал пунцовым и оскалил зубы перед тем, как выйти из домика. Больше затрагивать эту тему Той не решался.

Блейз стал кавалером Энн. Ходил за ней хвостом, дал ей второе одеяло, чтобы она не замерзла ночью. Энн все это нравилось. По-своему она влюбилась в Блейза. До конца уборочного сезона за водой ходили только она и он, и никто не сказал ни слова. Да и кто бы посмел?

Вечером предпоследнего дня (назавтра они возвращались в Хеттон) Гарри Блуноут спросил Блейза, не сможет ли тот задержаться после ужина на пару минут. Блейз ответил: «Конечно», — но ему стало как-то не по себе. Поначалу он подумал, что Блуноут рассердился, узнав о том, чем они с Энн занимались у колодца. Его это огорчило, потому что мистер Блуноут ему нравился.

Когда все ушли, Блуноут раскурил сигару, дважды прошелся вдоль стола, с которого уже убрали

грязную посуду. Откашлялся. Взъерошил и без того растрепанные волосы. Потом чуть ли не рявкнул:

— Послушай, ты хотел бы остаться?

У Блейза отвисла челюсть. Он не мог осознать разницу между тем, что, по его мнению, собирался сказать мистер Блуноут, и сказанным в действительности.

— Ну? Хотел бы?

— Да, — выдохнул Блейз. — Да, конечно. Я... конечно.

— Хорошо. — На лице Блуноута отразилось облегчение. — Потому что Хеттон-Хауз — не место для такого, как ты. Ты — хороший мальчик, но тебя нужно вести за руку. Ты очень стараешься, но... — Он указал на голову Блейза. — Как это произошло?

Рука Блейза незамедлительно поднялась к вмятине на лбу. Он покраснел.

— Ужасная, правда? Если смотреть на нее. Жуткая.

— Конечно, зрелище не очень, но я видел и похуже. — Блуноут плюхнулся в кресло. — Как это произошло?

— Мой отец сбросил меня с лестницы. У него было похмелье или что-то такое. Я этого не помню. И потом... — Он пожал плечами. — Вот и все.

— Вот и все, значит? Что ж, полагаю, так и есть. — Блуноут встал, подошел к кулеру в углу, налил воды в бумажный стаканчик. — Я сегодня ходил к врачу... откладывал все, но пошел, из-за этих трепыханий в груди... и он сказал мне, что все у меня в порядке. Меня это обрадовало. — Он выпил воду, смял стаканчик, бросил в мусорную корзину. — Человек

стареет, и никуда тут не денешься. Ты об этом еще не знаешь, но у тебя все впереди. Человек стареет, и прожитая жизнь начинает казаться ему сном, который он увидел, прикорнув после обеда. Ты понимаешь?

— Конечно. — Блейз не услышал ни слова. Жить здесь, у мистера Блуноута! Он только начал осознавать, что все это значило.

— Я просто хотел убедиться, что поступлю правильно, если поеду и заберу тебя. — Блуноут указал на портрет женщины на стене. — *Она* любила мальчиков. Родила мне троих, умерла при последних родах. Дуги — мой средний сын. Старший в штате Вашингтон, строит самолеты для «Боинга». Младший несколько лет назад погиб в автоаварии. Это печально, но мне нравится думать, что он сейчас со своей мамочкой. Возможно, это глупая идея, но мы ищем утешения где только можно. Верно, Блейз?

— Да, сэр, — ответил Блейз. Он думал об Энн у колодца. Об Энн в лунном свете. Потом увидел слезы в глазах Блуноута. Они его потрясли и немного испугали.

— Иди, — кивнул мистер Блуноут. — И не слишком задерживайся у колодца, хорошо?

Но он задержался у колодца. Рассказал Энн о том, что произошло, и она кивнула. Потом тоже начала плакать.

— Что не так, Энн? — спросил он. — Что не так, дорогая?

— Ничего, — ответила она. — Набери мне воду, а? Я отнесу ведра.

Когда он набирал воду, она восхищенно смотрела на него.

В последний день сбор черники закончился в час пополудни, и даже Блейз видел, что добыча крайне невелика. Ягод больше не было.

Теперь он практически всегда вел грузовик. И сидел за рулем (двигатель работал на холостых оборотах), когда Блуноут закричал:

— Заканчиваем! Все в кузов! Блейз отвезет вас! Переодевайтесь и приходите в большой дом! На торт и мороженое!

Все сгрудились у заднего борта, крича и толкаясь, как малышня, и Джону пришлось осадить их, чтобы они не передавили чернику. Блейз улыбался. И чувствовал, что улыбка эта может остаться на лице до конца дня.

Блуноут подошел к кабине со стороны пассажирского сиденья. Несмотря на загар, его лицо стало бледным, на лбу выступили капельки пота.

— Мистер Блуноут? Вы в порядке?

— Конечно! — И Гарри Блуноут улыбнулся в последний раз в жизни. — Съел слишком много за ленчем. Отвези их, Блей...

Он схватился за грудь. По обеим сторонам шеи выступили жилы. Он в упор смотрел на Блейза, но, похоже, не видел его.

— Что с вами? — спросил Блейз.

— Сердце, — ответил Блуноут и упал лицом вперед. Лбом ударился о металлический приборный щиток. На мгновение ухватился за обивку сиденья обеими руками, словно мир переворачивался, а он

искал точку опоры, потом сполз в открытую дверцу и упал на землю.

Дуги Блуноут уже обходил грузовик со стороны капота. Теперь побежал.

— Папа!

Блуноут умер на руках сына во время дикой, с подпрыгиванием на всех ухабах, гонки к большому дому. Блейз ничего не замечал. Согнулся над рулем старого «харвестера» и гнал грузовик, как бешеный.

Блуноут содрогнулся всем телом, раз, другой, словно собака под дождем, и затих.

Миссис Брикер, комендантша женского лагеря, выронила кувшин с лимонадом, когда они занесли Гарри Блуноута в дом. Кубики льда разлетелись во все стороны. В гостиной Гарри положили на диван. Одна его рука упала на пол. Блейз поднял ее и положил на грудь. Она снова упала. После этого Блейз удерживал руку на груди Гарри.

Дуги Блуноут стоял в столовой у большого стола, накрытого для обеда с мороженым по случаю окончания сезона сбора ягод (около каждой тарелки лежал прощальный подарок) и что-то кричал в телефонную трубку. Остальные сборщики остались на крыльце, изредка заглядывая в дом. Все были в ужасе, за исключением Джона Челцмана, на лице которого читалось облегчение.

Прошлым вечером Блейз рассказал ему обо всем.

Приехал доктор, провел быстрый осмотр. Закончив, натянул одеяло на голову Блуноута.

Из глаз миссис Брикер, вроде бы переставшей плакать, вновь покатались слезы.

— Мороженое, — всхлипнула она. — Что нам теперь делать со всем этим мороженым? О Господи! — Она закрыла лицо фартуком, потом всю голову, как капюшоном.

— Пусть они войдут и съедят мороженое, — распорядился Дуг Блуноут. — Ты тоже, Блейз. Давай.

Блейз покачал головой. Он не сомневался, что ему уже никогда в жизни не захочется есть.

— Как скажешь. — Дуг прошелся руками по волосам. — Мне нужно позвонить в Хеттон... и Саут-Портленд, и Питтсфилд... Боже, Боже, Боже. — Он повернулся к стене и заплакал сам. Блейз просто сидел и смотрел на лежащее на диване, укрытое одеялом тело.

Универсал из Хеттон-Хауза приехал первым. Блейз сидел сзади, уставившись в пыльное стекло. Большой дом уменьшался и уменьшался в размерах, пока не исчез.

Другие мальчики потихоньку разговорились, но Блейз продолжал молчать. До него начало доходить, что же произошло. Он пытался понять — и не мог. Получалась какая-то полная бессмыслица, но тем не менее он постепенно осознавал, что это правда.

Его лицо пришло в движение. Сначала дернулся рот, потом глаза. Затряслись щеки. Он уже не мог их контролировать. Они его не слушались. Наконец он заплакал. Прижался лбом к заднему стеклу универсала и плакал. Рыдания сотрясали его, из горла вырывались звуки, похожие на лошадиное ржание.

За рулем сидел муж сестры Мартина Кослоу.

— Может, кто-нибудь заткнет ему рот, а? — спросил он.

Но никто не решился прикоснуться к Блейзу.

Через восемь с половиной месяцев Энн Брэдстей родила мальчика. Крепыша — десять фунтов девяти унций. Его определили на усыновление и практически сразу отдали бездетной паре из Сако по фамилии Уайатт. Мальчик Брэдстей стал Руфусом Уайаттом. В семнадцать лет за игру в школьной футбольной команде его признали лучшим защитником штата. Через год — лучшим защитником Новой Англии. Он поступил в Бостонский университет с намерением защитить диплом по литературе. Особенно ему нравились произведения Шелли, Китса и американского поэта Джеймса Дикки*.

Глава 19

Темнота наступила рано, закутанная в снег. К пяти часам единственным источником света в кабинете директора остался мерцающий огонь в камине. Джо спал крепко, но Блейз тревожился из-за него. Ребенок учащенно дышал, из носа текло, в груди вроде бы хрипело. На щеках расцвели ярко-красные пятна.

В детской книге указывалось, что повышение температуры часто происходит при режущихся зубках, а иногда при простуде, как один из ее симптомов.

* Джеймс Лафайетт Дикки (1923–1997) — известный американский поэт, писатель, эссеист, критик.

Простуда — Блейз это понял (что такое симптомы, он не знал). Автор писал: «Держите детей в тепле». Этому парню легко говорить. А что оставалось делать Блейзу, когда Джо просыпался и хотел поползать?

Он знал, что должен позвонить Джерардам этим вечером. Они не могли сбросить деньги с самолета в такой снегопад, но к завтрашнему вечеру снег наверняка прекратится. И вот тогда он заберет деньги, а Джо не отдаст. На хрен этих богатых республиканцев. Они с Джо теперь никогда не разлучатся. Убегут вместе. Как-то, но убегут.

Он смотрел на огонь и грезил наяву. Представлял себе, как зажигает на вырубке дорожные факелы. Видел габаритные огни приближающегося маленького самолета, летящего над самыми верхушками деревьев. Слышал осиное жужжание двигателя. Самолет направляется к световому пятну, сияющему, как торт со свечами в день рождения. Что-то белое появляется в воздухе — парашют с привязанным к нему чемоданчиком.

Потом он, Блейз, возвращается сюда. Открывает чемодан. Тот набит баксами. Каждая пачка аккуратно перевязана. Блейз пересчитывает деньги. Все точно.

А вот он уже на маленьком острове Акапулько (он полагал, что это один из Багамских островов, но признавал, что мог и ошибаться). Он купил себе домик на участке земли высоко над волнами. В домике две спальни, большая и поменьше. Во дворе за домиком два гамака, большой и поменьше.

Проходит время. Возможно, лет пять. И вот по пляжу бежит мальчуган (пляж сверкает, как влажная кожа под лучами солнца). Мальчуган загорелый.

У него длинные черные волосы, как у индейского воина. Он машет рукой. Блейз машет ему в ответ.

И вновь Блейз вроде бы услышал за спиной ускользающий смех. Резко обернулся. Никого.

Но греза рассеялась, как дым. Блейз поднялся, сунул руки в рукава куртки. Сел, натянул ботинки. Твердо решил, что обратит мечту в реальность. Цели определены, задачи поставлены, а в таких ситуациях он всегда делал то, что от него требовалось. Гордился этим. Единственным, чем мог гордиться.

Он проверил ребенка, потом вышел из кабинета. Закрыл за собой дверь, сбежал по лестнице. С пистолетом Джорджа под ремнем, на этот раз заряженным.

Ветер продувал бывшую игровую площадку с такой силой, что Блейза пошатывало, пока он не приновился. Снег летел в лицо, впивался иглами в щеки и лоб. Вершины деревьев раскачивались из стороны в сторону. Новые сугробы наматало на старый снег, толщина которого местами и так достигала трех футов. Об оставленных им следах Блейз мог не волноваться.

Он добрался до забора, жалея, что у него нет снегоступов, неуклюже перелез на другую сторону, плюхнулся в снег, доходивший до бедер, и, не разбирая дороги, двинулся на север, к «Камберленд-центр».

Торговый центр находился на расстоянии всего-то трех миль, но Блейз выдохся уже на полпути. Лицо онемело. Руки и ноги тоже, несмотря на теплые носки и перчатки. Однако он продолжал идти,

не предпринимая попыток обойти сугробы, шел напролом. Дважды переваливался через изгороди, целиком скрытые снегом, на одной колючая проволока порвала джинсы и поцарапала ногу. Он поднялся и пошел дальше, не тратя силы на то, чтобы выругаться.

Через час оказался на лесной ферме, в питомнике округа Камберленд. Здесь маленькие голубые ели уходили вдаль стройными рядами, каждая росла в шести футах от своих соседок. Теперь Блейз смог идти по длинному, прикрытому кронами коридору, где глубина снега не превышала трех дюймов. А кое-где его и вовсе не было. И Блейз знал, что шоссе находится за питомником округа Камберленд.

Добравшись до западной границы этого игрушечного леса, он сел на вершину насыпи и съехал на пятой точке на дорогу номер 289. Чуть дальше в слепящем снегу мигал свет на вершине башни, который он хорошо помнил: с двух сторон красный, с двух — желтый. А за башенкой, словно призраки, белую темноту пробивали несколько уличных фонарей.

Блейз перешел шоссе, засыпанное снегом, без единого автомобиля, и зашагал к заправочной станции «Экксон», расположенной на углу. Маленький островок света на стене из шлакоблоков вырывал из темноты телефонную будку. Похожий на снеговика Блейз втиснулся в нее. На мгновение его охватила паника: он не мог найти мелочь. Но наконец выудил два четвертака из карманов джинсов и еще один — из куртки. Потом — бул! — мелочь высыпалась в нишу для возврата денег. Справки по телефонным номерам давали бесплатно.

— Я хочу позвонить Джозефу Джерарду, — сказал он телефонистке. — В Окома-Хайтс.

Последовала короткая пауза, а потом телефонистка продиктовала ему номер. Блейз записал его на запотевшем стекле, которое укрывало телефонный аппарат от снега, понятия не имея о том, что попросил номер, отсутствующий в телефонном справочнике, и телефонистка назвала его, лишь следуя инструкциям, полученным от ФБР. Конечно, к этому номеру получали доступ и доброжелатели, и психи, но если бы похитители не смогли позвонить Джерардам, не имело бы смысла устанавливать оборудование, определяющее, откуда поступил звонок.

Блейз набрал «0» и продиктовал другой телефонистке номер Джерарда. Спросил, платный ли звонок. Оказалось, что да. Спросил, сможет ли он говорить три минуты за семьдесят пять центов. Телефонистка ответила, что нет, трехминутный разговор с Окома-Хайтс стоил доллар и девяносто центов. Нет ли у него телефонной кредитной карточки, поинтересовалась телефонистка.

Нет. У Блейза не было никаких кредитных карточек.

Телефонистка сказала, что счет за разговор могут прислать по его домашнему номеру, и в лачуге действительно был телефон (который после смерти Джорджа ни разу не зазвонил), но Блейзу хватило ума не называть номер.

— Тогда за счет вызываемого абонента, — предложила телефонистка.

— За счет абонента, да! — воскликнул Блейз.

— Ваше имя, сэр?

— Клайтон Блейсделл-младший, — без запинки ответил он. Радуюсь тому, что прошел столь длинный путь не для того, чтобы вернуться с пустыми руками из-за отсутствия мелочи, Блейз только через два часа осознал, что допустил тактическую ошибку.

— Благодарю вас, сэр.

— И вам спасибо, — ответил Блейз, довольный собой. Собственным хладнокровием.

На другом конце провода трубку сняли после первого звонка.

— Да? — В голосе слышались усталость и тревога.

— Твой сын у меня.

— Мистер, сегодня я слышал эти слова десять раз. Докажите.

Блейза услышанное потрясло. Такого он никак не ожидал.

— Ну, он не со мной, знаете ли. С ним мой напарник.

— Да? — и ничего больше. Только «да?».

— Я видел твою жену, когда входил в дом, — ничего другого Блейзу в голову не пришло. — Такая красotka. В белой ночнушке. И у вас фотография на комод... вернее, три фотографии вместе.

— Скажите мне что-нибудь еще, — раздалось с другого конца провода. Усталость из голоса исчезла.

Блейз пошарил в памяти. Ничего там не было. Ничего такого, что могло убедить этого упертого мужчину. Потом появилось.

— У старушки был кот. Потому-то она и спустилась вниз. Она думала, что я — это кот... что я... — Он все рылся и рылся в памяти. — Майки! — вос-

кликнул он. — Я сожалею, что ударил ее так сильно. Я точно не хотел, но испугался.

Мужчина на другом конце провода начал кричать. Так неожиданно.

— Он в порядке? Ради Бога, скажите, Джо в порядке?

В трубке слышались еще какие-то голоса. Вроде бы одна женщина что-то говорила. Другая кричала и плакала. Вероятно, кричала и плакала мать. Нармянки скорее всего очень эмоциональны. Как и французки.

— Не вешайте трубку! — В голосе Джозефа Джерарда (а кто еще это мог быть, как не Джозеф Джерард) слышались панические нотки. — Он в порядке?

— Да, с ним все хорошо, — ответил Блейз. — Вылез еще один зуб. Теперь у него их три. Раздражение на попке от подгузников поджигает. Я... то есть мы... мы постоянно смазываем ему попку маслом. Что за проблемы у твоей жены? Она слишком высокого о себе мнения и не может смазать ребенку попку?

Джерард дышал, как прибежавший издалека пес.

— Мы сделаем все, что вы скажете, мистер. Выполним любые ваши условия.

Блейз от этих слов даже вздрогнул. Он чуть не забыл, зачем позвонил.

— Хорошо. Вот что я хочу.

В Портленде телефонистка «АТ и Т»* докладывала специальному агенту Алберту Стерлингу:

* «АТ и Т» — «Американская телефонно-телеграфная компания», одна из крупнейших корпораций США, в 1970-е годы предоставляла до 85 процентов телефонных услуг на территории США.

— «Камберленд-центр». Телефон-автомат на заправочной станции.

— Понял, — кивнул Стерлинг и потряс кулаком.

— Завтра к восьми вечера приготовьте легкий самолет. — Блейза начала охватывать тревога. Он чувствовал, что слишком уж долго говорит по телефону. — Пусть летит вдоль шоссе номер 1 к границе Нью-Хэмпшира. Поняли?

— Подождите... я не уверен, что расслышал...

— Лучше бы тебе расслышать. — Блейз попытался имитировать интонации Джорджа. — Не пытайся задерживать меня, а не то получишь своего сына в мусорном мешке.

— Конечно, — пролепетал Джерард. — Я расслышал. Просто все записывал.

Стерлинг протянул листок бумаги Брюсу Гранджеру и рукой показал, будто крутит диск телефона. Гранджер позвонил в полицию штата.

— Пилот увидит сигнальный огонь. Деньги в маленьком чемодане пусть привяжут к парашюту. Пилот должен сбросить деньги прямо над ф... над сигнальным огнем. Ребенок будет у вас на следующий день. Я даже пришлю масло, которым я... мы... мажем ему попку. — Он вдруг понял, что может пошутить. — Причем совершенно бесплатно.

Тут он посмотрел на свою свободную руку и увидел, что скрестил пальцы, когда обещал вернуть Джо. Как маленький ребенок, который лгал впервые в жизни.

— Не кладите трубку! — вскричал Джерард. — Не знаю, правильно ли я вас понял...

— Ты парень умный. Думаю, понял правильно.

Он повесил трубку и бегом бросился прочь от заправочной станции. Он не знал, почему бежит, но не сомневался, что поступает правильно. Потому что по-другому просто нельзя. Проскочил под мигающим огнем на башне, под углом пересек шоссе, гигантскими прыжками преодолел насыпь. А потом исчез среди растущих стройными рядами голубых елей питомника округа Камберленд.

За его спиной на вершине холма появился огромный монстр, сияя белыми глазами. Он с ревом прорезал притихший воздух, выплевывая струю снега. Вместе со снегом с дорожного полотна исчезли и следы Блейза. А когда девятью минутами позже две патрульные машины остановились у заправочной станции «Экксон», снег практически занес и следы, оставленные Блейзом на насыпи, за которой находился питомник. И когда патрульные стояли у телефона-автомата, освещая фонариками землю, снег и ветер продолжали заметать следы Блейза.

Телефон Стерлинга зазвонил еще через пять минут.

— Он здесь был, — доложил патрульный с другого конца провода. В трубке Стерлинг четко слышал свист ветра. Нет, вой. — Был, но ушел.

— Как ушел? — спросил Стерлинг. — Уехал на автомобиле или пешком?

— Да кто его знает. Прямо перед нашим приездом по дороге прошел снегоочиститель. Но я бы предположил, что он уехал на автомобиле.

— Ваши предположения никого не интересуют. Заправочная станция? Кто-нибудь его видел?

— Они закрыты из-за бурана. А если бы и работали... телефон-автомат на боковой стене.

— Удачливый сукин сын, — прорычал Стерлинг. — Чертовски удачливый сукин сын. Мы окружили этот паршивый дом в Апексе — и арестовали четыре порножурнала и банку горохового пюре. Следы? Или их замел снег?

— Следы остались около телефона, — ответил патрульный. — Снег их, конечно, частично замел, но это он.

— Опять предполагаете?

— Нет. Следы большие.

— Ясно. Дороги перекрыты?

— Все дороги, большие и маленькие, будьте уверены.

— Для вывоза леса тоже?

— Конечно. — В голосе патрульного чувствовалась обида.

Стерлинг извиняться не собирался.

— Значит, деваться ему некуда. Можем мы так сказать, патрульный?

— Да.

— Хорошо. Как только погода улучшится, мы приедем туда с тремя сотнями людей. Все это слишком уж затянулось.

— Да, сэр.

— Снегоочиститель, — фыркнул Стерлинг, — это же надо! — и положил трубку.

К Хеттон-Хаузу Блейз вернулся, вымотавшись донельзя. Взобрался на забор и рухнул в снег на

другой стороне лицом вниз. Из носа текла кровь. На обратную дорогу у него ушло тридцать пять минут. Он заставил себя подняться, пошатываясь, обогнул угол, вошел в здание.

Его встретили яростные, отчаянные крики Джо.
— Господи Иисусе!

Блейз взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, и ворвался в кабинет Кослоу. Камин погас. Колыбелька перевернулась. Джо лежал на полу. С окровавленной головой. Лицо лиловое, глаза закрыты. Маленькие ручонки покрыты пылью.

— Джо! — крикнул Блейз. — Джо! Джо!

Он поднял младенца, побежал в угол, где лежали подгузники. Схватил один, промокнул рану на лбу. Кровь вроде бы текла потоком. Из раны торчала щепка. Блейз выдернул ее и бросил на пол.

Младенец задергался у него в руках, закричал еще громче. Блейз вытер кровь, крепко держа Джо, наклонился, чтобы присмотреться к ране. Хотя и с рваными краями, но без щепки она выглядела не так ужасно. Слава Богу, щепка не воткнулась в глаз. А ведь могла воткнуться!

Он нашел бутылочку и дал ее Джо холодной. Младенец схватился за нее обеими ручонками и начал жадно сосать. Тяжело дыша, Блейз нашел одеяло, завернул в него ребенка. Потом лег на свои одеяла, прижал Джо к груди. Закрыв глаза, и тут же произошло что-то ужасное: весь мир начал ускользать от него — Джо, Джордж, Джонни, Гарри Блуноут, Энн Брэдстей, птицы на проводах, ночи на дорогах.

Но через мгновение он пришел в себя.

— С этого момента мы неразлучны, Джо, — прошептал он. — У тебя есть я, а у меня ты. Все будет хорошо. Так?

Снежные заряды били в окна. Джо оторвался от соски, повернул головку и хрипло закашлялся, да так, что даже язычок высунулся изо рта. Потом вновь ухватился за соску. Блейз чувствовал, как под рукой колотится маленькое сердечко.

— Вот такой у нас расклад. — Блейз поцеловал окровавленный лобик младенца.

Заснули они вместе.

Глава 20

Сиротскому приюту Хеттон-Хауз принадлежал расположенный за кирпичными зданиями большой участок земли, который использовался под огород. Многие поколения мальчишек называли его «Огород победы». Директриса, руководившая приютом до Кослоу, особого внимания огороду не уделяла, говоря, что растениеводство — не ее конек. Но Мартин «Закон» Кослоу увидел в «ОП» как минимум два плюса. Во-первых, огород позволял сэкономить часть отнюдь не огромного бюджета Хеттон-Хауза за счет выращивания овощей. Во-вторых, давал возможность приобщить мальчишек к тяжелому физическому труду, на котором, собственно, и стоял этот мир. «Труд и математика построили пирамиды», — любил повторять Кослоу. Поэтому мальчишки весной сажали, летом пропалывали (если их не отправляли на «внешние» работы), а осенью собирали урожай.

Через четырнадцать месяцев после окончания, как выразился Той-Джем, «сказочного черничного лета» Джона Челцмана включили в команду сборщиков тыкв в северном углу «ОП». Он простудился, заболел и умер. Все произошло очень быстро. В городскую больницу Портленда он попал на Хэллоуин, тогда как остальные продолжали учиться в приюте или ездили в другие школы. Умер он в палате для нищих, в одиночестве.

С его койки в Хеттон-Хаузе сняли белье, застелили ее вновь. А потом Блейз чуть ли не целый день просидел на своей кровати, глядя на кровать Джона. Длинная спальня (они называли ее «кишка») пустовала. Остальные ушли на похороны Джонни. Для большинства это были первые в жизни похороны, поэтому им не терпелось увидеть, как что делается.

Кровать Джонни пугала и притягивала Блейза. Банка орехового масла «Шеддс», всегда запрятанная между изголовьем и стеной, исчезла — он посмотрел. Так же, как и крекеры «Риц». (После отбоя Джонни частенько говорил: «Погадь на «Риц» любой заразой, она вкуснее станет сразу», — всегда вызывая смех у Блейза.) Кровать застелили на армейский манер, туго натянув верхнее одеяло. Простыни были белыми и чистыми, хотя Джонни активно мастурбировал после отбоя. Блейз частенько лежал на своей кровати, смотрел в темноту и слышал, как мягко поскрипывают пружины: Джей-Си наяривал свой конец. Так что на его простынях всегда желтели пятна. Господи, да такие же пятна были на простынях всех мальчиков постарше. И на простыне Блейза тоже, здесь и сейчас, под ним, когда он сидел на своей кровати и смотрел на кровать Джонни. И Блейза

вдруг осенило: если он умрет, его кровать перестеляют, снимут заляпанные спермой простыни и заменят такими же, что лежали сейчас на кровати Джонни, идеально белыми и чистыми. Простынями без единой отметины, указывающей, что на них кто-то лежал, о чем-то мечтал, кто-то живой, способный оросить их спермой. И Блейз заплакал.

Этот день в начале ноября выдался безоблачным, и «кишку» заливал яркий свет. Подсвеченные солнцем квадраты и тени от оконных перекрестий лежали на кровати Джей-Си. Через какое-то время Блейз поднялся и скинул одеяло с кровати, на которой спал его друг. Забросил подушку в дальний конец «кишки». Потом сорвал простыни и сбросил матрац на пол. На этом не остановился. Перевернул кровать, положил на матрац ножками вверх. Но и этого показалось мало. Пнул ножку, но добился лишь того, что вскрикнул от боли. После этого, с тяжело вздымающейся грудью, закрыв глаза руками, улегся на свою кровать.

Когда похороны закончились, другие парни старались не трогать Блейза. Никто не спросил его о перевернутой кровати, но Той совершил странный поступок: взял руку Блейза и поцеловал. Странный поступок, не поспоришь. Блейз думал об этом много лет. Не постоянно, но время от времени.

Пробило пять часов дня. Для мальчишек началось свободное время, большинство высыпали во двор: поиграть, повозиться, нагулять аппетит перед ужином. Блейз пошел в кабинет Мартина Кослоу. Закон сидел за столом. Переоделся в шлепанцы, покачивался на стуле, читая «Ивнинг экспресс». Поднял взгляд, оторвавшись от газеты, и спросил:

— Что?

— То, сукин ты сын, — ответил Блейз и избил его до потери сознания.

Он пошел пешком к границе Нью-Хэмпшира — думал, что в угнанном автомобиле его поймут за каких-нибудь четыре часа. Вместо этого его поймали за два. Он постоянно забывал о своих габаритах, а вот Мартин Кослоу не забыл, и полиции штата Мэн не потребовалось много времени, чтобы засечь белого юношу ростом шесть футов и семь дюймов с вмятиной на лбу.

Затем состоялся короткий процесс в суде округа Камберленд. Мартин Кослоу появился в зале с гипсом на одной руке, с огромной белой повязкой на голове, закрывавшей один глаз. К свидетельскому креслу подошел на костылях.

Прокурор спросил, какой у него рост. Кослоу ответил, что пять футов и шесть дюймов. Прокурор спросил, сколько тот весит. Сто шестьдесят фунтов, ответил Кослоу. Прокурор спросил, спровоцировал ли Кослоу нападение, чем-то ущемлял, несправедливо наказывал подсудимого, Клайтона Блейсделла-младшего. Кослоу ответил, что нет. Прокурор передал свидетеля адвокату Блейза, новоиспеченному выпускнику юридической школы. Новоиспеченный обрушился на Кослоу с яростными, не очень понятными вопросами, на которые Кослоу спокойно отвечал, тогда как гипс, повязка и костыли продолжали говорить за себя. Когда вопросы у новоиспеченного закончились, свидетеля обвинения отпустили.

В кресло для свидетелей сел Блейз, и новоиспеченный спросил, почему тот избил директора Хет-

тон-Хауза. Блейз, запинаясь, выложил свою историю. Умер его хороший друг. Он думал, что виноват в этом Кослоу. Джонни не следовало посылать на сбор тыкв, особенно в такой холод. У Джонни было слабое сердце. Это несправедливо, и мистер Кослоу знал, что это несправедливо. Он заслужил то, что получил.

Услышав такое, молодой адвокат сел с отчаянием в глазах.

Прокурор встал, подошел. Спросил, какой у Блейза рост. Шесть футов шесть дюймов, может, семь, ответил Блейз. Прокурор спросил, сколько тот весит. Блейз ответил, что точно не знает, но наверняка не три зернышка. Ответ вызвал смех среди репортеров. Блейз в недоумении посмотрел на них. Потом чуть улыбнулся, чтобы показать, что может пошутить, как и любой другой. У прокурора вопросов больше не было. Он сел.

Назначенный судом адвокат Блейза произнес пламенную, мало понятную речь и тоже сел. Судья смотрел в окно, подперев голову рукой. Вновь поднялся прокурор. Назвал Блейза молодым преступником. Сказал, что обязанность штата Мэн — «прижать его быстро и крепко». Блейз не знал, что это означает, но чувствовал: ничего хорошего.

Судья спросил, если ли у Блейза что сказать.

— Да, сэр, — ответил Блейз, — но я не знаю как.

Судья кивнул и приговорил его к двум годам в исправительном центре Саут-Портленда.

Ему там было не так плохо, как некоторым, но достаточно плохо, чтобы отбить желание попасть туда вновь. Рост и сила Блейза гарантировали, что

его не будут бить и не попытаются изнасиловать. Он держался подальше от всех тюремных банд с их карикатурными вожаками, но пребывание в камере давило на него. Сильно давило. Дважды за первые шесть месяцев он «поднимал шум», начинал кричать, чтобы его выпустили, и биться о прутья решетки, пока не прибегали охранники. В первый раз отреагировали четверо охранников, но им пришлось вызывать на подмогу еще четверых, а потом еще полдюжины, чтобы уговорить Блейза. Во второй раз они просто сделали ему укол, который вырубил Блейза на шестнадцать часов.

Но одиночка была еще хуже. Блейз бесконечно кружил по крохотной камере (шесть шагов от стенки до стенки), тогда как время поначалу замедляло свой бег, а потом и вовсе остановилось. Когда дверь наконец открывалась и его выпускали в общество других заключенных (разрешали гулять по двору или отправляли разгружать грузовики), он чуть не сходил с ума от облегчения и благодарности. Облапил тюремщика, который выпустил его из карцера во второй раз, за что получил запись в личное дело: «Проявляет гомосексуальные тенденции».

Пребывание в карцере не было самым худшим, что случалось с ним. Блейз постоянно все забывал, но воспоминания о плохом оставались с ним постоянно. И самым худшим Блейз полагал допросы. Эти люди приводили тебя в маленькую комнату с белыми стенами и кружком собирались вокруг. Потом начинали задавать вопросы. И прежде чем ты успевал подумать, что означает первый вопрос (о чем тебя спрашивали), они уже задавали второй, третий, четвертый. Наседали спереди, сзади, слева, справа.

Ты словно попадал в гигантскую паутину. И в конце концов мог признаться во всем, в чем они хотели, лишь бы заставить их замолчать. Тогда они принесли бумагу, предлагали тебе ее подписать, и... да-да, ты ее подписывал.

Дело Блейза вел Холлоуэй, помощник окружного прокурора. Холлоуэй появился в маленькой комнате через полтора часа после начала допроса. Блейз сидел в рубашке с закатанными рукавами и вылезшим из-под ремня подолом. Весь в холодном поту. И ему ужасно хотелось в туалет по малой нужде. Он словно вновь попал в собачий загон на ферме Боуи, и колли лаяли на него. Холлоуэй выглядел подтянутым и аккуратным в синем, в тонкую полоску костюме, а переднюю часть его черных туфель испещряло множество дырочек. Блейз так и не забыл дырочки на черных туфлях мистера Холлоуэя.

Мистер Холлоуэй сел на стол, что стоял по центру комнаты, половина зада свешивалась, одна нога болталась взад-вперед, элегантная туфля покачивалась, как маятник часов. Он дружелюбно улыбнулся Блейзу и спросил:

— Будешь говорить, сынок?

Блейз начал, запинаясь. Да, он будет говорить. Если кто-то станет слушать и попытается проявить хоть капельку понимания, он будет говорить.

Холлоуэй предложил остальным выйти.

Блейз спросил, может ли он сходить в туалет.

Холлоуэй указал на дверь, которой Блейз раньше не замечал, и спросил:

— Чего ты ждешь? — На его губах играла все та же дружелюбная улыбка.

Когда Блейз вернулся, на столе стоял кувшин с ледяной водой и пустой стакан. Блейз взглянул на Холлоуэя, тот кивнул. Блейз выпил три стакана, потом сел с ощущением, что в лоб ему вогнули сосульку.

— Хорошо? — спросил Холлоуэй.

Блейз кивнул.

— Понятно. От ответов на вопросы разыгрывается жажда. Сигарету?

— Не курю.

— И правильно, отказ от курения до беды никогда не доведет. — Холлоуэй закурил. — Кто ты для своих приятелей, сынок? Как они тебя зовут?

— Блейз.

— Хорошо, Блейз. Я — Фрэнк Холлоуэй. — Он протянул руку, когда Блейз ее пожал, скривился, ухватив кончик сигареты зубами. — А теперь подробно расскажи мне, как ты сюда угодил.

И Блейз начал рассказывать, с того момента, как Закон прибыл в Хеттон и у Блейза начались нелады с арифметикой.

Холлоуэй поднял руку.

— Не будешь возражать, Блейз, если я приглашу стенографистку, чтобы все это записать? Что-то вроде секретаря. Чтобы потом тебе все это не повторять.

Нет. Он не возражал.

В конце вернулись остальные. Глаза Холлоуэя тут же потеряли дружелюбный блеск. Он соскользнул со стола, двумя быстрыми движениями руки отряхнул зад и сказал:

— Распечатайте все и дайте этому тупице подписать.

После чего ушел, не оглядываясь.

* * *

Блейз вышел из тюрьмы не через два года, а раньше — четыре месяца скостили за хорошее поведение. Ему дали две пары тюремных джинсов, тюремную куртку из плотной ткани и мешок, чтобы все это нести. Он также получил заработанные в тюрьме деньги: чек на сорок три доллара и восемьдесят четыре цента.

Стоял октябрь. Ветер наполнял воздух сладостью. Охранник помахал ему рукой взад-вперед, словно «дворник» на ветровом стекле, и посоветовал больше не нарушать закон. Блейз прошел мимо него, не посмотрев, не произнеся ни слова, а когда услышал, как тяжелые ворота захлопнулись за спиной, задрожал всем телом.

Он шагал, пока тротуары не закончились, а город не исчез. Смотрел на все. Мимо пролетали автомобили, которые выглядели не так, как раньше, более современно. Один притормозил, и Блейз подумал, может, его подвезут. Но кто-то прокричал: «Эй, АРЕСТАНТ!» — и автомобиль унесся.

Блейз присел на каменную стену, окружавшую маленькое сельское кладбище, и устался на дороге. Наконец-то осознал, что свободен. Никто больше не командовал им, но сам он командовал собой плохо, а друзей у него не было. Он вышел из тюрьмы, но работы у него нет. Он даже не знал, что делать с той бумажкой, которую ему дали вместо денег.

И, однако, удивительное, успокаивающее благоговение растеклось по телу и душе Блейза. Он закрыл глаза, подставил лицо солнцу, заполнившему голову красным светом. Вдыхал запахи травы и свежего асфальта, которым бригада дорожных

рабочих недавно закатала выбоину. Вдыхал выхлопные газы двигавшихся по воле водителей автомобилей. Привыкал к жизни на свободе.

Ночь он провел в сарае. А наутро уже убирал картофель, получая по десятицентовику за корзину. Зимой проработал в Нью-Хэмпшире на прядильной фабрике, хозяин которой не хотел иметь никаких дел с профсоюзом. Весной на автобусе приехал в Бостон и нашел работу в прачечной больницы. Отработал шесть месяцев, прежде чем встретил знакомого из Саут-Портленда, Билли Сент-Пьера. Они уселись в баре и купили друг другу много пива. Билли признался Блейзу, что они с приятелем хотят грабануть винный магазин в Саути. Работа обещала быть легкой. И им требовался третий.

Блейз согласился. Его доля составила семнадцать долларов. Он продолжал работать в прачечной. Еще через четыре месяца он, Билли и Дом (брат жены Билли) совершили налет на заправочную станцию и бакалейный магазин в Дэнверсе. Месяцем позже Блейз, Билли и еще один бывший заключенный Саут-Портленда, Калвин Сакс, ограбили ссудное агентство, в котором также работал подпольный тотализатор. Их добыча превысила тысячу долларов.

— Теперь будем работать по-крупному, — заявил Билли, когда они втроем делили деньги в номере мотеля в Даксбери. — Это всего лишь начало.

В этот период настоящих друзей у Блейза не появилось. Общался он только с Билли Сент-Пьером да с другими мелкими преступниками, которые то появлялись, то исчезали. Встречались они обычно в кондитерской, которая называлась «У Мучи». Играли в задней комнате в пинбол и болтали о пустя-

ках. Девушки у Блейза не было — ни постоянной, ни на время. Его отличала болезненная застенчивость, и он ужасно стеснялся своей, как говорил Билли, пробитой головы. После удачного налета иногда снимал проститутку.

Примерно через год после встречи с Билли один музыкант, который перебивался временными контрактами, предложил Блейзу попробовать героин. Как же ему было плохо: героин вызвал у него жуткую аллергию. Больше Блейз к героину не прикасался. «Травку», случалось, курил, чтобы поддержать компанию, но тяжелых наркотиков избегал.

Вскоре после того, как Блейз попробовал героин, Билли и Калвина (который мог гордиться разве что татуировкой «LIFE SURKS, THEN YA DIE*») арестовали, когда те грабили супермаркет. Однако многие другие хотели использовать Блейза в своих мелких делишках. Стремилась к этому. Кто-то дал ему прозвище Страшила, и оно прижилось. Даже когда он надевал маску, чтобы скрыть вмятину во лбу, его габариты заставляли продавца или владельца магазинчика подумать дважды, прежде чем хвататься за оружие, возможно, спрятанное под прилавком.

За два года, прошедшие после того, как копы повязали Билли, Блейз раз пять едва избегал ареста, иногда просто чудом. В одном случае двух братьев, с которыми он ограбил магазин одежды в Согае, схватили буквально в квартале от того места, где Блейз попрощался с ними и вылез из автомобиля. Братья с удовольствием сдали бы Блейза, чтобы им

* Surks (фамилия Калвина) и sucks (отстой, дерьмо) звучат одинаково, т.е. на слух татуировка воспринимается как «Жизнь — дерьмо, а потом ты умираешь».

скостили срок, но они знали его как Большого Буги, отчего полиция решила, что третий член банды — афроамериканец.

В июне Блейз ушел из прачечной. Новую постоянную работу искать не стал. Дрейфовал по жизни, пока не встретил Джорджа Рэкли, а когда встретил, будущее его определилось.

Глава 21

Алберт Стерлинг дремал в одном из огромных кресел в кабинете Джерарда, когда первые признаки зари прокрались в окна. Начинался новый день, первое февраля.

В дверь постучали. Глаза Стерлинга открылись. На пороге стоял Гранджер.

— Возможно, у нас кое-что есть.

— Поделись.

— Блейсделл вырос в сиротском приюте... или детском доме, находящемся на содержании штата... назывался он Хеттон-Хауз. И расположен в том самом районе, откуда поступил звонок.

Стерлинг выпрямился.

— Он еще работает?

— Нет. Лет пятнадцать как закрылся.

— Кто там сейчас живет?

— Никто. Город продал его каким-то людям, которые пытались организовать там дневную школу. Они разорились, и город забрал дом. С тех пор он пустует.

— Готов спорить, Блейсделл там. — Стерлинг руководствовался интуицией, но чувствовал, что на этот раз она его не подведет. Не сомневался, что уже утром они возьмут этого мерзавца и любого, кто составлял ему компанию. — Позвони в полицию штата. Мне нужны двадцать патрульных, как минимум двадцать, плюс мы с тобой. — Он задумался. — И Франкленд. Вытащи Франкленда из офиса.

— Он же должен спать до...

— Вытащи его сюда. Нормана тоже. Будет сидеть здесь на телефоне.

— Ты уверен, что нам...

— Да. Блейсделл — преступник, он идиот, а еще он ленив. — Утверждение, что преступники ленивы, являлось догматом веры в персональной церкви Алберта Стерлинга. — Куда еще он мог пойти? — Стерлинг посмотрел на часы. Без четверти шесть. — Я все-таки надеюсь, что ребенок еще жив. Но биться об заклад не стал бы.

Блейз проснулся в четверть седьмого. Повернулся на бок, чтобы посмотреть на Джо, который проспал всю ночь рядом с ним. Тепло тела Блейза, похоже, пошло малышу на пользу. Кожа стала прохладной, хрипы в дыхании — не такими сильными. Но вот красные пятна на щечках остались. Блейз сунул палец в рот ребенка (Джо тут же начал его сосать) и нашел новое вздутие на десне слева. Когда надавил, Джо застонал во сне и отвернулся.

— Чертов зуб, — прошептал Блейз. Посмотрел на лоб Джо. Рану покрывала запекшаяся кровь, и Блейз подумал, что шрама скорее всего не оста-

нется. Его это порадовало. Лоб у человека всю жизнь на виду. Не самое лучшее место для шрама.

Закончив осмотр, он продолжал зачарованно разглядывать лицо младенца. За исключением рваной, заживающей царапины, кожа у Джо была идеальной. Белой, но уже с намеком на смуглость. Блейз подумал, что с такой кожей Джо никогда не обгорит на солнце, а вот загар у него будет темным, таким темным, что некоторые, возможно, будут принимать его за негра. Сам-то он становился красным, как вареный рак. Веки у Джо были чуть синеватыми. Между неплотно сомкнутыми краями проглядывали голубые радужки. Губы у ребенка были розовыми и слегка надутыми.

Блейз взял одну из рученок, поднял. Крохотные пальчики мгновенно сжали его мизинец. Блейз подумал, что у Джо будут большие руки. И придет день, когда они смогут держать молоток плотника или гаечный ключ механика. А может, и кисть художника.

От мыслей о будущем мальчика по телу Блейза пробежала дрожь. Ему хотелось разбудить ребенка. И зачем? Чтобы понаблюдать, как глаза Джо раскрываются и смотрят на него? Кто знал, что увидят эти глаза через годы? Но они оставались закрытыми. Жизнь Джо оставалась закрытой. Напоминала удивительную, захватывающую книгу, написанную невидимыми чернилами. Блейз осознал, что деньги его больше не волнуют, совершенно они ему не нужны. Ему хотелось другого: увидеть, как слова будут появляться на этих страницах. Вместе с картинками.

Он поцеловал чистую кожу повыше раны, потом отбросил одеяло, подошел к окну. Снег продолжал

идти, за стеклом белел воздух и белела земля. Блейз прикинул, что за ночь уже нападало добрых восемь дюймов. А снегопад и не думал заканчиваться.

Они почти схватили тебя, Блейз.

Он развернулся.

— Джордж? — тихо позвал он. — Это ты, Джордж?

Не Джордж. Голос прозвучал в голове. Но откуда у него взялась такая мысль?

Он вновь выглянул в окно. Изуродованный лоб наморщился в раздумье. Они знали, кто он. Он сглотнул, назвав телефонистке свое настоящее имя, вплоть до «младшего» на конце. Считал себя умным, а оказался дураком. Снова. Глупость — это тюрьма, выйти из которой невозможно. Каким бы хорошим ни было твоё поведение, тебе придется отбывать там пожизненный срок.

Джордж, конечно, высмеял бы его. Джордж сказал бы: «Готов спорить, они сейчас роются в твоём прошлом. Изучают все хиты Клайтона Блейсделла-младшего». И они наверняка изучали. Узнали о религиозной афере, о его пребывании в Саут-Портленде, о долгих годах в Хеттон-Хаузе...

И вот тут в голове, словно метеор, мелькнула тревожная мысль: он же сейчас в Хеттон-Хаузе!

Блейз в панике огляделся, чтобы убедиться, что так оно и есть.

Они почти схватили тебя, Блейз.

Он вновь почувствовал себя дичью, зверем, вокру которого охотники сжимали кольцо. Подумал о белой комнате для допросов, о желании облегчиться, о вопросах, которые выстреливают в тебя, не давая времени на ответ. И на этот раз судить его будут не в маленьком полупустом зале. На этот раз

будет аншлаг, не останется ни одного пустого места. А потом пожизненный срок. И карцер всякий раз, когда он поднимет шум.

Эти мысли наполнили Блейза ужасом, но самым худшим было другое: они же ворвутся сюда с оружием в руках и заберут малыша. Снова похитят ребенка. Похитят его Джо.

Пот выступил на лице и под мышками, несмотря на царящий в комнате холод.

Ты жалкий неудачник. Он вырастет, ненавидя тебя всей душой. Они об этом позаботятся.

И вновь не Джордж. Его собственная мысль, и это чистая правда.

Он прилагал все силы, чтобы заставить голову работать, пытаясь придумать план. Ведь наверняка есть место, где он сможет спрятаться. Должно быть!

Джо зашевелился, просыпаясь, но Блейз не услышал его. Место, где спрятаться. Безопасное место. Тайное место, где они не смогут его найти. Место, о котором не мог знать даже Джордж, место...

Его осенило.

Он развернулся к кровати. Джо лежал с открытыми глазами. Когда увидел Блейза, улыбнулся ему и сунул большой палец в рот, почти что изысканно.

— Ты должен поесть, Джо. Быстро. Мы в бегах, но у меня появилась идея.

Он накормил Джо мясом с сыром. Джо обычно в один присест съедал целую банку, но теперь начал крутить головой после пятой ложки. Когда Блейз попытался и дальше кормить его, заплакал. Блейз дал ему бутылочку. Вот к ней Джо с жадностью присосался. Но, к сожалению, бутылочек осталось только три.

Пока Джо лежал на одеяле, держа бутылочку в крохотных ручонках, Блейз метался по комнате, собирая вещи. Раскрыл коробку памперсов и принялся набивать ими рубашку, пока не раздулся, превратившись в толстяка из «Шоу уродов».

Потом опустился на колени и начал как можно теплее одевать Джо: две рубашки, двое штанишек, свитер, вязаная шапочка. Джо негодуя кричал: ему определенно не нравилось. Блейз не обращал на крики никакого внимания. Одев ребенка, кульком сложил два одеяла и засунул туда Джо.

Лицо младенца побагровело от ярости. Крики эхом понеслись в обе стороны коридора, когда Блейз вынес Джо из кабинета директора, направившись к лестнице. Спустившись с нее, нахлобучил свою шапку на голову Джо, не забыв сдвинуть чуть влево. Шапка накрыла малыша до плеч. После этого Блейз вышел в падающий снег.

Блейз пересек задний двор и неуклюже перелез через огораживающую его бетонную стену. По другую сторону стены находился «Огород победы». Теперь там росли только кусты (над снегом торчали концы веток) да молодые сосны, выросшие из принесенных ветром семян. Блейз бежал, крепко прижимая ребенка к груди. Джо больше не кричал, но Блейз слышал его короткие быстрые вдохи: похоже, морозный воздух неприятно обжигал малышу горло.

С дальней стороны «Огород победы» заканчивался еще одной стеной, сложенной из больших камней. Многие вывалились, так что в стене зияли бреши. Блейз прошел через одну, а потом побежал по уходящему вниз склону. Ноги его при каждом шаге вздымали облака снега. В низине начинался

лес, но лет тридцать пять или сорок назад тут случился пожар. Сильный пожар. За последующие годы деревья и кусты выросли вновь, отчаянно борясь за место под солнцем. Повсюду валялись поваленные деревья, большую часть которых теперь скрывал снег, так что Блейзу пришлось замедлить шаг, пусть он и знал, что должен спешить. Ветер ревел в кронах. Блейз слышал, как протестующе скрипят стволы.

Джо заверещал. Звуки шли из горла, казалось, мальчик задыхается.

— Все нормально, — успокоил его Блейз. — Мы почти на месте.

Он сомневался, что сохранился старый забор из металлической сетки, но тот никуда не делся. Впрочем, его полностью занесло снегом, и Блейз чуть не перевалился через него, едва не упав с ребенком в снег. Однако не перевалился — аккуратно переступил и двинулся по уходящей вниз расщелине. Здесь почва разошлась, обнажая скалы. Снега стало поменьше. Ветер продолжал завывать над головой.

— Здесь, — выдохнул Блейз. — Где-то здесь.

Всматриваясь в нагромождение скал, торчащих корней, куч сосновых иголок и в заваленные снегом ниши, Блейз закружил по расщелине на полпути к тому месту, где земля становилась пологой. Паника начала подниматься к горлу, грозя захлестнуть с головой. Холод мог прокрасться сквозь одеяла, сквозь одежду Джо.

— Может, чуть дальше?

Блейз продолжил спуск, поскользнулся, упал на спину, по-прежнему прижимая ребенка к груди. Острая боль пронзила правую щиколотку, словно

в ней кто-то зажег огонь. А потом он вдруг понял, что смотрит на треугольную тень между двух больших округлых валунов, которые выступали из стены, как груди. Потажился к тени, с Джо на руках. Да, вот она. Да, да, да. Наклонил голову, согнул колени и медленно протиснулся в пещеру.

Темную, сырую и на удивление теплую. Пол покрывал мягкий слой сосновых веток. Блейза охватило дежавю. Они с Джоном Челцманом натаскали сюда веток после того, как случайно нашли эту пещеру, когда нарушили запрет директора, решив погулять за территорией Хеттон-Хауза.

Блейз положил младенца на ветки, порылся в кармане, достал коробок спичек, который всегда держал там, зажег одну. В мерцающем свете разглядел надпись, сделанную Джонни на стене.

Джонни Ч. и Клай Блейсделл. 15 августа. Третий год ада.

Написал ее Джонни копотью горящей свечи.

По телу Блейза пробежала дрожь (не от холода, какой тут холод), он взмахнул рукой, потушив спичку.

Джо смотрел на него из сумрака. Жадно ловил ртом воздух. В глазах его стоял ужас. И вдруг дыхание прекратилось.

— Господи, да что с тобой? — воскликнул Блейз. Скальные стены тут же эхом вернули вскрик ему в уши. Что не так? Что...

Тут он понял, в чем дело. Одеяла. Он туго затянул их, когда клал Джо на ветки. Слишком туго. Ребенок не мог дышать. Трясушимися пальцами Блейз ослабил одеяла. Джо набрал полную грудь влажного пещерного воздуха и начал кричать. Слабо, дребезжаще.

Блейз вытряс памперсы из рубашки, достал бутылочку. Попытался всунуть соску в рот Джо, но младенец отвернулся.

— Тогда подожди, — попросил его Блейз. — Просто подожди.

Взял шапку, надел, чуть повернул влево и вышел из пещеры.

Нашел подходящий валежник в конце расщелины, под ним — несколько пригоршней сухих иголок. Их затолкал в карманы. Вернувшись в пещеру, разжег маленький костер. Трещины в потолке над входом хватало, чтобы большая часть дыма выходила наружу. И он не волновался из-за того, что кто-то увидит дым, во всяком случае, пока дул ветер и шел снег.

Блейз скармливал огню веточку за веточкой, пока тот уверенно не затрещал. Потом положил Джо рядом с костром и согрел его. Малыш уже дышал нормально, но хрипы оставались.

— Надо показать тебя врачу, — сказал Блейз. — Пойдем к нему, как только выберемся отсюда. Он тебя подлечит. Станешь как новенький.

Джо ему улыбнулся, продемонстрировав новый зуб. Блейз ответил улыбкой облегчения. Раз малыш улыбается, значит, не так уж плохо себя чувствует, правда? Он предложил Джо палец. Ребенок тут же ухватился за него ручкой.

— Жму руку, друг, — рассмеялся Блейз. Достал из кармана куртки холодную бутылочку, стряхнул прилипшие иголки, поставил рядом с костром, чтобы она согрелась. Снаружи выл и визжал ветер, но в пещере становилось все теплее. Блейз сожалел, что сразу не вспомнил про пещеру. Здесь было куда

лучше, чем в Хеттон-Хаузе. Не следовало приносить Джо в сиротский приют. Джордж сказал бы, что там плохая аура.

— Ладно, ты о приюте и не вспомнишь. Правда? — спросил Блейз малыша.

Когда бутылочка на ощупь стала теплой, он дал ее Джо. На этот раз ребенок принялся жадно сосать и выпил все. Когда допивал последние две унции смеси, глаза у него осоловели, взгляд устремился вдаль. Блейз уже хорошо знал это состояние младенца. Положил Джо на плечо, покачал из стороны в сторону. Малыш дважды отрыгнул, еще минут пять о чем-то поговорил на своем, никому не понятном языке. Потом замолчал. Глаза закрылись. Блейз все больше привыкал к такому режиму. Знал, что Джо поспит минут сорок пять, может, час, а все утро будет вести активный образ жизни.

Блейзу не хотелось оставлять его, особенно после случившегося прошлым вечером, но он знал, что должен уйти. Интуиция говорила, что иначе нельзя. Он положил Джо на одно одеяло, укрыл вторым, придавил верхнее большими камнями. Думал (надеялся), что Джо, проснувшись, сможет ворочаться, но никуда не уползет. Такой вариант Блейза вполне устроил бы.

Блейз вышел из пещеры, направился к Хеттон-Хаузу по своим следам. Их уже заметал снег. Он спешил и, выбравшись из расщелины, побежал. Часы показывали четверть восьмого.

Когда Блейз согрел бутылочку, чтобы покормить Джо, Стерлинг сидел на переднем пассажирском сиденье внедорожника, превращенного в штаб

операции по аресту преступника и спасению младенца. Вел внедорожник патрульный. Без большой шляпы выглядел он как рекрут морской пехоты после первой стрижки. Для Стерлинга большинство полицейских штата выглядели как морские пехотинцы, только что пришедшие на службу. А большинство агентов ФБР скорее напоминали адвокатов или бухгалтеров, и понятно почему, потому...

Стерлинг ухватил за хвост улетающие мысли и вернул их на землю.

— Не могли бы вы заставить наш автомобиль двигаться чуть быстрее?

— Конечно, могу, — кивнул патрульный. — Тогда остаток утра мы будем выковыривать наши зубы из сугроба.

— Нет никакой необходимости говорить в таком тоне.

— Эта погода меня нервирует, — ответил патрульный. — Дерьмовый снегопад. И дорога чертовски скользкая.

— Понятно. — Стерлинг посмотрел на часы. — Сколько до Камберленда?

— Пятнадцать миль.

— По времени?

Патрульный пожал плечами:

— Минут двадцать пять.

Стерлинг недовольно фыркнул. Это была совместная операция Бюро и полиции штата Мэн, а больше «совместных операций» Стерлинг ненавидел только одно: пломбирование зубных каналов. Возможность неудачного исхода возрастала, когда приходилось привлекать к сотрудничеству местные правоохранительные ведомства. А уж если Бюро за-

ставляли проводить с ними «совместную операцию», неудачный исход становился не просто возможным, но *вероятным*. А чего еще ждать, если имеешь дело с псевдоморским пехотинцем, который боится разогнаться быстрее пятидесяти миль?

Он заерзал на сиденье, и рукоятка пистолета уперлась в поясницу. Но именно там он всегда носил пистолет. Стерлинг доверял своему пистолету, Бюро, чутью. А чутье у него было, как у хорошей охотничьей собаки, натасканной на птиц. Хорошая собака может не только унюхать куропатку или индюшку в кустах. Хорошая охотничья собака может почуять страх птицы и понять, как этот страх даст о себе знать и когда. Она знала, в какой момент желание взлететь пересилит у птицы стремление остаться в убежище.

Вот и Блейсделл находился в убежище, возможно, в этом брошенном сиротском приюте. И все это хорошо, но Блейсделл наверняка попытается вырваться из приюта. Чутье Стерлинга однозначно говорило об этом, пусть крылья этому говнюку заменяли ноги: бежать-то он мог.

Стерлинг также все больше склонялся к мысли, что Блейсделл действовал в одиночку. Если б у него был напарник (который и спланировал похищение, как поначалу думали Стерлинг и Гранджер), он бы уже вышел на связь, хотя бы по той причине, что Блейсделл туп как дерево. Нет, по всей вероятности, он — один и скорее всего спрятался в старом приюте («Как голубь, вернувшийся в родную голубятню», — подумал Стерлинг) в полной уверенности, что там его никто искать не будет. И вроде бы есть все основания верить,

что они найдут его сидящим под кустом, как испуганную перепелку.

Да только Блейсделл держал нос по ветру. Стерлинг это знал.

Он посмотрел на часы. Чуть больше половины седьмого.

Сеть предстояло набросить на треугольный участок, ограниченный шоссе номер 9 с запада, местной дорогой, известной как Лун-Кат, с севера и старой дорогой для вывоза леса на юго-востоке. После того как все участники операции займут свои позиции, кольцо начнет сжиматься с тем, чтобы сомкнуться на Хеттон-Хаузе. Разумеется, снегопад был серьезной помехой, но при этом он удачно скрывал их передвижения.

Все вроде бы рассчитали неплохо, но...

— Не можете вы ехать чуть быстрее? — вновь спросил Стерлинг. Знал, что негоже задавать этот вопрос, негоже подталкивать парня, но ничего не мог с собой поделать.

Патрульный посмотрел на мужчину, который сидел рядом с ним. На маленькое, худощавое лицо и горящие глаза. И подумал: «Готов спорить, этот первосортный говнюк собрался убить того парня».

— Проверьте ремень безопасности, агент Стерлинг.

— Застегнут, — ответил Стерлинг, подсунув под ремень, словно под жилетку, большой палец.

Патрульный вздохнул и чуть сильнее придавил педаль газа.

Стерлинг отдал команду в семь утра, и участники операции со всех сторон двинулись к Хеттон-

Хаузу. Снег местами достигал четырех футов, люди спотыкались, падали, поднимались и шли дальше, поддерживая радиосвязь друг с другом. Никто не жаловался. На кону стояла жизнь младенца. Продолжающийся снегопад только подгонял всех. Выглядели они как персонажи старого немого фильма, черно-белой мелодрамы, не оставлявшей сомнений в том, кто злодей.

Стерлинг вел операцию, как опытный куотербек*, с помощью рации держа в руках все нити. Тем, кто шел с востока, достался более легкий маршрут, и Стерлинг приказал им чуть притормозить, чтобы синхронизировать их появление с теми, кто двигался к Хеттон-Хаузу от лесной дороги и спускался с Лун-Кат по Лун-Хилл. Стерлингу хотелось чего-то большего, чем просто окружить Хеттон-Хауз. Он стремился к тому, чтобы птичку спугнули из-под всех кустов и деревьев, где она могла сидеть.

— Стерлинг, это Таннер. Слышите меня?

— Слышу, Таннер. Говорите.

— Мы у начала дороги, ведущей к сиротскому приюту. Цепь перегораживает дорогу, но замок сломан. Он там, все точно. Прием.

— Понял. — Нервное напряжение Стерлинга нарастало. Несмотря на холод, он чувствовал, как пот выступает в промежности и под мышками. — Вы видите свежие автомобильные следы? Следы отъехавшего автомобиля?

— Нет, сэр. Прием.

— Идите дальше. Принято и конец связи.

Они его практически взяли. Стерлинг больше всего боялся, что Блейсделл вновь ушел от них. Мог

* Куотербек — разыгрывающий в футбольной команде.

ведь уехать вместе с ребенком, сделав им ручкой... но нет.

Он мягко сказал несколько слов в микрофон рации, и люди прибавили шаг, прокладывая путь сквозь снег, тяжело дыша, будто собаки.

Блейз перелез через стену, отделявшую «Огород победы» от двора Хеттон-Хауза. Побежал к двери. В голове все смешалось. Нервы напоминали босые ноги, идущие по осколкам стекла. Слова Джорджа эхом отражались в мозгу снова и снова: «Они почти взяли тебя, Блейз».

Огромными прыжками он взбежал по лестнице, влетел в кабинет директора и начал загружать все (одежду, еду, бутылочки) в колыбель. Затем скатился с лестницы и помчался к пещере.

Часы показывали 7.30.

7.30

— Внимание, — проговорил Стерлинг. — Всех прошу на минуту замолчать. Гранджер? Брюс? Слышишь меня?

В голосе, который ему ответил, слышались извиняющиеся нотки:

— Это Корлисс.

— Корлисс? Вы мне не нужны, Корлисс. Мне нужен Брюс. Прием.

— Агент Гранджер лежит на снегу, сэр. Похоже, он сломал ногу. Мне прекращать связь?

— *Что?*

— В этих лесах полно ям, прикрытых валежником, сэр. Он наступил на одну, и валежник под ним провалился. Что нам делать, сэр? Прием.

Время уходило. Перед мысленным взором Стерлинга возникли песочные часы, наполненные снегом, и Блейсделл ускользал через горлышко. На гребаных санках.

— Зафиксируйте ему ногу, укройте чем-нибудь теплым и оставьте ему свою рацию. Прием.

— Да, сэр. Хотите поговорить с ним? Прием.

— Нет. Я хочу, чтобы вы продвигались дальше. Прием.

— Да, сэр. Я понял.

— Отлично. Всем командирам групп, прибавить шаг. Конец связи.

Блейз, жадно хватая ртом воздух, мчался через «Огород победы». Добрался до огораживающей его полуразрушенной каменной стены, перебрался через нее, заскользил на задугу вниз по склону, прижимая колыбель к груди.

Поднялся, хотел двинуться дальше, замер. Поставил колыбель на снег, достал из-за пояса пистолет Джорджа. Он ничего не увидел и не услышал, но *знал*.

Шагнул за большую старую сосну. Снег хлестал по его левой щеке, которая начала неметь. Он ждал, не двигаясь. А внутри бушевала ярость. Хотелось как можно быстрее вернуться к Джо, но он понимал, что должен стоять, не шевелиться, и ждать.

А если Джо вылез из-под одеял и заполз в костер?

«Не заполз, — успокоил себя Блейз. — Даже младенцы боятся огня».

А если он выполз из пещеры в снег? Если прямо сейчас замерзает до смерти, когда он, Блейз, стоит здесь столбом?

Не замерзает. Он спит.

Да, но кто знает, как долго он еще будет спать, в том странном месте? А если ветер переменится и дым заполнит пещеру? Пока он стоит здесь, единственный человек в радиусе двух миль, а может, и пяти...

Не единственный. Кто-то был неподалеку.
Кто-то.

Но лес наполняла тишина, если не считать воя ветра, поскрипывания деревьев, слабого шипения падающего снега.

Время идти.

Как бы не так. Время ждать.

Тебе следовало его убить, как я говорил, Блейз.

Джордж. Теперь в его голове. Господи!

Я всегда там был. А теперь иди!

Блейз подумал, что действительно можно двигаться. Потом решил, что сначала досчитает до десяти. Дошел до шести, когда что-то отделилось от серо-зеленого пояса деревьев ниже по склону. Патрульный, но Блейз не испытывал страха. Что-то выжгло страх, и он ощущал абсолютное спокойствие. Если кто и волновал его сейчас, так это Джо, необходимость заботиться о Джо. Он подумал, что коп мог не увидеть его, но вот следы заметит наверняка, и это ничуть не лучше.

Блейз понял, что патрульный пройдет справа от него, и сместился чуть влево, огибая толстый ствол сосны. Подумал о том, как часто он с Джоном, Тоем и многими другими играли в этих лесах в ковбоев и индейцев, полицейских и воров. Удар сучковатой палкой, и ты мертв.

Один выстрел всему положит конец. Даже если не убьет и не ранит кого-то из них, грохота будет больше, чем достаточно. Блейз почувствовал, как на шее пульсирует жилка.

Патрульный остановился. Увидел следы. Наверняка увидел. Или заметил торчащую из-за сосны часть куртки Блейза. Блейз снял пистолет Джорджа с предохранителя. Если уж выстрела не избежать, хотелось бы, чтобы это был его выстрел.

Патрульный двинулся дальше. Время от времени смотрел на снег, но куда больше — на кусты. Он уже в пятидесяти ярдах. Нет... ближе.

Блейз услышал, как слева кто-то провалился в яму или наткнулся на низкие ветви и выругался. Сердце ухнуло. В лесу их полным-полно. Но если... если они все шли в одном направлении...

Хеттон! Они окружали Хеттон-Хауз! Конечно. А если он сумеет добраться до пещеры, то окажется вне их кольца. И тогда... глубже в лес, еще три мили, там дорога...

От патрульного его отделяли двадцать пять ярдов. Блейз еще чуть сдвинулся, огибая дерево. Если бы кто-то выскочил сейчас из тех кустов, то, конечно же, увидел бы его.

Патрульный проходил мимо дерева. Блейз слышал, как скрипит снег под его ботинками. Даже слышал, как что-то позвякивает в карманах... мелочь, может, ключи. И скрипит ремень.

Блейз продолжил огибать дерево маленькими приставными шажками. Подождал. Когда выглянул, увидел уже спину патрульного. Тот еще не заметил следов, но ждать оставалось недолго. Они лежали прямо перед ним.

Блейз вышел из-за дерева и большими бесшумными шагами направился к патрульному. Перевернул пистолет Джорджа, теперь держа его за ствол.

Патрульный посмотрел вниз и увидел следы. На мгновение застыл, потом схватился за рацию, которая висела на ремне. Блейз высоко поднял пистолет и опустил его со всей силы. Патрульный охнул и пошатнулся, но плотная шапка смягчила удар. Блейз снова замахнулся, на этот раз ударил патрульного в левый висок. Что-то чавкнуло. Шапка сползла на правую щеку патрульного. Блейз увидел, что парень совсем молодой, чуть ли не юноша. Колени патрульного подогнулись, он упал, подняв облако пушистого снега.

— Сволочи. — Блейз плакал. — Ну почему вы не можете оставить человека в покое?

Он схватил патрульного под мышки и отволок к большой сосне. Посадил спиной к стволу, поправил шапку. Крови было немного, но Блейз понимал, что ее количество значения не имеет. Знал, как сильно ударил. Никто не мог знать лучше. Пульс на шее патрульного еще прощупывался, но совсем слабый. Блейз не сомневался, что патрульный умрет, если его вскорости не найдут. Что ж, кто просил его приходить сюда? Кто просил высовываться?

Он поднял колыбель и двинулся дальше. В пещеру вернулся без четверти восемь. Джо еще спал, и Блейз заплакал вновь, на этот раз от облегчения. Но в пещере было холодно: ветер и снег задули костер.

Блейз принялся снова разжигать его.

Агент Брюс Гранджер наблюдал, как Блейз спускается по расщелине и исчезает в пещере. Гранджер

терпеливо лежал в снегу, дожидаясь, пока охота так или иначе закончится и кто-то придет, чтобы вынести его отсюда. Нога чертовски болела, и он чувствовал себя круглым дураком.

А теперь выходило, что он — победитель лотереи. Потянулся к рации, которую оставил ему Корлисс, поднес ко рту.

— Гранджер вызывает Стерлинга. Прием.

Помехи. Ничего, кроме статических помех.

— Алберт, это Брюс. По срочному делу. Прием. Помехи.

Гранджер на мгновение закрыл глаза.

— Сукин сын, — пробормотал он. Открыл глаза и пополз к пещере.

8.10

Алберт Стерлинг и двое патрульных стояли в кабинете Мартина Кослоу с пистолетами на изготовку. В одном углу лежало смятое одеяло. Стерлинг увидел две пустые пластиковые бутылочки и три пустые банки из-под концентрированного молока. Вроде бы открывали их ножом. И еще две пустые упаковки памперсов.

— Дерьмо, — прорычал он. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо.

— Не может он далеко уйти, — заметил Франклин. — На своих двоих. С ребенком.

— Да еще в такой мороз, — добавил кто-то из коридора.

Стерлинг подумал: «Может, кто-то из вас скажет что-нибудь такое, чего я не знаю?»

Франклин огляделся.

— А где Корлисс? Брэд, ты видел Корлисса?

— Я думаю, он внизу, — ответил Брэдли.

— Мы идем обратно в лес, — принял решение Стерлинг. — Он должен быть где-то в лесу.

Послышался выстрел. Звук донесся издалека, приглушенный снегом, но ошибки быть не могло.

Они переглянулись. На пять секунд замерли в абсолютной тишине. Может, на семь. Потом бросились к двери.

Джо еще спал, когда пуля влетела в пещеру. Дважды отрекошетила, как сердитая пчела, отшибла кусочки гранита, которые полетели в разные стороны. Блейз раскладывал памперс. Хотел переодеть Джо, чтобы тот отправился в дальнюю дорогу сухим.

Джо разом проснулся и начал плакать. Замахал маленькими ручками. Один кусочек гранита поранил ему лицо.

Блейз не думал. Увидел кровь, и все мысли как отрезало. На их место пришло что-то черное и убийственное. Он выскочил из пещеры и, крича, побежал на звук выстрела.

Глава 22

Блейз сидел за прилавком в кондитерской «У Мучи», ел пончик и читал комикс про Человека-паука, когда в его жизнь вошел Джордж. Произошло это в сентябре. Блейз не работал уже два месяца, так что с деньгами было туго. Несколько завсегдатаев кондитерской арестовали. Блейза тоже допрашива-

ли по поводу налета на ссудную контору в Сангусе, но он не имел к этому никакого отношения, поэтому выражал столь искреннее недоумение, что копы его отпустили. Блейз уже подумывал о том, чтобы вернуться в прачечную.

— Вон он, — сказал кто-то. — Страшила.

Блейз повернулся и увидел Хэнки Мелчера. Рядом с ним стоял невысокий мужчина с бледным лицом и горящими как угольки глазами. В шикарном костюме.

— Привет, Хэнк, — поздоровался Блейз. — Давно не виделись.

— Штат отправил меня в небольшой отпуск, — ответил Хэнк. — А потом выпустил, потому что не умеет правильно считать. Верно, Джордж?

Невысокий промолчал, только чуть улыбнулся, продолжая смотреть на Блейза. От этих горящих глаз Блейзу стало как-то не по себе.

Подошел Мучи, вытирая руки фартуком.

— Привет, Хэнки.

— Мне шоколадный молочный коктейль, — заказал Хэнк. — Тебе тоже, Джордж?

— Только кофе. Черный.

Мучи отошел.

— Блейз, хочу познакомить тебя с братом моей жены, — сказал Хэнк. — Джордж Рэкли. Клай Блейсделл.

— Привет, — ответил Блейз, чувствуя, что речь пойдет о работе.

— Ну, привет. — Джордж покачал головой. — А ты здоровый парень, знаешь ли.

Блейз рассмеялся, будто раньше никто не замечал, какой он большой.

— Джордж — комик. — Хэнк улыбнулся. — Настоящий Билл Косби. Только белый.

— Понятно, — улыбнулся и Блейз.

Вернулся Мучи, принес коктейль Хэнку и кофе Джорджу. Тот сделал маленький глоток, скривился, посмотрел на Мучи.

— Ты всегда срешь в свои кофейные чашки или иногда пользуешься кофейником, солнышко?

— Джордж шутит, — вставил Хэнк, посмотрев на Мучи.

Джордж покивал.

— Совершенно верно. Я всего лишь комик, ничего больше. Вали отсюда, Хэнки. Иди поиграй в пинбол.

Хэнки все улыбался.

— Да, хорошо. Как скажешь.

После того как он ушел, а Мучи вернулся на другой конец прилавка, Джордж вновь повернулся к Блейзу:

— Этот недоумок говорит, что ты ищешь работу.

— Все так.

Хэнки бросил монетки в автомат для пинбола, потом поднял руки и попытался напеть мотив из «Рокки».

Джордж мотнул головой в его сторону:

— Теперь, когда Хэнки снова на свободе, у него большие планы. Он хочет ограбить заправочную станцию в Молдене.

— Правда?

— Да. Ограбление этого гребаного века. Хочешь заработать сегодня сто баксов?

— Конечно, — без запинки ответил Блейз.

— Сделаешь в точности все, что я скажу?

- Да. А что нужно сделать, мистер Рэкли?
- Джордж. Зови меня Джордж.
- Так что нужно сделать? — Горячие глаза не давали Блейзу покоя. — Но я никому не хочу причинять боль.
- Я тоже. Пиф-паф — это для дураков. Теперь слушай.

Во второй половине того же дня Джордж и Блейз вошли в «Хардис», процветающий универмаг в Линне. Все продавцы «Хардис» носили розовые рубашки с белыми рукавами. А также бейджи с надписями: «ПРИВЕТ! Я ДЭЙВ» или «ДЖОН». Или кто-то еще. И у Джорджа под обычной рубашкой была такая же розовая. С надписью на бейдже: «ПРИВЕТ! Я ФРЭНК». Увидев это, Блейз кивнул и спросил:

- Это как прозвище, правильно?

Джордж улыбнулся, но не той улыбкой, что появлялась у него на губах в присутствии Хэнки Мелчера.

- Да, Блейз. Как прозвище.

И что-то в этой улыбке разом успокоило Блейза. Не увидел он в ней ничего обидного или злого. А поскольку на дело они шли вдвоем, никто не мог, смеясь, толкнуть Джорджа под ребра после того, как Блейз в очередной раз сморозил бы какую-нибудь глупость. И у Блейза не было уверенности, что Джордж улыбнулся бы, будь с ними кто-то еще. Джордж мог и сказать: «Не распускай локти, сраная обезьяна». Впервые после Джона Челцмана Блейз встретил человека, который ему понравился.

Джорджу тоже пришлось хлебнуть немало горя. Родился он в Провиденсе, в католической больни-

це Святого Иосифа, в палате для тех, кто не мог оплатить пребывание в больнице. Мать не была замужем, отец остался неизвестен. Она не приняла предложение монахинь оставить ребенка для последующего усыновления, забрала сына, чтобы мальчик служил живым укором ее семье. Джордж вырос в бедняцкой части города и впервые смошенничал уже в четыре года. Мать собралась выпороть его за то, что он опрокинул миску сухого завтрака «Майпо». Джордж сказал, что какой-то мужчина принес ей письмо и оставил в коридоре. Пока она искала письмо, запер дверь, а сам удрал по пожарной лестнице. Выпороли его в два раза сильнее, но он навсегда запомнил ощущение счастья, которое испытал, осознав, что взял верх, пусть и на время. Всю жизнь он искал это ощущение. Эфемерное, но сладкое.

Рос он умным и озлобленным. На личном опыте учился тому, что такие неудачники, как Хэнки Мелчер, никак не могли усвоить. Джордж и трое его знакомых постарше (друзей у него не было) угнали автомобиль, когда Джорджу едва исполнилось одиннадцать, поехали из Провиденса в Сен-трал-Фоллс, их остановили. Пятнадцатилетний парень, который сидел за рулем, отправился в исправительное учреждение. Джорджа и остальных отпустили на поруки. Джорджа к тому же избил до полусмерти сутенер, с которым тогда жила его мать. У Айдана О'Келлахера были нелады с почками, о чем говорил землистый цвет лица, так что прозвали его Ссыкун Келли. Ссыкун бил Джорджа до тех пор, пока сводная сестра мальчика не закричала, требуя, чтобы тот остановился.

— Тоже хочешь получить? — спросил Ссыкун, а когда Тэнзи покачала головой, добавил: — Тогда заткни свой гребанный рот.

Больше Джордж никогда не угонял автомобиль без причины. Одного раза хватило, чтобы научить его: угонять автомобили с целью покататься — чревато. В этом мире за удовольствия приходилось платить.

В тринадцать его с приятелем поймали на воровстве в «Вулвортсе»*. Вновь выпустили на поруки. Воровать Джордж не бросил, но стал осторожнее, и больше его уже не ловили.

Когда Джорджу исполнилось семнадцать, Ссыкун устроил его принимать ставки в нелегальной лотерее «Цифры»**. В то время Провиденс переживал период возрождения, который принимался за процветание в экономически выдохшихся штатах Новой Англии. Лотерея пользовалась успехом. Соответственно, неплохо шли дела и у Джорджа. Он купил новую одежду. И начал манипулировать с вырубкой. Ссыкун полагал, что Джордж — хороший, предприимчивый юноша: каждую среду пасынок приносил домой шестьсот пятьдесят долларов. Но отчим понятия не имел, что при этом пару сотен Джордж оставлял себе.

А потом мафия двинулась на север из Атлантик-Сити. Нелегальную лотерею они забрали себе. Кое-кого из местных, управляющих лотереей, отправи-

* «Вулвортс» — сеть универсальных магазинов компании «Вулворт», продающих товары широкого потребления по относительно низким ценам.

** «Цифры» — вид нелегальной ежедневной лотереи, в которой ставки делаются на непредсказуемое число.

ли к праотцам. Ссыкуна Келли нашли на автомобильной свалке с перерезанным горлом и яйцами в бардачке «шевроле бискайн».

Лишившись источника существования, Джордж отправился в Бостон. Взял с собой двенадцатилетнюю сестру. Отец Тэнзи также оставался неизвестным, но у Джорджа были кое-какие подозрения на этот счет: безвольным подбородком Тэнзи очень уж напоминала Ссыкуна.

В последующие семь лет Джордж довел до совершенства несколько быстрых афер. Придумал пару-тройку новых. Его мать без лишних вопросов подписала все необходимые бумаги, чтобы он стал официальным опекуном Тэнзи, и Джордж держал эту маленькую шлюшку в школе. Потом узнал, что она пристрастилась к героину. А также, вот они, счастливые деньки, залетела. Хэнки Мелчеру не терпелось на ней жениться. Джордж поначалу удивлялся, потом перестал. Он понял, что в мире полным-полно дураков, которые из кожи лезли вон, лишь бы показать тебе, какие они умные.

Джорджу Блейз нравился, потому что был дураком без претензий. Не проходимцем, хлыщом или засекреченным Клайдом*. Не баловался наркотиками, тем более героином. В общем, такого еще нужно было поискать. Блейз служил инструментом, и в таком качестве Джордж использовал его все годы, которые они провели вместе. Но никогда не унижал и не оскорблял. Как хороший плотник, Джордж

* Аллюзия на Клайда Бэрроу, который на пару с Бонни Паркер в 1930-х годах грабил банки в Техасе. Эта романтическая история с голливудским размахом воспроизведена в фильме «Бонни и Клайд» (1967).

любил хорошие инструменты, на самом высоком уровне выполняющие работу, для которой предназначались. Он мог повернуться спиной к Блейзу, мог лечь спать в комнате, где бодрствовал Блейз, зная, что чемодан по-прежнему будет лежать под кроватью, когда он проснется.

Блейз успокаивал бушующую в Джордже злость. А это дорогого стоило. И наконец пришел день, когда Джордж мог бы сказать: «Блейзер, ты должен прыгнуть с крыши этого здания, потому что такой у нас расклад», — и Блейз прыгнул бы. В каком-то смысле Блейз служил «кадиллаком», которого у Джорджа никогда не было: его мощная подвеска нейтрализовала тряску на ухабистой дороге.

Когда они вошли в «Хардис», Блейз, следуя полученным инструкциям, прямиком отправился в отдел мужской одежды. Своего бумажника он с собой не взял, заменив его дешевым пластиковым, с пятнадцатью долларами и удостоверением на имя Дэвида Биллингса из Ридинга.

Войдя в отдел, Блейз сунул руку в задний карман, вроде бы для того, чтобы проверить, на месте ли бумажник, и при этом вытащил его на три четверти. А когда наклонился, чтобы посмотреть какие-то рубашки на нижней полке, бумажник вывалился на пол.

Наступил самый ответственный момент. Блейз чуть развернулся, держа бумажник в поле зрения и вроде бы не глядя на него. У невнимательного наблюдателя сложилось бы ощущение, что он полностью поглощен выбором рубашки с коротким рукавом. Джордж очень подробно все ему растолковал. Если бумажник заметит честный человек, операция отменяется и они переходят в «Кей-Март».

Иногда приходилось предпринимать до полудюжины попыток, прежде чем трюк срабатывал.

— Ну и ну, — удивился Блейз. — Я и не знал, что честных людей так много.

— Честных — нет, — ответил Джордж с ледяной улыбкой. — А вот запуганных хватает. И приглядывай за этим гребаным бумажником. Если кто-то утащит его, а ты этого не заметишь, ты лишишься пятнадцати баксов, а я — удостоверения личности, которое стоит гораздо дороже.

В тот день в «Хардисе» им улыбнулась удача новичка. Мужчина в рубашке с крокодильчиком на груди, неспешно шедший по проходу, заметил бумажник и огляделся, чтобы посмотреть, нет ли кого поблизости. Поблизости никого не обнаружилось. Блейз поменял одну рубашку на другую и теперь прикладывал ее к груди перед зеркалом. Сердце его стучало, как паровой молот.

«Подожди, пока он сунет бумажник в карман, — говорил Джордж. — И только потом поднимай шум».

Мужчина с крокодильчиком на рубашке ногой пододвинул бумажник к стеллажу со свитерами, которые вдруг заинтересовали его. Потом сунул руку в карман, достал ключи от автомобиля, бросил на пол. Вот оно! Наклонился, чтобы поднять ключи, заодно подхватил и бумажник. Сунул и то и другое в передний карман брюк и двинулся дальше.

— Вор! — дурным голосом завопил Блейз. — Вор! Эй, ТЫ!

Покупатели оборачивались и вытягивали шеи, чтобы получше все разглядеть. Продавцы оглядывались. Ответственный по залу быстро обнаружил источник шума и поспешил к Блейзу, задержавшись

только у кассового аппарата, чтобы нажать на кнопку тревоги.

Мужчина с крокодильчиком на груди побледнел... огляделся... попытался смыться. Блейз схватил его, прежде чем тот успел сделать несколько шагов.

«Обходись с ним грубо, но боли не причиняй, — говорил Джордж. — И при этом не дай сбросить бумажник. Если увидишь, что он хочет это сделать, пни его коленом между ног».

Блейз схватил мужчину за плечи и принялся трясти, поднимая и опуская, как трясут пузырек с таблетками. Мужчина с крокодильчиком (может, поклонник Уолта Уитмена*) завопил. Из карманов посыпалась мелочь. Как и предсказывал Джордж, попытался сунуть руку в карман, где лежал бумажник, и Блейз двинул ему по яйцам... пусть и не очень сильно. Мужчина с крокодильчиком вскрикнул.

— Я научу тебя больше не красть мой бумажник! — проревел Блейз в лицо мужчине. — Я тебя *убью!*

— Кто-нибудь, уберите его от меня! — в ужасе заверещал мужчина. — *Уберите его!*

Один из продавцов попытался вмешаться:

— Эй, достаточно!

Джордж, который в это время изучал одежду для повседневной носки, не таясь, снял верхнюю рубашку и сунул ее под стопку футболок. Все равно никто на него не смотрел. Все смотрели на Блейза, который как следует тряхнул «вора» и порвал рубашку с крокодильчиком на его груди до самого пупка.

— Хватит! — закричал продавец. — Отпустите его!

* Уолт Уитмен (1819–1892) — крупнейший американский поэт.

— Этот сукин сын украл мой бумажник! — проорал в ответ Блейз.

Вокруг собиралась толпа зевак. Все хотели посмотреть, успеет ли Блейз убить парня, которого держал перед собой, до того, как появится ответственный по этажу, детектив магазина или кто-то другой, облеченный властью.

Джордж нажал клавишу «NO SALE» на одном из двух кассовых аппаратов отдела мужской одежды и начал выгребать купюры. Штаны у него были очень широкие, а спереди, под ремнем, он подшил к ним мешочек, который теперь, пользуясь моментом, набивал деньгами. Сначала десятками и двадцатками (попалось даже несколько полусотенных, действительно, новичкам везет), потом пятерками и купюрами по одному доллару.

— Отпустите его! — закричал ответственный по залу, проталкиваясь сквозь толпу. В «Хардисе» был и детектив, он следовал за ответственным по пятам. — Хватит! Прекратите!

Детектив втиснулся между Блейзом и мужчиной с крокодилчиком на теперь уже порванной рубашке.

«Перестань лезть в драку, как только появится магазинный детектив, — говорил Джордж. — Но продолжай вести себя так, будто хочешь убить этого парня».

— Проверьте его карман! — бушевал Блейз. — Этот сукин сын обокрал меня!

— Я поднял бумажник с пола, — признал мужчина-крокодилчик, — и оглядывался, чтобы вернуть его владельцу, когда этот... этот бандит...

Блейз прыгнул на него. Мужчина-крокодилчик отпрянул. Детектив оттолкнул Блейза. Тот не возражал. Он развлекался.

— Полегче, здоровяк. Угомонись.

Ответственный по залу тем временем спросил мужчину-крокодильчика, как того зовут.

— Питер Хоган.

— Выверните ваши карманы, мистер Хоган.

— Я не собираюсь этого делать!

— Выверните карманы, а не то я вызову копов, — присоединился детектив.

Джордж уже шел к эскалаторам, целеустремленный, улыбающийся, приветливый, ничем не уступающий лучшим продавцам «Хардиса».

Питер Хоган прикинул, стоит ли ему упорствовать или нет, потом вывернул карманы. Толпа ахнула, увидев дешевый бумажник.

— Это он! — указал Блейз. — Это мой. Он, должно быть, вытащил его из моего заднего кармана, когда я выбирал себе рубашку.

— Удостоверение личности в нем есть? — спросил детектив, раскрывая бумажник.

На мгновение память отказала Блейзу. А потом рядом словно возник Джордж: «Дэвид Биллингс, Блейз».

— Конечно, Дэвид Биллингс, — кивнул Блейз. — Я.

— И сколько в бумажнике денег?

— Немного. Баксов пятнадцать или около того.

Детектив посмотрел на ответственного по этажу и кивнул. Толпа снова ахнула. Детектив протянул бумажник Блейзу, который сунул его в карман.

— Вы пройдете со мной. — Детектив схватил Хогана за руку.

— Расходитесь, дамы и господа, все закончено. — Ответственный по этажу оглядел толпу. — На

этой неделе «Хардис» предлагает лучшие цены на множество товаров, и я настоятельно рекомендую вам не упустить свой шанс. — Блейз подумал, что говорит тот, как радиодиктор; не стоило удивляться, что он занимал такую важную должность. А ответственный по этажу уже повернулся к Блейзу: — Вы сможете пройти со мной, сэр?

— Да. — Блейз бросил злобный взгляд на Хогана. — Только позвольте мне выбрать рубашку.

— Я думаю, что эта рубашка сегодня станет вам подарком от «Хардис». Но мы хотим, чтобы вы уделили нам несколько минут. Пожалуйста, поднимитесь потом на третий этаж и спросите мистера Флагерти. Комната семь.

Блейз кивнул и вновь повернулся к рубашкам. Ответственный по этажу ушел. Не так уж и далеко от Блейза какой-то продавец собрался нажать на клавишу «NO SALE» кассового аппарата, который обчистил Джордж.

— Эй, вы! — позвал его Блейз, помахав рукой.

Продавец подошел... но не слишком близко.

— Чем я могу вам помочь, сэр?

— Здесь есть буфет?

На лице продавца отразилось облегчение.

— На первом этаже.

— Молодец. — Блейз большим и указательным пальцами правой руки изобразил пистолет, подмигнул продавцу и не спеша направился к эскалатору. Продавец проводил его взглядом. К тому времени, когда он вернулся к своему кассовому аппарату, в котором не осталось ни единой купюры, Блейз уже вышел на улицу. Джордж поджидал его в старом, ржавом «форде». И они уехали.

* * *

Добыча составила триста сорок долларов. Джордж разделил ее пополам. Блейз был в экстазе. Никогда еще деньги не доставались ему с такой легкостью. Джордж наглядно доказал, что он — гений. Они могли прокручивать эту аферу по всему городу.

Джордж выслушал восторженную речь Блейза со скромностью третьесортного фокусника, который только что продемонстрировал свое мастерство на детской вечеринке по случаю чьего-то дня рождения. Не сказал Блейзу, что у этого трюка ноги растут из тех далеких времен, когда он учился в начальной школе: двое покупателей затевали драку в мясной лавке, а третий воровал хороший кусок мяса, пока хозяин разнимал драчунов. Не стал говорить и о том, что их арестуют на третьем «дубле», если не на втором. Просто кивнул, пожал плечами и порадовался состоянию души здоровяка. Блейз, мать его, так легко приходил в восторг.

Они поехали в Бостон, остановились у винного магазина, купили две бутылки «Олд гранддэд». Потом пошли в кинотеатр «Конститьюшн» на Вашингтон-стрит на сдвоенный сеанс и посмотрели на автомобильные погони и мужчин с автоматическим оружием. Из кинотеатра вышли крепко поддатými. И обнаружили, что с «форда» украдены все четыре колпака. Джордж страшно разозлился, хотя колпаки были такими же старыми, как и сам «форд». А потом он увидел, что кто-то, может, и вор, содрал с бампера наклейку «ГОЛОСУЕМ ЗА ДЕМОКРАТОВ», и начал смеяться. Сел на бордюрный камень и смеялся, пока слезы не покатались из глаз.

— Меня ограбил сторонник Рейгана. Чтоб я сдох!

— Может, парень, который содрал твою фампер-приклейку, совсем не тот, кто украл колпаки. — Блейз присел рядом с Джорджем. У него кружилась голова, но это головокружение было хорошим. Приятным головокружением.

— *Фампер-приклейка!* — воскликнул Джордж. Согнулся пополам, будто от рези в животе, но не от боли, а от смеха. Затопал ногами. — Я всегда знал, что есть слово для Барри Голдуотера*! *Гребаный фампер-приклейщик!* — Тут он перестал смеяться. Посмотрел на Блейза плывущими, серьезными глазами. — Блейзер, я подпустил в штаны.

Вот тут начал смеяться Блейз. Смеялся, пока не повалился спиной на тротуар. Никогда еще он так сильно не смеялся, даже с Джонни Челцманом.

Двумя годами позже Джорджа загребли за поддельные чеки. Блейзу опять повезло. Он выздоравливал после гриппа, так что Джордж был один, когда копы схватили его около бара. Он получил три года, очень суровое наказание за первое правонарушение, связанное с подделкой денежных документов, но Джорджа хорошо знали в узких кругах, а судья славился строгими приговорами. Может, даже был фампер-приклейщиком. Отсидеть Джорджу предстояло двадцать месяцев, с учетом времени, уже проведенного за решеткой, и уменьшения срока за примерное поведение.

* Барри Моррис Голдуотер (1909–1998) — политический деятель, крайний консерватор, много раз избирался сенатором от штата Аризона, в 1964 году — кандидат на пост президента от Республиканской партии, с треском проигравший выборы.

Перед вынесением приговора Джордж отвел Блейза в сторону.

— Меня отправят в «Уолпоул», большой мальчик. Как минимум на год. Скорее, на больший срок.

— Но твой адвокат...

— Этот козел не смог бы защитить папу римского от обвинения в изнасиловании. Послушай, ты должен держаться подальше от этой кондитерской «У Мучи».

— Но Хэнк сказал, если я приду, он...

— И держись подальше от Хэнки. До моего возвращения найди обычную работу, вот какой у тебя расклад. Не старайся повернуть что-либо сам. Ты для этого чертовски туп. Ты ведь это знаешь?

— Да, — ответил Блейз и улыбнулся. Ему хотелось плакать.

Джордж это увидел и двинул Блейза в бицепс.

— Все у тебя будет хорошо.

Потом, когда Блейз уходил, Джордж окликнул его. Блейз повернулся, и рука Джорджа нетерпеливо прошла мимо лба. Блейз кивнул и сдвинул козырек своей кепки на счастливую сторону. Улыбнулся. Но в душе ему все равно хотелось плакать.

Он вновь устроился в прачечную, но после жизни с Джорджем эта работа навевала на него жуткую тоску. Он уволился. Стал искать что-то лучше. Какое-то время побыл вышибалой в одном из ночных клубов в Комбат-зоун*, но не подошел для этой работы. У него было слишком мягкое сердце.

* Комбат-зоун — район развлечений для взрослых в центре Бостона.

Вернулся в штат Мэн и пошел в лесорубы, валил молодой лес, дожидаясь возвращения Джорджа. Ему нравилось валить лес, а еще больше — отвозить рождественские ели на юг. Нравился свежий воздух и горизонт, который не заслоняли дома. У города, конечно, были свои плюсы, но в лесу царил такой покой. Там жили птицы, а иногда он видел оленей, переходящих вброд запруженную бобрами речку, и сердцем Блейз тянулся к этой жизни. Он прекрасно обходился и без метро, и без городских толп. Но когда Джордж прислал ему короткую записку: «Выхожу в пятницу, надеюсь тебя увидеть», — Блейз тут же уволился и поехал на юг.

Из «Уолпоула» Джордж вышел, обогащенный новыми вариантами афер. Они перепробовали их все, как старушки — тест-драйв новых автомобилей. Самым удачным оказался трюк с гомиками. Они активно использовали его три года, пока Блейза не арестовали на, как выражался Джордж, «Иисус-афере».

Джордж освободился и еще с одной идеей: вернуть крупное дело и выйти из игры. Потому что, сказал он Блейзу, нельзя тратить лучшие годы жизни, «обуывая» гомиков в барах, где все одеваются, как в «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Или продавая поддельные энциклопедии. Нет, одно крупное дело — и выйти из игры. Такую он поставил себе цель.

Джон Берджесс, в прошлом учитель средней школы, сидевший за непредумышленное убийство, предложил похищение.

— Ты рехнулся! — в ужасе воскликнул Джордж. Они стояли в тюремном дворе (заклученных выве-

ли на утреннюю прогулку), жевали бананы и смотрели, как несколько мускулистых зеков пинают футбольный мяч.

— У этого преступления подмоченная репутация, потому что в основном за него берутся идиоты, — возразил Берджесс, невысокий лысоватый мужчина. — Похитить нужно младенца, это верное дело.

— Да, как Гауптман*, — ответил Джордж и начал трястись, словно его уже посадили на электрический стул и пустили ток.

— Гауптман был идиотом. Послушай, Хриплый, хорошо подготовленное похищение младенца пройдет как по маслу. Что он сможет сказать, когда они спросят его, кто это сделал? Гу-гу га-га? — Он рассмеялся.

— Да, но ведь как припечет, — продолжал сомневаться Джордж.

— Конечно, конечно, припечет. — Берджесс улыбнулся и дернул себя за ухо. Любил он дергать себя за ухо. — Обязательно! Похищения детей и убийство копов всегда вызывают большой переполох. Но ты знаешь, что сказал по этому поводу Гарри Трумэн?

— Нет.

— Он сказал: если не выносишь жары, держись подальше от кухни.

— Ты не сможешь получить выкуп, — гнул свое Джордж. — А даже если сможешь, деньги пометят. По-другому и быть не может.

* Бруно Ричард Гауптман (1899–1936) — похититель сына Чарльза Линдберга.

Берджесс поднял палец, как профессор. А потом все испортил, вновь подергав себя за ухо.

— Ты исходишь из того, что они обратятся в полицию. Но если как следует напугать семью, они попытаются уладить все в частном порядке. — Он выдержал паузу. — Даже если деньги пометят... ты хочешь сказать, что не знаешь нужных людей?

— Может, знаю. Может, и нет.

— Есть люди, которые покупают меченые деньги. Для них это еще одно вложение капитала, как золото или государственные облигации.

— Но забрать выкуп... что ты скажешь насчет этого?

Берджесс пожал плечами. Подергал ухо.

— Легко. Пусть эти лохи сбросят деньги с самолета. — Он повернулся и отошел.

Блейза за «Иисус-аферу» осудили на четыре года. Джордж сказал ему, что главное — это примерное поведение. И тогда больше двух сидеть не придется. Так оно и вышло. Эти годы практически ничем не отличались от тех, которые он провел за решеткой за избиение Закона; только теперь другие заключенные были постарше. В карцере он не провел ни единого дня. Когда долгими вечерами (и на протяжении одного бесконечного периода, когда никого не выпускали из камер в тюремный двор) ему становилось невмоготу, он писал письма Джорджу. Допускал множество ошибок, а сами письма получались длинными. Джордж отвечал нечасто, но сам процесс написания, пусть и требующий немалых усилий, успокаивал. Выводя на бумаге слово за словом, Блейз представлял себе, что Джордж стоит позади него, заглядывает через плечо.

— Туремная прачешная, — говорил Джордж. — Чтоб я сдох!

— А что не так, Джордж?

— Т-ю-р-е-м-н-а-я, тюремная. П-р-а-ч-е-ч-н-а-я, прачечная. Тюремная прачечная.

— Ах да. Конечно.

Количество орфографических и даже синтаксических ошибок уменьшалось, хотя он не пользовался словарем. Однажды у них состоялся такой воображаемый разговор:

— Блейз, ты не используешь положенные тебе сигареты. — Сидел Блейз в то золотое времечко, когда некоторые из табачных компаний тестировали на заключенных новые сорта сигарет, раздавая их бесплатно.

— Я же не курю, Джордж. Ты знаешь. Они просто копились бы.

— Послушай меня, Блейзер. Ты берешь сигареты в пятницу. Потом продаешь их в четверг, когда всем до смерти хочется покурить. Вот такой у нас расклад.

Блейз последовал совету. И удивился тому, как много людей готовы заплатить на сигареты, которые не дают кайфа.

В другой раз:

— Как-то странно ты говоришь, Джордж.

— Естественно. Мне только что вытащили четыре гребаных зуба. Чертовски все болит.

Воспользовавшись правом на звонок и позвонив Джорджу уже не за счет вызываемого абонента, а на деньги, вырученные от продажи сигарет на черном рынке, Блейз спросил, как его зубы.

— Какие зубы? — пробурчал Джордж. — Этот гребаный дантист, должно быть, носит их на шее,

будто охотничьи трофеи. — Он помолчал. — Как ты узнал, что я их удалил? Кто-то тебе сказал?

Блейз внезапно почувствовал, что сейчас его поймут за чем-то постыдным, вроде дочки в часовне.

— Да, — ответил он. — Кто-то сказал.

Когда Блейз вышел из тюрьмы, они перебрались в Нью-Йорк, но там им не понравилось. Джорджу залезли в карман, что он воспринял как личное оскорбление. Они поехали во Флориду, провели тоскливый месяц в Тампе, без денег, не имея возможности их раздобыть. Вернулись на север, только не в Бостон, а в Портленд. Джордж сказал, что хочет провести лето в Мэне, прикинувшись, будто он — богатый республиканский говнюк.

Вскоре после приезда туда Джордж прочитал в газете статью о Джерардах: какие они богатые, как младший Джерард только что женился на смазливой девушке из спиков. Ему вспомнилась идея Берджесса о похищении младенца, то самое большое дело. Но ребенок еще не родился, *тогда* не родился, и они отправились в Бостон.

Следующие два года зиму они проводили в Бостоне, лето — в Портленде. Уезжали на север в какой-нибудь развалюхе в начале июня, увозя зимние накопления, спрятанные в запаске: семьсот баксов в первый год, две тысячи — во второй. В Портленде прокручивали аферу, если представлялась такая возможность. Если нет, Блейз ловил рыбу или расставлял в лесу силки. И какими же счастливыми были для него эти летние месяцы! Джордж лежал на солнце, пытаясь загореть (напрасный труд, он

только краснел, будто вареный рак), отгонял слепней и желал смерти Рональду Рейгану (которого называл Старым белым папашкой Элвиса).

А потом, Четвертого июля их второго лета в Мэне, Джордж обратил внимание на то, что Джо Джерард-третий и его нармянская жена стали родителями.

Блейз раскладывал пасьянс на крыльце лачуги и слушал радиоприемник. Джордж выключил радио.

— Послушай, Блейзер. У меня идея.

Тремя месяцами позже его убили.

Они постоянно ходили играть в крэпс, и никогда не возникало никаких проблем. Игра была честная. Блейз не играл, но часто просто стоял за спиной Джорджа. Тому очень, очень везло.

В тот октябрьский вечер Джордж сделал шесть выигрышных бросков подряд. Мужчина, стоявший на коленях по другую сторону расстеленного на полу одеяла, которое заменяло стол, всякий раз ставил против Джорджа. Проиграл сорок долларов. Играли на складе около доков, где воздух был пропитан запахами старой рыбы, загнивающего зерна, соли и бензина. Если вдруг становилось тихо, сверху доносилось отчетливое «так-так-так»: морские чайки ходили по крыше. Мужчину, который проиграл сорок долларов, звали Райдер. Он заявлял, что наполовину индеец-пенобскот*, и что-то индейское в его облике действительно просматривалось.

Когда Джордж в седьмой раз взял кости вместо того, чтобы передать их следующему, Райдер поставил двадцатку на проигрыш.

* Резервация индейцев племени пенобскот находится в штате Мэн.

— На победу, кости, — проворковал Джордж. Его тощее лицо сияло. Козырек кепки он с самого начала сдвинул влево. — Давайте, большие кости*, давайте, давайте, прямо сейчас! — Кости покатались по полотнищу. Выпало одиннадцать. — Семь раз подряд! — воскликнул Джордж. — Забери выигрыш, Блейзерино, папочка идет за большой восьмеркой. Кости бросим — восьмерочку попросим.

— Ты сжульничал. — Голос Райдера прозвучал сухо, бесстрастно.

Джордж замер с протянутой к кубикам рукой.

— Что ты сказал?

— Ты подменил кости.

— Перестань, Райд, — вмешался кто-то. — Он этого не...

— Я хочу получить деньги назад. — Он протянул руку над одеялом.

— Ты получишь сломанную руку, если не перестанешь гнать пургу, — ответил Джордж. — Вот что ты получишь, солнышко.

— Я хочу получить деньги назад. — Рука Райдера никуда не делась.

Вот тут на складе повисла тишина, и Блейз услышал шаги чаек по крыше: *так-так-так*.

— Пошел на хрен. — И Джордж плюнул в протянутую руку.

Все произошло очень быстро, как обычно и происходит в подобных случаях. Со скоростью, за которой разум не может уследить, Райдер сунул оплеванную руку в карман джинсов, откуда она появилась уже с выкидным ножом. Райдер нажал на

* Кости (кубики) в крэпсе большего размера, чем, скажем, в нардах.

хромированную кнопку в рукоятке из пластмассы под слоновую кость, лезвие выскочило, люди, сгрудившиеся у полотнища, подались назад.

— Блейз! — прокричал Джордж.

Блейз прыгнул через полотнище на Райдера, который качнулся вперед и всадил нож в живот Джорджа. Джордж закричал. Блейз схватил Райдера и ударил головой об пол. Что-то хрустнуло, будто сломалась ветка.

Джордж встал. Посмотрел на рукоятку ножа, которая торчала из рубашки. Схватился за нее, начал вынимать, скривился от боли:

— Черт. Ох черт, — и тяжело сел.

Блейз услышал хлопанье двери. Услышал грохот шагов на лестнице: народ разбежался.

— Унеси меня отсюда. — Желтая рубашка Джорджа стала красной вокруг рукоятки ножа. — Возьми и деньги... Господи, как больно.

Блейз собрал разбросанные купюры — ставки на последнюю игру. Сунул в карман потерявшими чувствительность пальцами. Джордж тяжело и часто дышал. Как собака в жаркий день.

— Джордж, позволь мне вытащить...

— Нет, ты сошел с ума? Он не дает внутренностям вывалиться. Унеси меня отсюда, Блейз! Ох, мой гребаный Иисус!

Блейз поднял Джорджа на руки, и Джордж закричал снова. Кровь капала на полотнище и на блестящие черные волосы Райдера. Под рубашкой живот Джорджа стал твердым, как доска. Блейз пронес его через склад, потом вышел с ним на улицу.

— Нет, ты забыл хлеб. Ты никогда не берешь этот гребаный хлеб. — Блейз подумал, что Джордж,

возможно, говорит про деньги*, и уже хотел сказать, что взял их, когда Джордж добавил: — И салями. — Дыхание его участилось. — У меня есть та книга, знаешь ли.

— Джордж!

— Та книга с картинкой... — Джордж закашлялся собственной кровью. Блейз развернул его и похлопал по спине. Ничего другого придумать не смог. Но когда вновь повернул Джорджа лицом к себе, тот уже умер.

Блейз положил его на доски у склада. Попятился. Вернулся и закрыл Джорджу глаза. Вновь попятился, вернулся, опустился рядом на колени.

— Джордж?

Нет ответа.

— Ты умер, Джордж?

Нет ответа.

Всю дорогу до автомобиля Блейз бежал. Прыгнув за руль, рванул с места так, что след сожженной резины протянулся на двадцать футов.

— Сбавь скорость, — раздался с заднего сиденья голос Джорджа.

— Джордж?

— *Сбавь скорость, черт бы тебя побрал!*

Блейз сбавил скорость.

— Джордж! Пересядь на переднее сиденье! Перелезь через спинку. Подожди, я тебя перетяну.

— Нет, — ответил Джордж. — Мне нравится заднее.

— Джордж?

— Что?

* У английского слова bread несколько значений, в том числе хлеб и деньги.

- Что мы теперь будем делать?
- Украдем ребенка, — ответил Джордж. — Как и планировали.

Глава 23

Когда Блейз выбрался из маленькой пещеры и огляделся, он понятия не имел, сколько вокруг людей. Полагал, что десятки. Это не имело значения. Пистолет Джорджа вывалился из-за ремня, но это тоже не имело значения. Глубоко проваливаясь в снег, Блейз пошел на первого парня, которого увидел. Тот лежал на снегу неподалеку от пещеры, приподнявшись на локтях, держа пистолет обеими руками.

— Руки вверх, Блейсделл! Не двигайся! — закричал Гранджер.

Блейз прыгнул на него.

Гранджер успел выстрелить дважды. Первая пуля чиркнула по предплечью Блейза. Вторая пробила падающий снег. А потом Блейз всеми своими двумя руками семьдесят фунтами рухнул на парня, который причинил вред Джо, и оружие Гранджера отлетело в снег. Гранджер вскрикнул, когда соприкоснулись сломанные кости ноги.

— Ты ранил ребенка! — прокричал Блейз в перекосенное от ужаса лицо Гранджера. Его пальцы нашли шею агента ФБР. — Ты ранил ребенка, безмозглый сукин сын, ты ранил ребенка, ты ранил ребенка, ты ранил ребенка!

Голова Гранджера моталась взад-вперед, словно он согласно кивал, как бы говоря, что все понима-

ет и возражений у него нет. Лицо полиловело. Глаза вылезли из орбит.

Они приближаются.

Блейз перестал душить парня и огляделся. Никого. И тишина, если не считать воя ветра и едва слышного шипения падающего снега.

Нет, еще какой-то звук. Крики Джо.

Блейз побежал к пещере. Джо катался по полу, кричал, хватался ручонками за воздух. Отлетевший от потолка осколок гранита нанес больший урон, чем падение из колыбельки. Кровь залила всю щеку.

— Черт бы его побрал! — прокричал Блейз.

Поднял ребенка, вытер щеку, засунул Джо в конверт из одеял, надел свою шапку на голову младенца. Джо вопил что есть мочи.

— Мы должны бежать, Джордж. Со всех ног. Так?

Нет ответа.

Блейз спиной вперед выбрался из пещеры, прижимая ребенка к груди, развернулся лицом к ветру и побежал к дороге для вывоза леса.

— Где Корлисс его оставил? — спросил Стерлинг Франклина, хватая ртом воздух.

Мужчины стояли у самого леса, тяжело дыша.

— Там, — указал Франклин. — Я найду это место.

Стерлинг повернулся к Брэдли.

— Свяжитесь со своими людьми. И с шерифом округа Камберленд. Я хочу, чтобы дорогу для вывоза леса перекрыли с обоих концов. А что за ней, если он все-таки ускользнет?

Брэдли хрипло рассмеялся.

— Ничего, кроме реки Ройял. Хотелось бы посмотреть, как он будет через нее переходить.

— Разве лед не встал?

— Конечно, но не настолько толстый, чтобы ходить по нему.

— Ладно. Давайте прибавим шагу. Франклин, показывайте дорогу. Самую короткую дорогу. Этот человек очень опасен.

Они спустились с первого склона. Углубившись в лес на пятьдесят ярдов, Стерлинг заметил синесерую фигуру, привалившуюся к дереву.

Франклин добрался до нее первым.

— Корлисс.

— Мертв? — спросил Стерлинг, присоединившись к нему.

— Да. — Франклин указал на цепочку следов, которые уже превратились в неглубокие ямки.

— Пошли. — И на этот раз Стерлинг двинулся первым.

Через пять минут они нашли Гранджера. Глубина отметин на его шее превышала дюйм.

— Ну и здоров же этот парень, — выдохнул кто-то. Стерлинг указал на заснеженный склон.

— Там пещера. Я в этом уверен. Может, он оставил ребенка?

Двое патрульных подобрались к треугольному входу в пещеру. Один остановился, что-то достал из снега. Поднял над головой.

— Ствол! — крикнул он.

«Как будто мы все слепые», — подумал Стерлинг.

— К черту этот гребаный ствол, ищите ребенка! И будьте осторожны!

Один из патрульных включил фонарь и полез в пещеру. Второй присел на корточки, прислушиваясь, повернулся к Стерлингу и Франклину.

— В пещере ребенка нет!

Они увидели следы, уходящие от пещеры к старой дороге для вывоза леса, еще до того, как из пещеры вылез обследовавший ее патрульный.

— Он обогнал нас не больше, чем на десять минут, — сказал Стерлинг Франклину. Потом возвысил голос: — Растягиваемся в цепочку! Мы выгоним его на ту дорогу.

Они двинулись дальше. Стерлинг — по следам Блейза.

Блейз бежал.

Спотыкаясь, продвигался вперед огромными прыжками, проламывался сквозь кусты, вместо того, чтобы найти обходной путь, нагибался над Джо, защищая его от колющих веток. Воздух врывается в легкие и вырывается из них. Он слышал за спиной какие-то крики. Они вгоняли Блейза в панику.

Джо вопил, извивался, кашлял, но Блейз держал его крепко. Еще немного, еще чуть-чуть, и они выскочат на дорогу. Там будут автомобили. Патрульные автомобили, но его это не волновало. При условии, что ключи остались в замках зажигания. Он уедет насколько сможет далеко и быстро. Потом бросит патрульный автомобиль и переседет в какой-нибудь другой. Очень подошел бы пикап. Эти мысли приходили в голову и уходили, как картинки цветных комиксов.

Блейз попал в болотистое место, где тонкий лед, окружавший кочки со снежными шапками, подался под его тяжестью, и ноги по щиколотку провалились в ледяную воду. Но не остановился и вышел к зарослям кустов, которые доставали ему до шеи. Проломился сквозь них спиной, чтобы защитить

Джо. Одна ветка подлезла под шапку Блейза, которую он надел на Джо, и сдернула ее с головы ребенка. Времени подбирать шапку не было.

Джо принялся оглядываться, его глаза широко распахнулись от ужаса. Без шапки, которая согревала воздух у его лица, дышать ему стало труднее. И плач стал тише. За спиной Блейза что-то выкрикивал синий голос закона. Это не имело значения. Только бы добраться до дороги, все остальное — ерунда.

Земля пошла вверх. Бежать по склону стало легче. Блейз прибавил скорости. Он спасал свою жизнь. И Джо.

Стерлинг тоже бежал изо всех сил, на тридцать ярдов опережая остальных. Расстояние между ним и Блейзом сокращалось. Почему бы и нет? Здоровяк прокладывал ему путь. Рация на ремне затрещала. Стерлинг сдернул ее с ремня, но говорить не стал. Чтобы не сбить дыхание, только дважды нажал на кнопку.

— Это Брэдли, слышите меня?

— Да. — Только одно слово. Дыхание требовалось для того, чтобы продолжать погоню. В голове вертелась единственная связная мысль, закрывая все остальные ярко-красной пеленой: этот негодяй убил Гранджера. Убил агента.

— Шериф поставил патрульные автомобили на лесной дороге. Полиция штата, как только сможет, придет на помощь. Конец связи?

— Да. И все за ним.

Он побежал дальше. Через пять минут наткнулся на красную вязаную шапку, лежащую на снегу. Сунул ее в карман и продолжил преследование.

* * *

Блейз преодолевал последние пятьдесят ярдов подъема, ведущего к лесной дороге. Джо больше не плакал; для того чтобы плакать, уже не хватало дыхания. Снег налип на верхних веках и ресницах, заставив их закрыться.

Блейз дважды падал на колени, всякий раз выставляя локти вперед, чтобы обезопасить ребенка. Наконец добрался до вершины. И... есть! На дороге стояло как минимум пять пустых патрульных автомобилей.

Под склоном Алберт Стерлинг выскочил из леса и теперь смотрел на подъем, который уже преодолел Блейз. Увидел самого Блейза. Наконец-то они вышли на этого здоровенного мерзавца.

— Остановись, Блейсделл! ФБР! Остановись и подними руки!

Блейз оглянулся. Коп казался совсем маленьким. Блейз повернул голову и выбежал на дорогу. Остановился у первого патрульного автомобиля, заглянул в кабину. И опять повезло! Ключ в замке зажигания. Уже собрался положить Джо на переднее сиденье, рядом с книжкой для выписки квитанций, когда услышал рев двигателя. Повернулся и увидел приближающийся к нему патрульный автомобиль. Посмотрел в противоположную сторону — и увидел второй.

— Джордж! — вскричал Блейз. — Ох, Джордж!

Вновь прижал к себе Джо. Дышал младенец часто-часто, словно не мог набрать полную грудь воздуха, совсем как Джордж после того, как Райдер пырнул его ножом. Блейз захлопнул дверцу, побежал к капоту.

Помощник шерифа округа Камберленд высунулся из патрульного автомобиля, который приближался с севера. В руке он держал портативный мегафон.

— Стой, Блейсделл! Все кончено! Оставайся на месте!

Блейз перебежал дорогу, и кто-то в него выстрелил. Слева поднялся фонтанчик снега. Джо в испуге заверещал.

Блейз спрыгнул с дороги, гигантскими прыжками понесся вниз. Еще одна пуля просвистела у его головы и содрала кору с березы, мимо которой пробежал Блейз. Миновав насыпь, Блейз споткнулся о бревно, скрытое снегом. Упал, накрыв собой ребенка. Поднялся, смахнул снег с лица малыша. Не весь.

— Джо, ты в порядке?

Джо дышал тяжело, с хрипами. Каждый вдох отстоял от предыдущего на целую вечность.

Блейз побежал дальше.

Стерлинг добрался до дороги, перемахнул через нее. Один из патрульных автомобилей Управления шерифа стоял на обочине. Помощники шерифа вышли из автомобиля и смотрели вниз, с нацеленными пистолетами.

Щеки Стерлинга натянулись, десны почувствовали холод — он понял, что улыбается.

— Мы взяли мерзавца.

Они побежали вниз по насыпи.

Блейз проскочил редкие тополя и ясени. За ними лежала открытая местность. Ни деревьев, ни кустов. Лишь плоская белая равнина — засыпанная снегом

река. А вот на другом берегу серо-зеленые хвойные леса уходили за заснеженный горизонт.

Блейз пошел по льду. Сделал девять шагов, прежде чем лед треснул, и Блейз по бедра погрузился в ледяную воду. Тяжело дыша, повернул назад, выбрался на берег.

Стерлинг и два помощника шерифа выскочили из-за последних деревьев.

— ФБР! — крикнул Стерлинг. — Положи ребенка на снег и отойди.

Блейз развернулся вправо и побежал. Горло горело, воздух с трудом удавалось протолкнуть в легкие. Он искал взглядом птицу, любую птицу над рекой — и не находил. Зато нашел Джорджа. Джордж стоял впереди, ярдах в восьмидесяти. Сквозь снег просматривался лишь силуэт, но Блейз ясно видел его кепку, с козырьком, повернутым чуть влево, на сторону удачи.

— Скорее, Блейз. Прибавь ходу, ты, гребаный ленивец! Покажи им свои каблуки! Покажи им, какой у нас расклад, черт побери!

Блейз побежал быстрее. Первая пуля попала ему в правое бедро. Они стреляли низко, чтобы не попасть в ребенка. Пуля не заставила Блейза сбавить шаг, он ее просто не заметил. Вторая угодила в подколенную ямку и вылетела через колено в фонтане крови и обломков кости. Блейз и тут ничего не почувствовал. Продолжал бежать. Такого просто быть не могло, но ублюдок, как скажет потом Стерлинг, продолжал бежать. Словно лось, раненный в брюхо.

— *Помоги мне, Джордж! У меня беда!*

Джордж исчез, но Блейз слышал его грубый, хрипловатый голос:

— Да, но ты почти выбрался. Поднажми, парень.

Блейз подключил последние резервы. Стал уходить от них. У него открывалось второе дыхание. Все-таки они с Джо сумели убежать. Пусть в последний момент, на пределе, но сумели, и теперь все будет хорошо. Блейз смотрел на реку, шурился, стремясь увидеть Джорджа. Или птицу. Всего лишь одну птицу.

Третья пуля ударила в правую ягодицу, чуть под углом, раздробила бедренную кость. Разлетелась и пуля. Самый большой осколок ушел влево и вскрыл толстый кишечник. Блейз пошатнулся, почти упал, потом побежал дальше.

Стерлинг опустил на одно колено, держа пистолет обеими руками. Прицелился быстро, даже небрежно. Фокус заключался в том, чтобы особо не думать. Довериться связке рука-глаз, полностью положиться на нее.

— Господи, да будет воля Твоя.

Четвертая пуля (первая из пистолета Стерлинга) попала Блейзу в поясницу, перебила позвоночник. Он почувствовал, будто его ударила огромная рука в боксерской перчатке, чуть выше почек. Упал — и Джо вылетел из рук.

— Джо! — закричал Блейз и на локтях пополз к ребенку. Джо лежал на снегу с открытыми глазами. Смотрел на него.

— Он хочет добраться до ребенка! — закричал один из помощников шерифа.

Блейз тянулся к Джо одной рукой. И ручка Джо, ищущая, за что бы схватиться, нашла ее. Крошечные пальчики сомкнулись вокруг большого пальца Блейза.

Стерлинг стоял над Блейзом, тяжело дыша. Произнес тихо, чтобы помощники шерифа его не услышали:

— Это тебе за Брюса, подонок.

— Джордж? — спросил Блейз, и Стерлинг нажал на спусковой крючок.

Глава 24

Отрывок стенограммы пресс-конференции, состоявшейся 10 февраля.

ВОПРОС. Как Джо, мистер Джерард?

ДЖЕРАРД. Врачи говорят, что он быстро идет на поправку, слава Богу. Поначалу состояние было тяжелое, но с пневмонией удалось справиться. Он — боец, в этом нет никаких сомнений.

В. Можете высказаться по поводу действий ФБР?

ДЖЕРАРД. Еще бы! Они сработали на «отлично».

В. И что вы и ваша жена собираетесь теперь делать?

ДЖЕРАРД. Мы собираемся в «Диснейленд».

(Смех.)

В. Серьезно?

ДЖЕРАРД. А я и не шутил. Как только врачи скажут, что Джо здоров, мы поедем в отпуск. В какое-нибудь теплое место, с пляжем. А вернувшись, приложим все силы, чтоб поскорее забыть этот кошмар.

Блейза похоронили в Саут-Камберленде, менее чем в десяти милях от Хеттон-Хауза и примерно на таком же расстоянии от дома, где отец сбросил его с лестницы. Похоронили за счет города, как и большинство бедняков штата Мэн. Солнце в тот день не

выглянуло, в последний путь Блейза никто не провожал. За исключением птиц. Главным образом ворон. Около сельских кладбищ всегда хватает ворон. Они прилетают, садятся на ветви, а потом улетают по ведомым только птицам делам.

Джо Джерард-четвертый лежал за стеклянной панелью, в больничной кровати. Он уже поправился. В этот самый день отец и мать забирали его домой, но он об этом не знал.

У него прорезался новый зуб, и вот это он знал — по боли. Лежал он на спине и смотрел на птиц над своей кроватью. Они были подвешены на тонких проволочках и взлетали от любого дуновения ветра. А вот сейчас не двигались, и Джо начал плакать.

Лицо наклонилось над ним, воркующий голос попытался его успокоить. Лицо было незнакомое, и он заплакал еще сильнее.

Лицо поджало губы и дунуло на птиц. Птицы полетели. Джо перестал плакать. Наблюдал за птицами. Птицы смешили его. Он забыл о незнакомых лицах, забыл о боли от нового зуба. Он наблюдал за полетом птиц*.

(1973)

* Переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фэнам Стивена Кинга (прежде всего Сергею Филиппову из Великого Новгорода), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб», стараниями которых эту работу удалось провести.

Стивен Кинг

ПАМЯТЬ*

* Рассказ Стивена Кинга «Память» впервые появился в т. 7 номере 4 журнала «Тин хауз», в летнем выпуске 2006 года. Рассказ стал тем семечком, из которого выросло куда более длинное произведение, роман «Дьюма-Ки», опубликованный в издательстве «Скрибнер» в 2008 году. — *Примеч. автора.*

Воспоминания своевольны. Если ты прекращаешь гоняться за ними и поворачиваешься к ним спиной, они частенько возвращаются сами по себе. Так говорит Кеймен. Я убеждаю его, что никогда не пытался вспомнить подробности произошедшего со мной несчастного случая. Есть такое, утверждаю я, что лучше забыть.

Возможно, да только не имеет это значения. Так говорит Кеймен.

Меня зовут Эдгар Фримантл. Раньше я был заметной фигурой в строительной индустрии. В Миннесоте, в моей прошлой жизни. В той жизни я реализовывал американскую мечту, трудился, как проклятый, пробиваясь наверх, и все у меня получилось. Когда Двойной город* процветал, процветала и «Фримантл компани». Когда обстановка накалялась, я ничего не пытался решить силой. Руководствовался интуицией, и в большинстве случаев она

* Двойной город — Миннеаполис и Сент-Пол.

меня не подводила. К моему пятидесятилетию мы с Пэм стоили сорок миллионов долларов. И мы сохранили прежние чувства. Время от времени я смотрел на других женщин, но никогда не задерживал взгляд. К концу нашего семейного Золотого века одна наша девочка училась в Университете Брауна*, а другая преподавала в рамках программы обмена с иностранными государствами. Как раз перед тем, как все пошло наперекосяк, мы с женой собирались навестить старшую дочь.

Несчастный случай произошел со мной на строительной площадке. Так уж вышло. Я сидел в пикапе. Правую сторону моего черепа разmozжило. Ребра переломало. Правое бедро раздробило. И хотя в правом глазу зрение сохранилось на шестьдесят процентов (а в хорошие дни и побольше), я потерял практически всю правую руку.

Вероятно, предполагалось, что я потеряю и жизнь, но я выкарабкался. Потом обещали, что я останусь растением, вроде Симпсона-Гомера-в-коме, однако обошлось. Придя в себя, я попал в число тех американцев, которые пребывают в вечном замешательстве, но ушло и это. К тому времени, правда, ушла и моя жена. Стала женой парня, которому принадлежит сеть боулингов. Моей старшей дочери он нравится, а младшая считает его выскочкой. Бывшая жена говорит, что они еще притрутся друг к другу.

Может, да, может — нет. Так говорит Кеймен.

Когда я говорю, что пребывал в замешательстве, то имею в виду, что поначалу я не узнавал людей,

* Университет Брауна — частный университет в городе Провиденс, штат Род-Айленд.

не понимал, что произошло и почему меня мучает такая ужасная боль. Сейчас я не могу вспомнить характер и степень болевых ощущений. Я знаю, она терзала меня, но теперь тема эта представляет собой интерес чисто теоретический, вроде фотоснимка горы в «Нэшнл джиографик». Тогда, конечно, было не до теории. Тогда происходящее скорее напоминало восхождение на гору.

Возможно, больше всего досаждала головная боль. Она не прекращалась. За моим лбом всегда царила полночь, которую отбивали самые большие в мире башенные часы. Из-за повреждения правого глаза я видел мир через кровавую пленку и все еще мало представлял себе, что это за мир. Лишь редкие вещи уже обрели привычные названия. Я помню один день, когда Пэм находилась в палате (я тогда еще не перебрался из больницы в санаторий для выздоравливающих) и стояла у моей постели. Я знал, кто она, и ужасно злился из-за того, что она стоит, когда рядом есть та штуковина, на которую садятся.

— Принеси друга, — сказал я. — Сядь на друга.

— О чем ты, Эдгар? — спросила она.

— *Друг, приятель!* — прокричал я. — Принеси этого гребаного приятеля, ты, тупая сука! — Боль в голове сводила с ума, а Пэм заплакала. Я ненавижу ее за то, что она начала плакать. Чего, собственно, она плакала? Не она же сидела в клетке, глядя на все сквозь красный туман. Не она была обезьяной в клетке. И тут я наконец вспомнил слово: — Принеси старика и, ради Бога, сляг! — Старик — это все, что мой воспаленный, разможенный мозг смог предложить вместо стула.

Я все время злился. В больнице работали две медсестры средних лет, которых я назвал Сухая дырка Один и Сухая дырка Два, словно они были персонажами в похабной истории доктора Сьюза*. А одна красотка стала у меня Мохнатой Пастилкой... понятия не имею почему, но прозвище несло в себе что-то связанное с сексом. Во всяком случае, для меня. По мере того как прибавлялось сил, я начал бить людей. Дважды пытался зарезать Пэм, и первая попытка удалась, правда, нож был пластмассовый. На ее руку пришлось накладывать швы. А меня в тот день связали.

И вот что я особенно четко помню о начале моей тогдашней жизни: жаркий день ближе к концу моего пребывания в санатории для выздоравливающих, кондиционер сломан, я привязан к кровати, в телевизоре — мыльная опера, тысячи колоколов звенят в голове, боль жжет правую половину тела, как раскаленная кочерга, отсутствующая правая рука зудит, отсутствующие пальцы правой руки дергаются, дозатор морфия, который стоит под кроватью, издает тихое БОНГ, означающее, что какое-то время болеутоляющего я получать не буду, из красного марева выплывает медсестра, существо, присланное, чтобы взглянуть на обезьяну в клетке, и говорит: «Вы готовы принять вашу жену?» А я отвечаю: «Только если она принесла пистолет, чтобы застрелить меня».

Кажется, такая боль никогда не уйдет, но она уходит. Меня отвезли домой, красная пелена нача-

* Доктор Сьюз — псевдоним американского писателя и мультипликатора Теодора Сьюза Гейзела (1904–1991). Аллюзия на персонажей одной из самых известных сказок доктора Сьюза «Кот в шляпе» (1957), Нечто Один и Нечто Два.

ла рассеиваться, и появился Кеймен. Он — психотерапевт, специализирующийся на гипнотерапии. Научил меня несколькими эффективными способам подавлять фантомные боли и зуд в моей отрезанной руке. И купил мне Ребу.

— Этот психотерапевтический метод воздействия на злость пока одобрения не получил, — предупредил меня доктор Кеймен, хотя, полагаю, он мог и солгать, чтобы сделать Ребу более привлекательной. Сказал мне, что я должен дать ей отвратительное имя, вот я и назвал ее в честь тетушки, которая в детстве больно сдавливала мне пальцы, если я не ел овощи. Но не прошло и двух дней, как я забыл ее имя. В голову лезли только мужские имена, которые злили меня еще сильнее: Рэндолл, Расселл, Рудольф и даже Ривер-гребаный-Финикс.

Пэм принесла мне ленч, и я увидел, как она напряглась, готовясь к взрыву эмоций. Но, даже забыв имя этой призванной снимать ярость куклы с взбитыми светлыми волосами, я помнил, как использовать ее в такой ситуации.

— Пэм, — обратился я к жене, — мне нужно пять минут, чтобы взять себя в руки. Я смогу это сделать.

— Ты уверен?

— Да, только унеси отсюда это дерьмо и засунь в свою пудреницу. Я смогу это сделать.

Я не знал, смогу или нет, но именно это мне полагалось сказать: «Я смогу это сделать». Я не мог вспомнить имя этой гребаной куклы, но вспомнил ключевую фразу: «Я смогу это сделать». Речь, само собой, шла о фазе выздоровления моей новой жизни, о том, что я должен продолжать говорить «я смо-

гу это сделать», пусть даже знаю, что я в заднице, в глубокой заднице, и проваливаюсь все глубже.

— Я смогу это сделать, — сказал я, и она попятилась, без единого слова, с подносом в руках, на котором чашка постукивала о тарелку.

Когда Пэм ушла, я поднял куклу на уровень лица, всматриваясь в ее глупые синие глаза, а мои пальцы вдавливались в ее глупое податливое тело.

— Как твое имя, ты, сука с крысиной мордой? — прокричал я. Мне ни разу и в голову не пришло, что Пэм слушает меня на кухне по аппарату внутренней связи, она и медсестра, которая дежурила днем. Но если бы аппарат и сломался, они смогли бы услышать меня через дверь. В тот день мой голос разносился далеко.

Я тряс куклу из стороны в сторону. Ее голова моталась, волосы летали. Синие кукольные глаза, казалось, говорили: «О-о-о-о-х, какой противный мальчик!»

— Как твое имя, сука? Как твое имя, дрянь? Как твое имя, жалкий кусок пластикового дерьма? *Скажи мне свое имя, а не то я тебя убью! Скажи мне свое имя, или я вырву твои глаза, откушу нос, раздеру тво...*

В голове у меня что-то замкнуло, такое иногда случается и теперь, по прошествии четырех лет, но гораздо реже. На мгновение я вернулся в свой пикап, планшет с зажимом для бумаг колотился о старый стальной контейнер для лэнча на полу перед пассажирским сиденьем (сомневаюсь, что я был единственным работающим миллионером Америки, который возил с собой лэнч, однако больше нескольких десятков нас вряд ли наберется), ноутбук лежал рядом на сиденье. Из радио

женский голос с евангелическим жаром прокричал: «Оно было КРАСНЫМ!» Только три слова, но мне их хватило. Они из песни о бедной женщине, которая отправляет свою красивую дочь заниматься проституцией. Песня эта — «Фантазия», в исполнении Ребы Макинтайр*.

Я прижал куклу к груди.

— Ты — Реба. Реба-Реба-Реба. Больше я твоего имени не забуду.

Я забыл, но в следующий раз уже не злился. Нет, прижал куклу к себе, как маленькую возлюбленную, закрыл глаза, визуализировал пикап, уничтоженный в результате того несчастного случая, мой стальной контейнер для ленча, о который постукивал металлический зажим на планшете, и женский голос из радиоприемника, вновь с евангелическим жаром прокричавший: «Оно было КРАСНЫМ!»

Доктор Кеймен назвал это прорывом. Моя жена не проявила такого же энтузиазма, и ее поцелуй в щеку был скорее формальным. А примерно через два месяца она сказала мне, что хочет развестись.

К тому времени боли значительно ослабели, а мозг уже мог делать важные умозаключения, когда возникала такая необходимость. Голова, случалось, болела, но не так часто и сильно. Я, конечно, с нетерпением ждал таблетку виколина в пять и оксиконтин в восемь часов (едва мог ходить на ярко-красном канадском костыле, не получив их), но мое слепленное заново правое бедро начало заживать.

* Реба Макинтайр (р. 1955) — известная американская певица и актриса. Чудом осталась жива при аварийной посадке самолета.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, приходила в Casa Freemantle* по понедельникам, средам и пятницам. Мне разрешали принимать дополнительную таблетку викадина перед нашими занятиями, и все равно мои крики наполняли дом к тому времени, когда мы заканчивали упражнения на сгибание ног — финальную часть каждого занятия. Наш тренажерный зал в подвале переоборудовали в кабинет лечебной физкультуры, оснащенный даже горячей ванной, в которую я мог залезать, а потом и вылезать из нее без посторонней помощи. После двух месяцев занятий лечебной физкультурой (то есть почти через шесть месяцев после несчастного случая) я начал по вечерам самостоятельно спускаться в подвал. Кэти говорила, что час-другой занятий перед тем, как лечь в кровать, высвобождают эндорфины и способствуют более крепкому сну. Насчет эндорфинов не знаю, но спать я действительно стал лучше.

И во время одного из таких вот вечерних занятий моя жена, с которой я прожил двадцать пять лет, спустилась в подвал и сказала, что хочет со мной развестись.

Я прервал то, чем занимался (сгибался вперед, вытянув ноги перед собой), и посмотрел на нее. Я сидел на мате. Она стояла у подножия лестницы, достаточно далеко от меня. Я мог спросить, говорит ли она всерьез, но света хватало (яркие флуоресцентные лампы), и такого вопроса я не задал. Если на то пошло, не думаю, что женщина может пошутить на такую тему через шесть месяцев после того, как ее муж едва не погиб в результате несчастного

* Casa Freemantle — дом Фримантла (*исп.*).

случая. Я мог бы спросить почему, но и так знал. Видел маленький белый шрам на ее предплечье в том месте, куда я ударил пластиковым ножом (схватил с подноса, на котором в больнице мне принесли обед), но ведь этим дело не ограничивалось. Я подумал о том, как сказал ей, не так уж и давно, унести отсюда свою задницу и засунуть в нее пудреницу. Я подумал, а не попросить ли ее еще раз все обдумать, но злость вернулась. В те дни «неадекватная злость», как называл ее доктор Кеймен, приходила часто. Но злость, которую я испытывал в тот самый момент, не казалась мне неадекватной.

Я сидел без рубашки. Моя правая рука заканчивалась в трех с половиной дюймах ниже плеча. Я приподнял ее (это все, что я мог делать с оставшимися мышцами), чтобы наставить на жену, и сказал:

— Это я показываю тебе палец. Убирайся отсюда, раз ты этого хочешь. Убирайся отсюда, мерзкая сумка.

Первые слезы потекли по ее лицу, но она попыталась улыбнуться.

— Сука, Эдгар. Ты хотел сказать, сука.

— Слово — это всего лишь слово. — Я вновь начал сгибаться и разгибаться. Чертовски сложное это упражнение, если у тебя нет одной руки: тело постоянно уходит в сторону. — А смысл в том, что я бы не оставил тебя. Прошел бы через грязь, кровь, мочу и пролитое пиво.

— Это другое. — Она и не пыталась вытереть слезы. — Другое, и ты это знаешь. Я бы не смогла разорвать тебя надвое, если бы пришла в ярость.

— Мне бы пришлось чертовски потрудиться, чтобы разорвать тебя надвое одной рукой. — Я увеличил частоту сгибаний и разгибаний.

— Ты ударил меня ножом. — Как будто это был решающий аргумент.

— Это был пластиковый нос, ничего больше, я тогда мало что соображал, и это будут твои последние слова на гребаном смертном ковре: «Эдди ударил меня пластиковым носом, прощай, жестокий мир».

— Ты меня душил, — проговорила она так тихо, что я едва ее расслышал.

Но, расслышав, перестал наклоняться и вытирались на нее.

— Я тебя душил? Никогда я тебя не душил.

— Я знаю, ты не помнишь, но душил.

— Заткнись! — рявкнул я. — Ты хочешь развод, ты его получишь. Только изображай аллигатора где-нибудь в другом месте. Убирайся.

Она поднялась по лестнице и закрыла дверь, не оглянувшись. И лишь после ее ухода я сообразил, что хотел сказать «крокодиловы слезы». Лей крокодиловы слезы где-нибудь в другом месте.

Ладно, сойдет и так, хоть это и не совсем рок-н-ролл. Так говорит Кеймен. И в итоге из дома уехал я.

За исключением Памелы Густавсон, в моей прошлой жизни партнеров у меня не было. Зато был бухгалтер, которому я доверял, Том Райли. Именно он помог мне перевезти те немногие вещи, которые я взял с собой, из дома в Мендота-Хайтс в наш коттедж на озере Фален, расположенный в двадцати милях. Том (сам он разводился дважды) не одобрил моего решения.

— В такой ситуации ты не должен уезжать из дома. Только в том случае, если судья вышибет тебя.

А так ты словно отдаешь преимущество своего поля в плей-офф.

Кэти Грин, королева лечебной физкультуры, развелась лишь единожды, но полностью поддержала Тома. Заявила, что переехать может только безумец. Она сидела в трико, скрестив ноги, на крыльце коттеджа, держала мои ступни и взирала на меня с суровой яростью.

— Что? Только из-за того, что вы ударили ее пластиковым больничным ножом, когда едва могли вспомнить свое имя? Резкие перемены настроения, потеря памяти — обычное дело для человека, который попал в столь серьезную передрыгу, как вы. У вас же были три внутричерепные гематомы!

— Вы уверены, что именно гематомы? — переспросил я.

— Какая разница. — Она пожала плечами. — Если бы вы наняли хорошего адвоката, то заставили бы ее заплатить за то, что она такая тряпка. — Несколько волос выскочили из ее хвоста, и Кэти сдула их со лба. — Она должна за это заплатить. Читайте по моим губам, Эдгар: вашей вины тут нет.

— И она говорит, что я пытался ее задушить.

— Конечно, это так травмирует психику, когда тебя пытается задушить однорукий инвалид. Перестаньте, Эдди, заставьте ее за это заплатить. Я знаю, это не мое дело, но мне плевать. Она не должна поступать, как поступает. Заставьте ее заплатить.

Вскоре после того, как я перебрался на озеро Фален, девочки навестили меня... молодые женщины. Они принесли корзину со всем необходимым для пикника, мы сидели на крыльце с видом на

озеро, где так хорошо пахло соснами, смотрели на воду, ели сэндвичи. День труда* миновал, так что большинство плавающих игрушек вытащили из воды и оставили на берегу до следующего года. В корзине была и бутылка вина, но я выпил совсем ничего. В сочетании с лекарствами алкоголь бил наотмашь: один стакан, и у меня заплетался язык. Девочки (молодые женщины) выпили остальное на пару и расслабились. Мелисса, вернувшаяся из Франции второй раз после моей неудачной встречи с краном (которая очень огорчила ее), поинтересовалась, у всех ли семейных пар за пятьдесят бывают неприятные периоды разлада. Ильза, младшая, начала плакать, привалилась ко мне, спросила, почему все не может быть как раньше, почему мы (то есть ее мать и я) не можем жить по-старому.

Эмоциональный взрыв Лиссы и слезы Ильзы пусть и были не в радость, но шли от души. Эти реакции я помнил по тем годам, которые девочки провели в доме, где я жил вместе с ними. Эти реакции были столь же знакомы мне, как родинка на подбородке Ильзы или едва заметная складочка меж бровей хмурящейся Лиссы, которая порой становилась резче, как и у Пэм.

Лисса хотела знать, что я собираюсь делать. Я ответил, что не знаю, и в определенном смысле не покривил душой. Я прошел немалый путь к решению покончить с собой, но точно знал: если я это сделаю, все должно выглядеть как несчастный случай. Я не мог оставить этих двух девочек, которые только на-

* День труда — общенациональный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. На следующий день в школах начинается учебный год.

чинали жить, с непомерным грузом вины за самоубийство отца. Я не мог возложить ту же вину на женщину, с которой однажды пил в кровати молочный коктейль: мы лежали голые, смеялись и слушали по стереосистеме «Пластик Оно бэнд»*.

После того как мы получили шанс стравить давление (по терминологии Кеймена, «обстановка разрядилась»), все как-то успокоилось, и мы неплохо провели день, разглядывая фотографии в старых альбомах, которые Ильза нашла в каком-то ящике, и вспоминая прошлое. Думаю, раз-другой мы даже посмеялись, но не всем воспоминаниям моей другой жизни можно доверять. Кеймен говорит, когда дело касается прошлого, мы все склонны подтасовывать.

Может, да, может — нет.

Если уж речь зашла о Кеймене, он стал моим следующим гостем в Casa Phalen**. Заглянул ко мне через три дня после дочерей. Может, через шесть. Как и многие аспекты моей памяти, чувство времени сильно подводило меня после произошедшего со мной несчастного случая. Я Кеймена не приглашал. Он появился у меня исключительно благодаря заботам моей королевы лечебной физкультуры.

Хотя Ксандеру Кеймену едва ли стукнуло сорок, ходил он как человек куда более пожилой и тяжело дышал, даже когда сидел, глядя на мир через толстые стекла очков поверх огромной груши живота. Кеймен был очень высоким и очень афроамериканским, а черты его лица, в силу их невероятных

* «Пластик Оно бэнд» — первый сольный альбом Джона Леннона (1970).

** Casa Phalen — дом Фален (исп.).

размеров, казались нереальными. Эти гигантские выпученные глаза, этот нос, напоминавший корабельный таран, эти вывороченные губы заворачивали. Кеймен выглядел как второстепенный бог в костюме из «Дома мужской одежды». Он также выглядел кандидатом в покойники от обширного инфаркта или инсульта, встреча с которыми ждала его до пятидесятилетия.

Кеймен отказался выпить кофе или «колы», сказал, что долго не задержится, потом поставил брифкейс на диван, противореча собственным словам. Сел рядом с подлокотником (диван прогнулся на пять фатомов* и продолжал прогибаться — я даже испугался за пружины), посмотрел на меня и шумно вдохнул.

— Что привело вас сюда? — спросил я его.

— Кэти говорит мне, что вы планируете уйти, — ответил он. Тем же тоном он мог бы сказать: «Кэти говорит мне, что вы планируете пикник на лужайке и собираетесь предложить гостям глазированные пончики». — В этом есть доля правды?

Я открыл рот, закрыл. Однажды, когда мне было десять и я жил в О-Клер, я взял комикс с вращающейся стойки в аптечном магазине, сунул в джинсы, накрыл сверху футболкой. Когда неспешным шагом направлялся к двери, чувствуя себя очень умным, продавщица схватила меня за руку. Вздернула мне футболку, выставив напоказ мое уворованное сокровище. «И как он сюда попал?» — спросила она меня. Больше ни разу не было у меня такого случая, чтобы я не мог найтись с ответом на столь простой вопрос.

* Фатом — морская сажень (1,83 м).

Наконец (прошло слишком уж много времени, чтобы мой ответ восприняли серьезно) я промямлил:

— Это нелепо. Я не знаю, откуда у нее могли взяться такие мысли.

— Нет?

— Нет. Точно не хотите «колы»?

— Спасибо, но я пас.

Я поднялся, достал «колу» из холодильника на кухне. Крепко зажал бутылку между культией и ребрами (это возможно, но болезненно, не знаю, что вы видели в фильмах, однако сломанные ребра болят долго), левой скрутил крышку. Я левша. «В этом вам повезло, *muchacho**», — как говорит Кеймен.

— В любом случае я удивлен, что вы серьезно восприняли ее слова, — сказал я, когда вернулся. — Кэти — великолепный специалист по лечебной физкультуре, но она же не психоаналитик. — Я постоял, прежде чем сесть. — Да и вы тоже. Если уж на то пошло.

Кеймен сложил ладонь лодочкой за ухом, которое размерами не уступало ящику стола.

— Я слышу... какой-то треск? Вроде бы слышу!

— О чем вы говорите?

— Такой приятный слуху средневековый звук. Обычно он слышится, когда человека вздергивают на дыбе и трещат вылезающие из суставов плечи. — Он попытался подмигнуть мне, но когда у человека лицо таких размеров, изобразить иронию невозможно: только бурлеск. Однако я его понял. — Что же касается Кэти Грин, вы правы, что она может знать? Она ведь работает с частично парализованными людьми, с полностью парализованными, с теми,

* *Muchacho* — юноша (*исп.*).

у кого ампутированы конечности, вроде вас, с выздоравливающими после тяжелой травмы головы... опять вроде вас. Этой работой Кэти Грин занимается пятнадцать лет, она могла наблюдать реакцию тысячи увечных пациентов на то, что им никогда не стать такими, как прежде. Но куда ей распознать депрессию с суицидальными тенденциями?

Я сел в продавленное кресло, которое стояло напротив дивана, чуть склонился налево, чтобы поменьше нагружать больное бедро, и мрачно уставился на Кеймена. Передо мной сидел человек, который видел меня насквозь. Как бы тщательно я ни замаскировал свое самоубийство, его провести мне не удастся. И Кэти Грин тоже.

Он наклонился вперед... но, учитывая объем его живота, лишь на несколько дюймов, больше не получалось.

— Вы должны подождать.

Я вытаращился на него. Вот уж никак не ожидал такого совета.

Он кивнул:

— Вы удивлены. Да. Но я не христианин, тем более не католик, и к самоубийству отношусь вполне терпимо. Однако верю в ответственность человека и говорю вам следующее: если вы покончите с собой сейчас... даже через шесть месяцев... ваши жена и дети узнают. С какими бы предосторожностями вы все ни обставили, они узнают.

— Я не...

— И компания, в которой вы застраховали свою жизнь... на очень большую сумму, я не сомневаюсь... тоже узнает. Они, возможно, не смогут этого доказать, но будут очень, очень стараться. Слухи, которые они начнут распускать, навредят вашим детям,

пусть вы и думаете, что они хорошо от этого защищены.

Я понимал, что Мелисса защищена. А вот Ильза — совсем другое дело.

— И в конце концов они смогут это доказать. — Кеймен пожал огромными плечами. — Сколько это будет в денежном эквиваленте, не стану даже предполагать, но знаю, что ваше наследство уменьшится на значительную сумму.

О деньгах я как раз и не думал. В голове роились мысли о следователях страховой компании, вынюхивающих все, что можно, пытающихся определить, как и что я подстроил, разоблачить меня. И вот тут я начал смеяться.

Кеймен сидел, положив огромные черные руки на слоноподобные колени, смотрел на меня с маленькой *я-все-это-видел* улыбкой на губах. Да только на его лице ничего не могло быть маленьким. Он дал мне отсмеяться, а потом спросил, что я нашел такого забавного.

— Вы говорите мне, что я слишком богат, чтобы покончить с собой.

— Я говорю, что вы должны выждать. Насчет вас у меня очень сильное предчувствие... то самое, что побудило меня дать вам куклу, которую вы называли... как вы ее называли?

Секунду я не мог вспомнить. Потом подумал: «Оно было **КРАСНОЕ!**» — и назвал ему имя, которое дал блондинистой, призванной снимать ярость кукле со взбитыми волосами.

Он кивнул.

— Да. То самое предчувствие побудило меня дать вам Ребу. А теперь оно подсказывает мне, что время вас успокоит. Время и память.

Я не стал убеждать его, будто помню все, что хотелось помнить. Он знал мое мнение на сей счет.

— О каком периоде времени мы говорим, Кеймен?

Он вздохнул, как человек, собирающийся сказать нечто такое, о чем потом будет сожалеть.

— Минимум год. — Он всматривался в мое лицо. — Вам кажется, что это очень долго. В вашем нынешнем состоянии.

— Да, — кивнул я. — Теперь время для меня течет иначе.

— Разумеется, — согласился он. — Время-с-болью, оно другое. И время-в-одиночестве — другое. Соедините их вместе и получите что-то еще, отличающееся от двух первых. Поэтому притворитесь, будто вы — алкоголик, и живите, как они.

— Сегодняшним днем.

Он кивнул.

— Сегодняшним днем.

— Кеймен, вы несете чушь.

Он смотрел на меня из глубин старого дивана, с которого никогда бы не поднялся без посторонней помощи.

— Может, да, может — нет. А пока... Эдгар, что-нибудь способно сделать вас счастливым?

— Не знаю... Я раньше рисовал.

— Когда?

Тут до меня дошло, что рисовал я только в средней школе, а потом выводил на бумаге какие-то завитушки во время телефонных разговоров. Хотел уже солгать... стыдился сказать правду... но все же сказал. Однорукие мужчины должны говорить правду, если есть такая возможность. Это слова не Кеймена — мои.

— Попробуйте снова порисовать, — предложил Кеймен. — Вам нужно отгородиться.

— Отгородиться? — в недоумении повторил я.

— Да, Эдгар. — На его лице отражались удивление и недоумение, словно я никак не мог понять очень простой концепции. — Отгородиться от ночи.

Где-то через неделю после визита Кеймена меня навестил Том Райли. Листья уже начали менять цвет, и я помню, что продавцы в «Уол-Марте» развешивали хэллоуиновские постеры, когда я заглянул туда за несколько дней до приезда моего бывшего бухгалтера, чтобы купить альбомы и все необходимое для рисования. Это единственное, что приходит на память.

Насчет самого визита Тома я лучше всего помню одно: его смущение и неловкость. Тома послали с поручением, которое ему не хотелось выполнять.

Я предложил ему «колу», и он согласился. Когда вернулся из кухни, он смотрел на сделанный мной рисунок тушью: три пальмы у кромки воды, крыша хижины на заднем фоне слева.

— Неплохо, — прокомментировал он. — Ты нарисовал?

— Нет, эльфы, — ответил я. — Они приходят ночью. Чинят мне обувь и иногда рисуют картины.

Он рассмеялся и вернул рисунок на письменный стол.

— На Миннесоту, прафта, не похоше. — Он вдруг заговорил со шведским акцентом.

— Я скопировал его из книги, — пояснил я. — Что я могу сделать для тебя, Том? Если речь пойдет о бизнесе...

— Вообще-то заглянуть к тебе меня попросила Пэм. — Он опустил голову. — Я не хотел, но не мог заставить себя сказать «нет».

— Выкладывай, Том. Я тебя не укушу.

— Она наняла адвоката. Настроена на развод.

— Я и не думал, что она откажется от своих планов. — Я говорил правду. Не помнил, как душил ее, зато хорошо запомнил выражение ее глаз, когда она мне об этом сообщила. Запомнил, что назвал ее гребаной сумкой, и если бы в тот самый момент, у лестницы, она упала бы мертвой, посчитал бы, что так ей и надо. Я был бы только рад. Но, если оставить в стороне мои чувства, я прекрасно знал: когда Пэм принимала решение, отказывалась она от него крайне редко.

— Она хочет знать, собираешься ли ты привлечь Боузи.

Вот тут я не мог не улыбнуться. Уильям Боузмэн-третий возглавлял миннеаполисскую юридическую фирму, услугами которой пользовалась моя компания, и если бы он узнал, что мы с Томом последние двадцать лет зовем его Боузи, его, наверное, хватил бы удар.

— Я даже не думал об этом. А в чем проблема, Том? Что конкретно она хочет?

Он выпил половину «колы», поставил стакан рядом с моим незаконченным рисунком, уставился на свои туфли.

— Она выразила надежду, что удастся обойтись без жесткого противостояния. Она сказала: «Я не хочу быть богатой и не хочу драться за каждый доллар. Я лишь хочу, чтобы он обошелся по справедливости со мной и девочками, как он поступал все-

гда. Ты ему это передашь?» Вот я и передаю. — Том пожал плечами, продолжая смотреть под ноги.

Я поднялся, подошел к большому окну между гостиной и крыльцом, посмотрел на озеро. Когда повернулся, Том Райли изменился до неузнаваемости. Поначалу я подумал, что у него схватило живот. Потом понял, что он пытается подавить слезы.

— Том, в чем дело? — спросил я.

Он покачал головой, попытался заговорить, но с губ сорвался лишь влажный хрип. Он откашлялся, предпринял вторую попытку.

— Босс, не могу привыкнуть к тому, что у тебя только одна рука. Мне так жаль.

Он произнес эти слова так безыскусно, экспромтом, с такой теплотой... Шли они, конечно же, от сердца. Я думаю, в тот момент мы оба были на грани слез, как пара расчувствовавшихся парней в «Шоу Опры Уинфри». Кого нам не хватало, так это одобрительно кивающего доктора Фила*.

— Мне тоже жаль, но я как-то справляюсь. Честное слово. И я хочу, чтобы ты ей кое-что передал. Если идею она одобрит, детали мы утрясем. Обойдемся без адвокатов. Решим все сами.

— Ты серьезно, Эдди?

— Да. Ты все подсчитаешь, так что мы будем знать общую сумму, из которой можно исходить. Ничего прятать не нужно. Потом мы разделим итог на четыре части. Она возьмет три, семьдесят пять процентов, для себя и девочек, я — остальное. А что касается самого развода... слушай, в Миннесоте это

* Доктор Фил — Филипп Калвин Мактроу (р. 1950) — ведущий популярного американского психологического шоу «Доктор Фил». Получил известность, появляясь на «Шоу Опры».

не проблема, мы с ней можем пойти на ленч, а потом купить в «Бордерс»* книгу «Развод для чайников».

Он вытаращился на меня.

— Есть такая книга?

— Я в каталог не заглядывал, но если нет, я съем твои усы.

— Я думал, говорят «съем твои трусы»**.

— А разве я сказал не так?

— Эдди, ты же разбазаришь свое состояние.

— Спроси меня, и я скажу, что мне насрать. Без разницы, будь уверен. Я лишь предлагаю распределить все так, чтобы адвокатам не удалось снять сливки. Если мы — люди здравомыслящие, денег хватит всем.

Он глотнул «колы», не отрывая от меня взгляда.

— Иногда я думаю, тот ли ты человек, с которым я раньше работал.

— Тот человек умер в пикапе, — ответил я.

Если вы представляете себе мое новое пристанище одиноким коттеджем на берегу озера, стоящим в конце проселочной дороги, петляющей по лесу, то сильно ошибаетесь. Мы же говорим о пригороде Сент-Пола. Наш дом на озере расположен в конце Астер-лейн, асфальтированной улицы от Ист-Хойт-авеню до воды. В середине октября я наконец-то внял совету Кэти Грин и начал ходить пешком. Позволял себе только короткие вылазки до Ист-Хойт-авеню, и всякий раз по возвращении мое правое раздробленное (потом восстановленное) бедро молило о пощаде, а в глазах стояли слезы. Но при этом

* «Бордерс» — сеть (более четырехсот) книжных магазинов.

** Примерно так («Съешь мои трусы») говорит Барт Симпсон из известного сериала.

я ощущал себя героем-победителем: солгу, если этого не признаю. И я возвращался после одной такой прогулки, когда миссис Феверо сбила Гендальфа, симпатичного терьера, который принадлежал маленькой девочке из соседнего дома.

Я отшагал уже три четверти пути от Ист-Хойт-авеню до моего дома, когда эта Феверо проехала мимо меня на своем нелепом, горчичного цвета «хаммере». Как всегда, с мобильником в одной руке и сигаретой в другой. Как всегда, слишком быстро. Все произошло мгновенно, и я, конечно, не заметил, как Гендальф выскочил на проезжую часть и бросился навстречу Монике Голдстайн, которая шла по другой стороне улицы в парадной герлскаутской форме. Я все свое внимание сосредоточил на восстановленном бедре. Как всегда, в завершающей части этих коротких прогулок у меня создавалось ощущение, что это так называемое чудо современной медицины набито десятью тысячами острых стеклянных осколков. И перед тем как услышать визг шин «хаммера», я думал о том, что миссис Феверо этого мира теперь живут во вселенной, отличной от той, где обитаю я: в моей все чувства ополовинены.

Потом завизжали шины, и на визг наложился крик маленькой девочки:

— ГЕНДАЛЬФ, НЕТ!

В этот самый момент я отчетливо и ясно увидел, как кран, едва не убивший меня, заполняет правое боковое окно моего пикапа, и мир, в котором я всегда жил, пожирается желтизной, куда более яркой, чем «хаммер» миссис Феверо, а по желтизне плывут черные буквы, раздуваются, становятся все больше.

Потом начал кричать и Гендальф, и видение прошлого (которое доктор Кеймен, несомненно, назвал

бы «возвращенным воспоминанием») ушло. До того осеннего дня четырем годами раньше я понятия не имел, что собаки могут кричать.

Я побежал, бочком, как краб, стуча по тротуару своим красным костылем. Уверен, со стороны выглядело это нелепо, но никто не обращал на меня никакого внимания. Моника Голдстейн стояла на коленях посреди улицы рядом со своей собакой, лежавшей перед высокой, коробчатой радиаторной решеткой «хаммера». Лицо девочки белело поверх зеленой формы. На ленте, которая тянулась поперек груди, висели какие-то значки и медали. Конец этой ленты намокал в увеличивающейся луже крови Гендальфа. Миссис Феверо наполовину выпрыгнула, наполовину вывалилась с нелепо высокого водительского сиденья «хаммера». Ава Голдстейн, в расстегнутой блузке и босиком, выбежала из парадной двери дома Голдстейнов, выкрикивая имя дочери.

— Не трогай его, дорогая, не трогай его, — проговорила миссис Феверо. Она все еще держала сигарету и нервно затягивалась. — Он может тебя укусить.

Моника ее не слышала. Коснулась бока Гендальфа. От прикосновения собака закричала вновь (это был крик), и Моника закрыла лицо руками. Начала трясти головой. Я не стал бы ее винить.

Миссис Феверо потянулась к девочке, потом передумала. Отступила на два шага, привалилась к высокому борту своего нелепого транспортного средства и посмотрела в небо.

Миссис Голдстейн опустила на колени рядом с дочерью.

— Миленькая моя, ох, миленькая, пожалуйста, не надо...

Гендальф завыл. Лежал на мостовой, в расширяющейся луже собственной крови, и выл. И теперь я смог вспомнить звук, который издавал кран. Не «мип-мип-мип», как положено, потому что звуковой сигнал, предупреждающий о движении крана назад, не работал. Слышалось резко меняющее тональность урчание дизельного двигателя и шуршание гусениц, вдавливающих в землю.

— Уведите ее в дом, Ава, — сказал я. — Уведите ее в дом.

Миссис Голдстейн обняла дочь за плечи, попыталась поднять.

— Пойдем, миленькая. Пойдем домой.

— *Без Гендальфа не пойду!* — закричала Моника. Одиннадцатилетняя, развитая для своего возраста — но сейчас больше всего напоминавшая трехлетнего ребенка. — Не пойду без моей собачки! — Лента с медалями, последние три дюйма которой пропитались кровью, прошла по ее юбке, оставив на бедре кровавую полосу.

— Пойди в дом и позвони ветеринару, — обратился я к девочке. — Скажи, что Гендальфа сбила машина. Скажи, что он должен немедленно приехать. А я побуду с Гендальфом.

Моника посмотрела на меня. В глазах стоял не шок — безумие. Но я без труда выдержал этот взгляд — слишком часто видел его в зеркале.

— Вы обещаете? Клянетесь? Именем матери?

— Клянусь именем матери, — кивнул я. — Иди, Моника.

Она пошла, еще раз взглянув на Гендальфа и издав скорбный вопль, прежде чем сделать первый шаг к дому. Я присел рядом с Гендальфом, держась рукой за бампер «хаммера», как и всегда, испытывая жут-

кую боль и клонясь налево с тем, чтобы не сгибать правое колено больше, чем того требовала необходимость. Однако и с моих губ сорвался крик боли, и я задался вопросом, а удастся ли мне подняться без посторонней помощи. На миссис Феверо я рассчитывать не мог. Она отошла к левому тротуару, на прямых, широко расставленных ногах, согнулась в талии, словно кланяясь особе королевской крови, и блевала в сливную канаву. При этом одна рука, с сигаретой, была отведена далеко в сторону.

Я повернулся к Гендальфу. Под колесо попала задняя часть его тела. Позвоночник перебило. Кровь и экскременты сочились между сломанных задних лап. Он поднял на меня глаза, и я увидел в них ужасающую надежду. Его язык выполз изо рта и лизнул мне запястье, сухой, как ковер, и холодный. Гендальф собирался умирать, но, возможно, не так скоро. Моника в самое ближайшее время могла выйти из дома, а я не хотел, чтобы он дожид до этого и смог лизнуть ее запястье.

Я понимал, что должен сделать. И никто бы не увидел, как я это делаю. Моника и ее мать находились в доме. Миссис Феверо по-прежнему стояла ко мне спиной. Если другие люди, жившие на этой части улицы, смотрели из окон (или даже вышли на лужайки), «хаммер» блокировал им обзор, не позволял увидеть меня, сидящего с неестественно выпрямленной правой ногой рядом с собакой. Времени у меня было в обрез, считанные мгновения, и я упустил бы свой шанс, продолжая раздумывать.

Поэтому я взялся уцелевшей рукой за верхнюю, уцелевшую часть тела Гендальфа и без малейшей паузы вернулся на строительную площадку на Саттон-авеню, где «Фримантл компани» готовилась воз-

вести сорокаэтажное банковское здание. Я в пикапе. По радио Пэт Грин* поет «Волна на волне». Внезапно я осознаю, что шум от двигателя крана очень уж громкий, хотя я не слышу сигнала, который тот должен издавать при движении задним ходом, а когда смотрю направо, мир за моим окном исчезает. Его заменяет что-то желтое. И на этом желтом черные буквы: **LINK-BELT**. Они увеличиваются и увеличиваются. Я выворачиваю руль «рэма» влево, до упора, зная, что уже опоздал, потому что скрежещет корезающийся металл, заглушая песню, а кабина начинает сжиматься, справа налево, потому что кран вторгается в мое пространство, крадет мое пространство, и пикап наклоняется. Я пытаюсь открыть водительскую дверцу, но куда там. Сделать это следовало незамедлительно, но слишком быстро стало поздно что-то предпринимать. Мир передо мной исчезает, потому что ветровое стекло из-за миллиона трещинок становится матовым. Потом строительная площадка возвращается, продолжая поворачиваться — это ветровое стекло выскочило из рамы и летит, как сложенная пополам игральная карта. Я давлю на клаксон обоими локтями, моя правая рука служит мне в последний раз. Но едва слышу грудок за ревом двигателя крана. Надпись **LINK-BELT** все движется, сминает дверцу со стороны пассажирского сиденья, сжимает пол под пассажирским сиденьем, разбивает приборный щиток, который ощеривается пластиковыми остриями. Все дерьмо из бардачка разлетается по кабине, как конфетти, радио замолкает, мой контейнер для ленча прижат к планшету с зажимом,

* Патрик Крейвен Грин (р. 1972) — известный американский певец и автор песен.

и вот идет **LINK-BELT**. Надпись уже надо мной, я могу высунуть язык и лизнуть этот гребаный дефис. Я начинаю кричать, потому что именно в этот момент меня начинает сдавливать. Давление нарастает, моя правая рука сначала прижимается к боку, потом расплывается, потом вскрывается. Кровь хлещет на колени, словно горячая вода из ведра, и я слышу, как что-то ломается. Вероятно, мои ребра. Такие же звуки слышны, когда куриные кости ломаются под каблуком сапога.

Я прижимаю Гендальфа к себе и думаю: «Принеси этого гребаного приятеля, ты, тупая сука! Принеси старика и, ради Бога, сляг!»

Теперь я сижу на приятеле, сижу на гребаном старике, происходит это у меня дома, но все часы мира звонят в моей треснувшей голове, и я не могу вспомнить имя куклы, которую дал мне Кеймен, я помню только мужские имена: Рэндолл, Расселл, Рудольф, даже Ривер-гребаный-Финикс. Я говорю ей, чтобы она оставила меня в покое, когда она приходит с ленчем, есть который не хочется, прошу дать мне пять минут, чтобы взять себя в руки. «Я могу это сделать», — говорю я, потому что этой фразе научил меня Кеймен, это сигнал «мип-мип-мип», который предупреждает: берегись, Памела, я двигаюсь задним ходом. Но вместо того чтобы оставить меня одного, она снимает салфетку с подноса с ленчем, чтобы вытереть пот с моего лба, и когда вытирает, я хватаю ее за шею: думаю в тот момент, что не могу вспомнить имя куклы исключительно из-за нее, это ее вина, *все* — ее вина, включая **LINK-BELT**. Я хватаю ее за шею левой рукой, пользуюсь представившейся возможностью, *tuchacho*. Несколько

секунд хочу ее убить и, кто знает, может, почти убиваю. Хорошо я знаю другое: лучше мне вспомнить все катастрофы мира, чем выражение ее глаз, когда она пытается вырваться из моей руки, словно загарпуненная рыба. Потом я думаю: «Оно было КРАСНОЕ!» — и отпускаю жену.

Я прижимал Гендальфа к груди, как дочерей, когда они были младенцами, и думал: «Я смогу это сделать. Я смогу это сделать. Я смогу это сделать». Ощущал, как кровь Гендальфа заливает мои брюки, будто горячая вода, и думал: «Давай, хрен моржовый, вылезай из “доджа”».

Держал Гендальфа и думал, каково это, чувствовать, как тебя давят живого, когда кабина твоего пикапа сжирает воздух вокруг тебя, и ты уже не можешь вдохнуть, кровь хлещет из носа и рта, и последние звуки, которые ухватывает улетающее сознание — хруст ломающихся в теле костей: ребра, рука, бедро, нога, щека, твой гребанный череп.

Я держал собаку Моники и думал, ощущая ничтожный, но триумф: «Оно было КРАСНОЕ».

На мгновение я погрузился в темноту с этим красным и держал шею Гендальфа сгибом левой руки, которая теперь работала за две, и силы в ней хватало. Я согнул эту руку, согнул, насколько мог, точно так же, как сгибал, когда делал упражнения с десятифунтовой гантелей. Потом открыл глаза. Гендальф затих, глядя мимо моего лица и неба за ним.

— Эдгар? — подошел Хастингс, который жил через два дома от Голдстейнов. На его лице читался ужас. — Ты можешь положить собаку. Она мертва.

— Да. — Я ослабил хватку. — Ты сможешь мне встать?

— Не уверен, что смогу, — ответил Хастингс. — Скорее, завалю нас обоих.

— Тогда пойдй к Голдстайнам, посмотри, как они.

— Это ее песик, — вздохнул он. — Я сомневался. Надеялся... — Он покачал головой.

— Ее. И я не хочу, чтобы она видела его в таком виде.

— Разумеется, но...

— Я ему помогу. — Миссис Феверо выглядела чуть лучше и уже бросила сигарету. Потянулась к моей правой подмышке, замерла. — Вам будет больно?

«Да, — мог бы ответить я. — Но не так, как сейчас». И когда Хастингс уже шагал по дорожке к дому Голдстайнов, я ухватился левой рукой за бампер «хаммера». На пару нам удалось поставить меня на ноги.

— Наверное, у вас нет ничего такого, чтобы накрыть собаку? — спросил я.

— Если на то пошло, в багажнике есть кусок брезента. — Она посмотрела в сторону багажника (учитывая размеры «хаммера», путь предстоял долгий). — Слава Богу, собака умерла до возвращения девочки.

— Да, — согласился я. — Слава Богу.

— И, однако... она никогда этого не забудет, правда?

— Вы спрашиваете не того человека, миссис Феверо. Я всего лишь отошедший от дел строитель.

Но когда я спросил Кеймена, тот выказал удивительный оптимизм. Он сказал, что именно плохие воспоминания истончаются первыми. А потом, сказал он, они рвутся и пропускают свет. Я ответил, что он несет чушь, на что Кеймен только рассмеялся.

Может, да, сказал он, может — нет.

Содержание

Ричард Бахман. БЛЕЙЗ. Перевод В. Вебера . . .	7
Стивен Кинг. ПАМЯТЬ. Перевод В. Вебера . . .	319

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен
(*Бахман Ричард*)

Блейз

Сборник

Ответственный редактор *А. Батурина*

Редактор *С. Тихоненко*

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*

Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 24.10.2017. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 5755.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Ричард Бахман.

Литературное alter ego Стивена Кинга. Псевдоним, под которым писатель создавал свои самые необычные романы, наиболее известны из которых «Худеющий» и «Регуляторы» — произведения, смело раздвигающие границы жанра.

Путь романа «Блейз», последнего романа Ричарда Бахмана, оказался длинным и нелегким. Первую его версию Кинг создал еще в 1973 году, но отложил на долгие десятилетия и вернулся к работе лишь в 2006 году, когда совершенно случайно нашел оригинал рукописи в архивах библиотеки Университета Мэна...

После смерти знаменитого преступника Джорджа Рэкли его ученик Блейз решает в одиночку осуществить задуманный Рэкли план — похищение ребенка из семьи миллионеров.

Теперь Блейз, держа маленького Джо в заложниках, скрывается в лесах штата Мэн...

а полиция все ближе.

И «преступление века» превращается в настоящую гонку со временем...

В сборник также включен рассказ «Память», послуживший основой для романа «Дьюма-Ки».

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-105335-2

9 785171 053352